

ПОСЕВ

III
1986

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальное издание избранных материалов

Русский
поэт

**Николай
Гумилев**

Фото 1915 г.

Расстрелян ЧК
в 1921 г.

Реабилитирован
в 1986-м...

- Чернобыль – «цена риска» (статьи Е. Давыдова, Я. Маркова, и др.).
- Самиздатский документ «К гражданам Советского Союза».
- Д. Михеев: «Революция в военном деле и реформы в СССР».
- Русско-польская дискуссия (письмо НТС, ответы Я. Билета и З. Руража).
- Интервью с гл. редактором «Вестника РХД» Н. А. Струве.
- А. Колин. К 40-летию трагедии Власовского движения.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Со дня основания (1945 г.) и до сегодняшнего дня издательство „Посев“ видит свою задачу в печатании и распространении вольного русского слова, правдиво отображающего жизнь, мысли, надежды и стремления народов России: вольного слова, не имеющего возможности пробиться через барьеры советской цензуры, но являющегося неотъемлемой частью культурной, общественной и политической жизни нашей страны. Не меньшее внимание издательство уделяет и другой части нашей культуры, находящейся и развивающейся в эмиграции.

В соответствии со своей задачей издательство выпускает книги, брошюры, а также периодические издания: общественно-политический ежемесячник „Посев“, литературный ежеквартальный журнал „Грани“; с благословения Антония, архиепископа Женевского и Западно-Европейского, в изд. „Посев“ типографским способом переиздается самиздатский православный сборник „Надежда“. Издательство оказывает предпочтение тем произведениям художественной литературы и работам, которые имеют значение для развития освободительных процессов в России.

Другие, наиболее известные, русские периодические издания на Западе:

«ЕДИНЕНИЕ», еженедельная газета, выходящая в Мельбурне (Австралия).

«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО», ежедневная газета, выходящая в Нью-Йорке (США).

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ», ежедневная газета, выходящая в Сан-Франциско (США).

«РУССКАЯ МЫСЛЬ», еженедельная газета, выходящая в Париже (Франция).

Все указанные газеты информируют читателей о международном положении, о жизни русской эмиграции, о положении в СССР.

«ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ», ежеквартальный журнал, выходящий в Париже. Богословие, Церковь, философия, культура, судьбы России.

«ВЕЧЕ», ежеквартальный альманах. Издатель — Российское национальное объединение в ФРГ. Национально-религиозная публицистика, история и судьбы России, документы.

«КОНТИНЕНТ», ежеквартальный литературный, общественно-политический и религиозный журнал, выходящий в Париже. Современная проза, поэзия и публицистика авторов Восточной Европы.

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ», ежеквартальный литературный и публицистический журнал, выходящий в Нью-Йорке. Проза, поэзия, литературная критика, литературоведение, публицистика и пр.

«РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ», независимый русский православный национальный журнал. Издается ежеквартально Комиссией по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси (Нью-Йорк). История и судьбы России, проблемы русского национально-религиозного движения.

„СТРАНА И МИР“, ежемесячный общественно-политический журнал выходящий в Мюнхене. Либерально-демократическое направление.

Фонд Свободной России создан в 1966 г. для поддержки российского освободительного движения.

Фонд обращается с призывом ко всей мировой общечеловечности. Но освобождение России — дело не Запада, а нашего народа. Главный источник сил и средств — в нашей стране. Ищите возможность переправлять нам из СССР пожертвования для издания литературы, для ее провоза в страну, для обеспечения борющихся групп типографской техникой, для поддержания с ними связи. Оказывайте сами материальную помощь борцам внутри страны.

Адрес Фонда: M. Zalewsky, Freies-Russland-Fonds, D-6000 Frankfurt/M-18, Postfach 18 0451.

Банковский счет: A/C 461 971, Rubr. Free Russia, Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel.

ПОСЕР

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит ежемесячно

Журнал издается за рубежом с 1945 г.
Настоящий выпуск содержит
избранные статьи за три месяца:
июль — август — сентябрь 1986 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Из стихов Н. С. Гумилева (см. стр. 1, 14, 68, 83, 87, 103)

ПО СТРАНЕ. А. Садовский. Что же с нами будет? (2). — Е. Миркович. Съезды... съезды... съезды... (3). — Преследования. Р. Евдокимов (6); Александр Гинзбург о Леониде Бородине (7); И. Ратушинская (7); А. Огородников (8). — А. Огородников. Моим друзьям (10). — Обращение к христианам Запада (11). — Экономические новости (13). — Нам рассказывают... (14)

ЧЕРНОБЫЛЬ. Евг. Давыдов. Думая о Чернобыле (15). — Я. Марков. Чернобыль и реакция Запада (20). — В. Р. Чернобыль и Восточная Европа (22). — Письмо пострадавшего (26). — В. Цветков. Медицинские аспекты катастрофы (26). — П. Семенов. „Нужно ли знать меру в обеспечении безопасности?“ (29). — Р. Воробьев. Цена риска (31)

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. В. Рыбаков. Без иллюзий (34). — Афганская хроника (37)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА. Я. Марков. Спасая свое главное оружие... (38). — Зарубежная хроника (40). — А. Альмог. Некоторые выводы Ливанской войны 1982 г. (41). — Кадры убывают (45). — А. Ковенский. Никарагуа: сандипизм или демократия (45). — Недовольство в рядах ФКП (47). — А. Милиц. Провалы КГБ в Швеции (47)

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ОППОЗИЦИЯ. Дмитрий Михеев. Революция в военном деле и реформы в СССР (49). — Документ „К гражданам Советского Союза“ (54). — А. Федосеев. Куда же он движется? (63)

ПОЛЬША. Задача дня — совместная борьба (69). — Я. Билет. Какой мир? (70). — Здислав Пураж. Поляки и русские (74)

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, НАУКА. Роман Редлих. По поводу съезда советских писателей (78). — Роман Редлих. Возвращение поэзии Гумилева (84)

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ. „Вестник РХД“ и Россия. Интервью с проф. Н. А. Струве (88)

Из стихов Н. С. Гумилева

НАСТУПЛЕНИЕ

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот странный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ. Прот. Кирилл Фотиев. „Побеждать злую разобщенность мира сего“ (часть 2-я) (92)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. П. А. Столыпин. К 75-летию со дня убийства (95). — А. Колин. Власовские руководители перед судом (98). — Письмо генерала Менадрова (102)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ. Николай Росс. Борьба против большевиков в 1921 г. О книге Ю. А. Щетинова, издание МГУ. — Валентина Синкевич. „Расставание“ Л. Бородина (106). — Э. Букринский. Беззащитность (107)

РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. Подготовка к 1000-летию Крещения Руси (108). — В защиту Ирины Ратушинской (109)

ПРИЛОЖЕНИЕ. Алена Кожевникова. Ирина Ратушинская — первые дни на свободе (109). — Письма из России (110)

Что же с нами будет?

Регулярное чтение советских газет и журналов, а также передачи центрального телевидения создают определенную картину о том, что у нас происходит в стране. В частности, по ним можно было бы ожидать многочисленных дискуссий по поводу возможных реформ и новых направлений в жизни страны и общества. Однако действительность, конечно, совсем другая и гораздо более сложная, чем хотят внушить нам простые схемы, создаваемые советской системой информации. В общем, разобраться в происходящем трудно не только постороннему человеку. После разговоров с людьми в Москве можно констатировать, что даже самые опытные москвичи не могут с полной уверенностью сказать, что именно сегодня у нас происходит. Прежде всего, конечно, бросается в глаза тот огромный разрыв, который существует между публичными выступлениями отдельных высоких представителей власти и поведением низших слоев партийного и советского аппарата. Несмотря на громкие статьи в прессе о "перестройке" и "ускорении", реальная жизнь страны исходит из своих собственных, иных категорий. Тот акцент горбачевского политбюро на гласность, критичность и открытость до сих пор не дает необходимых импульсов и перспектив для активизации общества. Весь социальный механизм с психологической точки зрения находится в каком-то оцепенении. Естественно, что физическая динамика жизни в стране не ослабевает, а даже усиливается в связи с возникающими трудностями в снабжении и другими "недостатками", характерными для советской системы в целом.

Вполне обоснованно можно сегодня отметить резко выраженную тенденцию к усилению нажима на народ. В этом плане у властей появился новый мощный инструмент — "Указ о нетрудовых доходах", вступивший в силу с 1-го июля с. г. Естественно, за его неукоснительное соблюдение с большим рвением начали борьбу соответствующие органы. Указ касается в одинаковой мере старушек, продающих цветы у входа в метро, директоров продовольственных магазинов, ректоров университетов. Поскольку факти-

чески каждый человек в СССР вынужден как-то подрабатывать, здесь открылось широкое поле для репрессий и, конечно, для сведения личных счетов. Особенно в провинции дело в краткий срок приняло (как всегда) размеры очередной кампании. В результате ухудшилось продовольственное снабжение. Торговля на рынках становится рискованной. Да и городские жители, с областью "второй экономики" никаким образом не связанные, открыто высказывают свои опасения по поводу упомянутого указа, так как теперь к их и без этого трудной жизни прибавилось ощущение почти полной незащитности перед законом, который давит на всех. Ведь "отсутствие состава преступления" здесь не гарантируется. Ощущение незащитности уже начало вызывать довольно сентиментальные разговоры о былой "стабильности" в брежневское время.

Все это, конечно, влияет на отношение народа к самому Горбачеву. Образ целеустремленного реформатора сменился образом человека, полностью не отвечающего за свои поступки, к тому же расплывающегося свои силы во многих областях и всегда прибегающего, несмотря на всю свою красноречивость, в конце концов к использованию тривиальных методов при решении всех вопросов. Это бесспорно повышает состояние общей неустойчивости, поскольку неустойчивость положения высших чинов как бы по цепочке передается дальше по всей создававшейся годами паутиने самых разных личных связей. Вот такая "потеря знакомств" разбивает неформальные группы, к которым принадлежит в той или иной мере почти каждый человек в СССР. Разного рода перестраховки номенклатурщиков растут до абсурдных размеров из-за того, что неподвижность и готовность к выполнению любого приказа перестает быть гарантией сохранения своего положения. В этой ситуации реакция исполнителей решений ЦК вполне типична — все ждут дальнейших инструкций и методических указаний сверху. Возникает своеобразное воплощение идей абсолютной централизации управления, когда генсек начинает разбирать проблемы отдельных предприятий.

Регулярные сообщения на страницах "Правды" ("В Политбюро ЦК КПСС") тому яркое доказательство. Такое положение дел потом отражается во всех областях жизни страны.

Но пассивность в обществе не совсем полная. В частности, съезды отдельных творческих союзов показали немалый запас сил, как у писателей, так и у кинематографистов. Здесь, конечно, — своя специфика, ввиду особого положения творческой интеллигенции страны, имеющей доступ к кабинетам ЦК. Результаты этих съездов порождают некоторые надежды, да и вялое существование разных там секретариатов творческих союзов дает в настоящее время возможность через их головы "пробить" такие произведения, которые далеко не эзоповским язы-

ком высказывают мнение автора о реальной жизни страны и, главное, о причинах, приведших страну к критическому положению. Вот таким является роман Ч. Айтматова "Плаха", к которому сейчас в России небывалый интерес. Здесь, думается, можно добиться существенных успехов и, конечно, раньше чем, например, в области экономики. Упор на "аккумуляцию средств" в протекающей пятилетке приводит к довольно-таки мрачным оценкам во всем, что касается последствий экономического "плана действия", направленного на повышение жизненного уровня населения.

А. Садовский

Москва, июль 1986 г.

Съезды... съезды... съезды...

После XXVII съезда КПСС настала очередь съездов творческих союзов — кинематографистов в мае и писателей в июне 1986 года. Партийное руководство допустило гласность на идеологическом фронте не в последнюю очередь для того, чтобы использовать накопившееся недовольство, а также трения в творческих союзах, для поддержки своего „реформаторского" направления. Сегодня мы дадим первый краткий обзор ряда проблем, связанных с этим вопросом. Однако всколыхнувшиеся мнения и страсти в творческих союзах заходят далеко за чисто профессиональные рамки, и мы надеемся в дальнейшем осветить значение поднятых проблем для будущего развития общества.

*

Подготовка съездов в духе горбачевских „обновлений" началась в 1985 г., и вплоть до самих съездов партийному руководству удалось сохранить достигнутый, вероятно не без трудностей, компромисс, допускающий гласность, разоблачения и полуправду при одновременном признании ведущей роли партии. На легнем пленуме правления СП СССР тогдашний первый секретарь СП Марков, прочтя доклад „Задачи писательских организаций страны в связи с подготовкой XXVIII съезда КПСС и о созыве VIII съезда писателей СССР", недвусмысленно подчеркнул, что писательский съезд может пройти только по-

сле принятия к сведению линии партии. На VI съезде писателей РСФСР, однако, уже обозначились „обновленческие" вехи будущего съезда СП СССР, найдя свое отражение особенно в резкой и наступательной речи Евтушенко. Два месяца спустя Марков на съезде КПСС своим суконным и партийным языком перечислил требования обновления, поставив на них как бы партийное „добро": „Думается, что... проблемы, которые нам подсказывает партия, станут предметом самого тщательного рассмотрения на предстоящем этим летом восьмом съезде писателей СССР". Надо отметить, что „гласность" в писательской среде вплоть до съезда СП была сравнительно осторожной. Возможно, сказала травма, нанесенная неустойчивостью хрущевской оттепели. Творческая судьба Д. Гранина, написавшего тогда свой рассказ „Собственное мнение", — лишь один из примеров.

Зато пафос „гласности" в области кино был значительно напористей, да и сам съезд кинематографистов прошел с большим „шумом", чем писательский. Примерно с ноября 1985 г. в центральной печати стали появляться резкие статьи работников кино, обличающие не столь даже правление союза кинематографистов, как цензурную инстанцию — Госкино и Филиппа Ермаша лично. Для примера приведем слова из статьи народной артистки СССР Нонны Мордюковой: „Журят и журят друг друга. И продолжают „выдавать на гора" продукцию, которая ни одной души

не всколыхнет. Потому что так легче, проще, спокойнее и им самим, и начальникам, сидящим в высоких креслах, не желающим этих кресел лишиться...” („Советская Россия”, 21 февраля 1986).

Союз кинематографистов

Пятый съезд союза проходил в Москве с 13 по 15 мая 1986 года. После отчетного доклада первого секретаря правления союза Льва Кулиджанова начались резкие выступления, сопровождаемые выкриками с мест. В результате Лев Кулиджанов не был избран, так же, как две трети правления. Новым секретарем был избран Элем Климов. В разговоре с иностранной журналисткой Климов сказал, что происшедшее на съезде можно сравнить с землетрясением, достигшим 7 баллов. Один из делегатов съезда назвал его: „Это наша Польша, наша Чехословакия”. После съезда было объявлено о создании при Союзе кинематографистов конфликтной комиссии, в которую должны войти представители Госкино, кинематографисты, киноκριтики.

Конечно, в области кино немало вопиющих недостатков, творческих и административных, пристокающих, в частности, от того, что творческая „технология” работников кино — от сценария и съемки до проката — в большой степени зависит и от государственных денег и от плановых разнарядок различных ведомств и министерств, и трудности создаются не только редакторами Госкино. Станным образом на все эти трудности указывал в своем выступлении на съезде КПСС именно Кулиджанов.

Он же сетовал на чрезмерную опеку Госкино и предложил даже своеобразный вариант будущей конфликтной комиссии: предоставить больше прав художественному совету творческого объединения, больше ему доверять, но и возложить на него большую ответственность. А „за главной редакционной коллегией Госкино оставить координирующие функции, тематическое планирование, подготовку и разработку государственных заказов, наконец, идеологическое руководство кинопроцессом”. Функции, которые вряд ли сильно изменятся и впредь...

Кулиджанов был переизбран в кандидаты ЦК КПСС, но лишение его кресла партийно-

го функционера в области культуры было предпринято. Симптоматично, что в официальных текстах съезда было оставлено брошенное ему порицание Горбачева: „Давайте не будем склонять Михаила Сергеевича”, и ответ Кулиджанова: „Это урок, который мы должны принять к исполнению”. В таком ответе можно предположить и скрытую иронию.

Однако еще более симптоматично, что остался в своем кресле Филипп Тимофеевич Ермаш, глава Госкино. Не тронут и само учреждение, основная функция которого — надзор за творчеством согласно установкам культурной политики партии на данном этапе времени. Кстати, от этой политики зависели и все перипетии с фильмом Климова „Агония”. Строптивый режиссер, несмотря на ряд исторических неточностей, внес долю объективности в трактовку последних лет царского режима. Николай II — не „кровавый”, а показан человеком, и даже Распутин, оргиями которого чрезмерно увлекся режиссер, — живой. (Ведь пропустил же Гослит примерно в те же годы роман Пиккули и книгу Касвинова „Двадцать три ступени вниз”.)

Э. Климову и новому правлению предстоит теперь борьба не за свои отдельные filmy, а с системой „необъяснимых табу, жестких ограничений в искусстве, которая до сих пор считалась у нас нормальной”.*

Союз писателей

VIII съезд Союза писателей начался 24 июня 1986 года в Большом Кремлевском дворце и закончился 28 июня. На открытии съезда присутствовали руководители „партии и правительства” во главе с Горбачевым, на последнем дне — член Политбюро и секретарь ЦК Лигачев, секретарь ЦК Яковлев, заведующий отделом культуры ЦК Воронов. В преддверии съезда, 19 июня, Горбачев встретился с группой „ответственных” писателей, чтобы еще раз проветрить созвучность их поведения с намеченными партией пере-

* Интервью в „Литературной газете” 18 июня 1986 г. с молодым режиссером Алексеем Германом, автором военных фильмов „Проверка на дорогах” и „Двадцать дней без войны”. Первый фильм 15 лет был запрещен для проката, а А. Герман отстранен от режиссерской работы.

стройкиками. На встрече присутствовал также Г. Боровик, на возросшую роль которого в политическом управлении СП следует обратить внимание.

На съезде присутствовали 543 делегата (избранных было 547), представлявших 9584 члена СП (на съезде Союза кинематографистов было 213 делегатов, представлявших 6600 членов). Согласно докладу Мандатной комиссии, 82% делегатов — коммунисты; 88 делегатов были старше 70 лет, 160 — в возрасте от 61 до 70 лет, 184 — от 51 до 60, 117 — от 41 до 50, 15 — до 40 лет и лишь 3 делегата были моложе 35 лет. На заседаниях комиссии (прозы, поэзии, литературно-художественной критики, драматургии, детской и юношеской литературы) выступило 138 человек. После отчетного доклада на заседании съезда выступило 52 делегата.

Отчетный доклад был представлен Марковым, однако, во время выступления ему сделалось дурно, и чтение доклада закончил В. Карпов, редактор „Нового мира“. (Возможно, не выдержал 75-летний Марков психологической нагрузки, вызванной темпами горбачевской „перестройки“.)

В последующих выступлениях было немало тусклых и осторожных (другого нельзя было ожидать ни от реликта сталинских времен Н. Грибачева, ни от Ф. Кузнецова, опытного чиновника на поприще согласования литературы с очередной партийной линией), но характер съезда определили выступления обличительные, подчас и резкие. Правда, „землетрясения“, как на съезде кинематографистов, не произошло; не было „обвала“ и при выборах нового правления. Отличались они скорее некоей деловой „эволюционностью“ — вводом уже предназначенных новой линией партии лиц, как-то: Евтушенко, Вознесенский, Залыгин, Айтматов... Подобие бунта произошло, пожалуй, только с выбором в правление Ахмадулиной, Окуджавы, Кондратьева, Черниченко. В своем выступлении Вознесенский назвал их в ряде других лиц, отсутствующих на съезде, бросив при этом такое обвинение: „... была ли истинная выборность в Московской писательской организации, которой руководит Ф. Кузнецов?“ (Среди названных им были Арсений Тарковский, братья Стругацкие, Руслан Киреев.) Новое правление избрало 28 июня Г. Маркова председателем правления СП (место, пустующее после смерти К. Федина), а первым секретарем — В. Карпова.

В известной мере съезд прошел под знаком возвращения А. Твардовского в лите-

ратуру. Не только сам Карпов пытался представить себя хранителем традиции Твардовского в „Новом мире“ — вспомнил о нем Гранин: „...не хватает таких редакторов, как Александр Трифонович...“; Гавриил Тропопольский: „... хожу вот я по залам Кремля, сижу в президиуме, и кажется мне, что все время либо за спиной, либо рядом — Александр Трифонович Твардовский“. Вспомнила о нем и Шевелева в связи с Чернобылем: „... народную беду Чернобыля Твардовский связал бы с губительными недостатками в литературе, ...спросил бы — не произошли ли они и грозная авария в Чернобыле из одной и той же корневой системы, в которой сплетены культура, некомпетентность, стяжательство, угодничество, коррупция, кадровые просчеты?“. Хоть и требует она „по-настоящему усвоить критерии Твардовского“, отдает ее выступление неискренностью. Тем более, что заканчивает Шевелева выступление восхвалением Андропова — „истинного поэта, пожертвовавшего литературной славой ради партийного и государственного дела“. Даже стихи его цитирует. Но „государственным делом“ этого поэта, ставшего руководителем КГБ, было, в частности, участие в отставке либерального коммуниста Твардовского, о чем иные сегодня вспоминают с покаянной ностальгией.

Были кое-какие сведения счетов. Например, та же Шевелева нападала на Михалкова, Борис Можжев — на редакцию „Нового мира“. В тандеме Евтушенко — Вознесенский первый ограничился вопросом перестройки внутри Союза писателей и предложением превратить дом Пастернака в музей.* Вознесенский затронул, помимо вопросов литературного творчества, проблемы народной правды: „... хватит грызти, групповщины...“, „...народ хочет гласности. Он знает правду о чудовищной силе зла, беззакония, коррупции, лихоимства, фальши, двуличия“.

Неоднократно с разных позиций и с неравной страстностью подымался вопрос о губительном повороте рек, о разрушении исторических памятников, о разрушении основ бытия страны.

Закончим наш краткий обзор первых впечатлений о съезде выдержкой из выступления Бондарева:

* На съезде неоднократно ставился вопрос о полном издании произведений Пастернака и Ахматовой; будут ли в них включены „Доктор Живаго“ и „Реквием“, — остается пока без ответа.

„Если мы не оставим разрушение памятников архитектуры, если не оставим насилие над землей и реками, если не произойдет нравственный взрыв в науке, в критике, то в одно прекрасное утро, которое будет последним и погребальным, мы со своим неиссякаемым оптимизмом проснемся и поймем, что стерта, навсегда исчезла, умерщвлена, навсегда погублена национальная культура России,

ее дух, ее любовь к отчей земле, ее красота, ее великая литература, живопись, философия, и мы, голые и нищие, сидим на пепелищах, вспоминая милую нашему сердцу свою родную азбуку, и не можем вспомнить, ибо исчезла и мысль, и чувство, и радость, и историческая память”.

Е. Миркович

Преследования

Свободное мнение, выходящее за рамки, установленные властью, с ее точки зрения — преступление и, следовательно, наказуемое. Сколько человек ежедневно подвергается в СССР вслестским преследованиям за веру, политические убеждения, свободное творчество или за тягу к нему, за стремление к экономической справедливости, за простую человеческую правду? Сколько пока еще безымянных российских людей забивается насмерть или калечится ежевечерне и еженощно в отделениях милиции? Сколько людей за попытку сохранить свое человеческое достоинство волею КГБ объявляются нарушителями закона и как уголовники посылаются в тюрьмы и лагеря, объявляются психически ненормальными и заключаются в спецпсихбольницы? Известные нам гонимые соотечественники не только отстаивают свои личные права, они также символ страдания и борьбы народа.

Р. Евдокимов

22 июля 1982 г. в Ленинграде был арестован Ростислав Евдокимов. Он был осужден на 5 лет лагерей и 3 года ссылки. В настоящее время находится в лагере. Его адрес: 618263, Пермская обл., Чусовский р-н, пос. Кучино, учр. ВС-389/36. Адрес его матери, Ксении Владимировны Вогак: 192028, Ленинград, ул. Салтыкова-Щедрина, д. 5, кв. 24; тел.: 273-43-03.

В 1984 г. Евдокимов был переведен со строгого лагерного режима на особый, 4 раза был в ШИЗО, а потом в лагерной тюрьме — ПКТ. Он был лишен положенных ему по закону свиданий до 10 мая 1986 г. Здоровье его сильно ухудшается.

Биография Р. Б. Евдокимова

Ростислав Борисович Евдокимов родился 29 ноября 1950 г. в Ленинграде. Сын от первого брака Бориса Дмитриевича Евдокимова, члена НТС, арестованного в 1971 г. и скончавшегося 4 октября 1979 г. после семилетнего пребывания в СІБ Ленинграда, Днепропетровска и Казани. Семья матери Ростислава в родстве с писателем Л. Толстым.

В 1968 г. Ростислав Евдокимов окончил с серебряной медалью среднюю школу в Ленинграде и с отличием музыкальную школу по классу скрипки. В том же году поступил в ЛГУ на физический факультет, а в 1969 г. перешел на исторический, где занимался Древней Грецией и Римом.

26 октября 1971 г. был арестован вместе с отцом. Выпущен через три дня. На обыске были изъяты его первые литературные произведения. Был исключен из университета под предлогом „академической не-

успеваемости”. Вплоть до 1978 г. делал неоднократно попытки восстановиться в университете или поступить на заочное отделение. Университет в приеме отказывал. На заочное отделение не принимали, мотивируя тем, что у него отличные оценки и поэтому его должны восстановить в университете.

В 1979 г. в изд. „Наука” вышел сборник статей „Платон и его эпоха”, в который включена курсовая работа Р. Б. Евдокимова.

После исключения из университета работал вахтером, разнорабочим. Одновременно окончил курсы взрывников и участвовал во многих геологических экспедициях в Армении, на Крайнем севере, в Средней Азии. Из последней экспедиции (под Ташкентом) вернулся в мае 1982 г.

Выступал неоднократно в защиту отца, добываясь его освобождения из психиатрической тюрьмы.

После смерти отца Р. Б. Евдокимов написал открытое письмо „Ко всем честным людям земли”, которое распространилось в самиздате. Отклики на него были в ряде иностранных газет и журналов. В письме автор благодарит всех русских и иностранных друзей, выступавших открыто в поддержку отца, смерть которого называет убийством. Р. Б. Евдокимов оставался под надзором КГБ. В марте 1980 г. КГБ организовал акцию — посылку анонимных писем, „авторы” которых представляли Р. Б. Евдокимова „интеллектуальным уродом”, „евреем” и требовали его выезда в Израиль.

В 1982 г. КГБ принял решение о его аресте. 14 июня у Р. Б. Евдокимова был обыск, после чего начались вызовы на допросы. 22 июля 1982 г. он был арестован и дело его велось Ленинградским КГБ по ст. 70 УК РСФСР.

Все эти годы Ростислав Евдокимов продолжал литературное творчество. Его произведения были в самиздате, некоторые опубликованы на Западе. Известны его сатирическая пьеса „Мутное пятно”, не-

сколько сборников стихов — „Время сонетов“, „Следы“, „Обещание“, „Избранные стихотворения“ и др. Поэма „Время странствий“ опубликована в журнале „Грани“ № 113. Известны его рассказы „Виток спирали“, „Триста метров“. Статья „Вскользь о Второй культуре“ опубликована в „Посеве“ № 9, 1979 года. Евдокимов пишет под псевдонимом Ростислав Богак.

Александр Гинзбург о Леониде Бородине

Писатель Леонид Бородин отбывает второй срок по политической статье. В первый раз он провел за колючей проволокой шесть лет за участие во Всероссийском социал-христианском союзе освобождения народа. Арестовали Бородину вторично в мае 1982 года. Приговорили к 15-ти годам: 10 лет лагерей особого режима и 5 лет ссылки.

Судя по самиздатским публикациям (в частности, по записи суда, проходившего в мае 1983 года), у КГБ было явно недостаточно материала на Бородину, но столь же явно было стремление арестовать его. В обвинительном заключении было 17 пунктов, куда вошли его самиздатские статьи, напечатанные в журнале „Вече“ и „Московском сборнике“, изданный за рубежом сборник рассказов „Повесть странного времени“, участие в сборнике отзывов на „Письмо вождям“ Александра Солженицына... Кстати, в своем последнем слове на суде Бородин, говоря о нечестных методах работы обвинения, отметил, что ему были приписаны фразы Солженицына из „Письма вождям“, которые он привел в отзыве на эту работу Солженицына.

Сказал Леонид Бородин и о том, что приговор в 15 лет не будет для него неожиданным, наоборот, подчеркнул он, ему был этот срок обещан с самого начала, если он не будет каяться и давать угодные следствию и суду показания.

Бывший советский политзаключенный Александр Гинзбург познакомился с Леонидом Бородиным в лагере:

„У меня всегда Бородин вызывал впечатление нравственного максималиста. Это особая порода людей. Это порода людей, у которых не бывает приятелей, у которых могут быть только друзья. Это — человек, который каждый раз хочет чего-то невозможного. В конце пятидесятих годов он вдруг избрал, не где-нибудь, а на берегу озера Байкал, демократическую партию. Эта партия просуществовала недолго, и ровно потому, что у членов этой партии не было того самого нравственного максимализма. После этого он был учителем, потом — директором школы. И вдруг: 1964-1965-й год — Ленинград. Он знакомится с людьми, которых заботит русское национальное самосознание. Для него это пока еще было откровением, но ему по-

навались сами люди, и Бородин стал членом самой большой, пожалуй, в это время организации (их было человек 40) — Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа. Я не знаю, участвовал ли Бородин в сочинении этого названия, но оно было абсолютно в его духе. Для него слово „освобождение“ народа — это было естественное, нормальное, выражающее его отношение к тому, что надо делать, название.

Документы Социал-христианского союза хранились в школе, где Леня Бородин был директором. И как вы думаете, где? В гипсовом бюсте Ленина, в ленинской голове. И чекистам, когда они узнали, где хранятся эти документы, пришлось этот бюст разбивать. Леня отсидел свои 6 лет. И вышел из лагеря. Вот сейчас передо мной лежат три его книги, изданные на Западе. Он и в книгах: в „Повести странного времени“, в „Где чуда и печали“, в „Третьей правде“* такой же максималист. Он не требует ничего от власти. Он не требует ничего от своих друзей. Он требует максимума от себя“.

Жена Л. Бородина — Лариса Бородина живет с дочерью (1977 г. р.) по адресу: 115487, Москва, ул. Акад. Миллионщикова, 11, кв. 118.

* Все три книги вышли в издательстве „Посев“. — Ред.

Ирина Ратушинская

В сентябре — четвертая годовщина ареста поэтессы Ирины Ратушинской (арестована 17.9.1982 г.). В марте 1983 года ее присудили к 7 годам лагеря строгого режима и 5 годам ссылки. Свой срок она отбывает в мордовском женском лагере ЖХ-385. Все эти годы лагерное начальство — выполняя волю начальства более высокого — пыталось ее сломить. Физически она стала полуинвалидом, но дух ее остался светел и стоек. Верным слугам режима покорить Ирину Ратушинскую не удалось. „Несмотря на болезнь, она неоднократно объявляла забастовки и голодовки в защиту других, что навлекло на нее новые репрессии. Но сломать ее не удалось. Она сохранила жизнерадостность и готовность в любой момент прийти на помощь“, — пишут о ней ее союзицы.

Ратушинскую дважды вывозили на „перевоспитание“. Первый раз в саранскую тюрь-

му КГБ, откуда ее вернули в лагерь с сотрясением мозга от побоев. А в июле 1986 года ее перевезли в киевскую тюрьму с явной попыткой „перевоспитать” уже не наказанием ШИЗО, голодом и побоями, а „мягким” психологическим подходом. Ей улучшили питание и разрешили свидание — первое после 1983 года — с мужем, Игорем Герашенко. Чтоб убедить ее в своих „добрых намерениях”, власти разрешили Ратушинской даже са-

мой позвонить 8 августа мужу и предупредить о свидании, состоявшемся 11 августа в присутствии тюремных надзирателей.

Возможно, что власти пошли на этот шаг под давлением западных кругов, выступающих в защиту Ратушинской.

(10.10.1986 стало известно об освобождении И. Ратушинской — см. приложение в конце этого выпуска.)

Александр Огородников

Группа пришедшей к православию молодежи начала складываться вокруг Александра Огородникова еще в 1973 году, когда он был студентом 3-го курса ВГИКа. Постепенно, стремясь к серьезному изучению христианства, Огородников с друзьями в 1974 году превращают свои собрания в регулярно действующий семинар, заявивший о своей преемственности по отношению к разгромленным в 20-х годах религиозно-философским обществам в Москве и Петербурге. Собрания семинара проводились тайно на квартирах участников в Москве и Подмоскowie, в Питере, Уфе, Казани, Смоленске, Гродно, Львове, Одессе, в Калининской области. Число участников на собраниях достигало 40 человек. Однако общее количество участников этого христианского семинара было гораздо больше, тем более, что это начинание превратилось в целое движение, имеющее параллельные и, вероятно, даже самостоятельные группы в нескольких городах страны. В первый раз Огородников был осужден 10 января 1979 года по обвинению в тунеядстве на 1 год лагеря строгого режима.

Приговор

ИМЕНЕМ РСФСР

3 апреля 1986 г.

Чусовской горнарсад Пермской области, в составе председательствующего н/с Симоновой Л. С. и народных заседателей Долматовой и Забориной при секретариате Вершининой О. В. с участием прокурора Микрюкова Н. Е. и адвоката Широковой В. Ф. рассмотрел в открытом судебном заседании дело по обвинению ОГОРОДНИКОВА АЛЕКСАНДРА ИОИЛЬЕВИЧА, 27/III-50 г. р., урож. г. Чистополь Татарской АССР, русского, б/п, образование среднее, состоял в незарегистрированном браке с гр-кой Левашовой, имеет сына 9 лет, судимого 10/1-79 по ст. 209, ч. I УК РСФСР к 1 году лишения свободы; 6/IX-80 г., судебной коллегией по уголовным делам Калининского облсуда по ст. 70, ч. I УК РСФСР к шести годам 5 дням лишения свободы по ссылке на пять лет.

Основное наказание отбыл.

Предан суду по ст. 183-з, ч. II УК РСФСР. Судебным следствием установлено:

Огородников отбывал наказание по приговору Калининского облсуда в исправительно-трудовой колонии строгого режима ВС 389/36 п. КУЧИНО. Он систематически, злостно оказывал неповиновение законным требованиям администрации колонии, злостно нарушал режим содержания в ИТК. Нарушения режима заключались в халатном отношении к работе и отказах от работы, неповиновении представителям администрации ИТК, неповиновении дежурному наряду, запугивании других осужденных, нарушении распорядка дня, организации

сборищ, необоснованных отказах от приема пищи и т. д. К подсудимому применялись меры воспитательного характера и в соответствии со ст. 53 ИТК налагалось возыскания. Так, за период с 23/XI-80 г. по 16/VI-80 г. Огородников был наказан 127 раз, в том числе неоднократно помещался в штрафной изолятор, но своего поведения не изменил. 7/IX-81 г. и 15/XI-83 г. Огородникова переводили в помещение камерного типа на шесть месяцев. 16 июля 1985 г. подсудимый в связи с безуспешностью принимаемых к нему мер вновь был переведен в помещение камерного типа. Находясь там и после освобождения из ПКТ, Огородников продолжал нарушать режим и оказывать злостное неповиновение администрации колонии. Так, 15 октября 1985 г. он отказался выйти на работу, являясь здоровым; 29/IX-85 г. он подстрекал других заключенных к отказу от приема пищи. 30/X-85 г. — в этот день сам Огородников и еще 14 человек отказались от приема пищи. 10 ноября 1985 г., находясь в штрафном изоляторе, Огородников не подчинился требованию дежурного помощника начальника колонии Гатина выйти для стрижки волос, во время принудительного вывода оказал физическое сопротивление контролерам. 10, 11, 12, 13, 14, 15 ноября Огородников, являясь здоровым и трудоспособным, отказывался подчиниться требованиям представителей администрации выйти на работу и в эти дни не работал. 15 ноября 1985 г. против него было возбуждено уголовное дело по ст. 188-з, ч. II УК РСФСР.

Допрошенный в судебном заседании, Огородников вину не признал. Пояснил, что, по его мнению, правила внутреннего распорядка в колониях противоречат принципам христианской морали. Он, как

человек верующий, не считал себя обязанным всегда их выполнять. Пояснил, что факты отказов от приема пищи с его стороны имели место, но это было тогда, когда он хотел привлечь внимание к жестокому обращению администрации с другими осужденными, к неказанию помощи больным осужденным, а также потому, что его лишали права пользоваться библией и носить крест и по другим поводам, которые он считал уважительными. Отказы от работы и невыполнение норм выработки имели место, когда он был ослаблен голодовками и не обеспечивались надлежащие условия работы. Огородников признал, что перечисленные в справке (л. д. 13–18, т. I) взыскания он получал, однако считает, что часть нарушений были спровоцированы администрацией, а за некоторые нарушения его неоправданно сурово наказывали. По поводу нарушений, допущенных им после освобождения в сентябре 1985 г. из помещения камерного типа, Огородников пояснил: 6/X-85 г. был выходной, однако он был объявлен рабочим днем. В последующие дни осужденные брали отгулы, каждый по своему усмотрению. Он решил не выходить на работу, 15/X-85 г. сказал об этом мастеру. Тот сказал, что отгул ему будет предоставлен позднее, когда на работу выйдет другой осужденный. Но он, Огородников, знал, что тот будет долго болеть, и поэтому 15/X-85 г. не вышел на работу, 29/X-85 г. осужденных к отказу от приема пищи 30/X-85 г. не склонял, а он сам и другие осужденные по своей инициативе в этот день объявили голодовку, т. к. таким образом у политзаключенных, каковым он себя считает, принято отмечать этот день. 10 ноября 1985 г. отказался от стрижки волос, т. к. подходил срок его освобождения, по правилам отращивать волосы разрешают за три месяца до конца срока. По поводу невыхода на работу 10, 11, 12, 13, 14, 15 ноября 1985 г. подсудимый пояснил, что по традиции, сложившейся у осужденных, они прекращают выходить на работу до освобождения. Ему нужно было подготовиться, переписать книги и т. д., поэтому он отказался выходить на работу.

В судебном заседании вина Огородникова в злостном неповиновении законным требованиям администрации исправительно-трудовой колонии и в противодействии ее функций установлена.

Допрошенные по делу свидетели Уткин, Кукушкин, Мельниченко, Любецкий, Пергат, Гунин, Вознюк, Ляпунов, Рак, Гатин пояснили, что с самого начала пребывания в колонии ВС 389/36 Огородников встал на путь нарушения режима, отрицательно влиял на других осужденных, на все принятые к нему меры поведение изменял только в худшую сторону. Свидетель Уткин показал, что 15/X-85 г. Огородников сам себе сделал отгул, отказался выйти на работу, хотя по правилам отгулы предоставляются старшим мастером по графику. Свидетель Рак пояснил, что 29/X-85 г. был дежурным помощником начальника колонии, видел, как Огородников и еще один осужденный ходили в отряде № 1 и 2, разговаривали с осужденными.

От других осужденных он знает, что Огородников подстрекал других к объявлению голодовки 30/X-85 г. и в этот день 15 осужденных отказались от приема пищи. Свидетель Мельниченко, оперативный работник, пояснил, что при проведении служебного расследования по поводу голодовки 30/X-85 г. было установлено, что Огородников склонял осужденных к этому нарушению. Свидетель Гатин пояснил, что Огородников 10/XI-85 г. отказался от стрижки волос, оказывал сопротивление контролерам. С этого дня перестал выходить на работу, мотивируя тем, что у него кончается срок, хотя осужденные обязаны работать до последнего дня срока. Свидетель Фуксман показывал на следствии, что Огородников систематически нарушал режим, являлся организатором сборищ отрицательной части осужденных, отрицательно влиял на других. Так, осужденный Донской под влиянием Огородникова стал открыто совершать религиозные обряды. В соответствии с § 83, п. 3 правил внутреннего распорядка ИТК (л. д. 116) осужденным мужчинам разрешается отращивать волосы на голове не ранее, чем за три месяца до освобождения. В случае применения к этим лицам мер дисциплинарного взыскания в виде водворения в ШИЗО они подвергаются стрижке на общих основаниях. Допрошенные судом свидетели пояснили, что Огородников не мог не знать этого пункта правил. В соответствии с п. 58 Постановления ВЦИК и СНК СССР от 8/I–29 г. с изменениями, внесенными Указом ПВС СССР от 23/VII–75 г. „осужденным запрещены обряды, церемонии, предметы культа. Библия и другая религиозная литература являются предметами культа“ (л. д. 131, т. 2). Свидетель Гатин пояснил, что он разъяснял Огородникову это требование закона. Вина Огородникова в совершенном преступлении подтверждена копией постановления о переводе Огородникова в помещение камерного типа от 9.07.85 г. (л. д. 163), справкой о наличии взысканий (л. д. 13–18, т. 1), копиями актов о нарушении подсудимым режима и документами о наказаниях.

Преступление Огородникова следует квалифицировать по ст. 183-3, ч. II УК РСФСР, поскольку он совершил преступление, отбывая наказание за тяжкое преступление. При назначении наказания суд учитывает опасность преступления. Отягчающим обстоятельством суд признает то, что ранее Огородников совершал преступление, а смягчающих обстоятельств суд не находит. Огородников характеризовался отрицательно. Подсудимый не отбыл дополнительного наказания по приговору Калининского облсуда от 6.09.80 г. в виде 5 лет ссылки. В соответствии со ст. 4 УК к мере наказания по данному делу следует полностью присоединить неотбытое дополнительное наказание.

Руководствуясь ст. 301—303 УПК РСФСР, суд приговорил:

Огородникова Александра Иоильевича признать виновным по ст. 188-3, ч. II УК РСФСР и назначить наказание ТРИ года лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима. К данной мере наказания присоединить неотбытое дополнительное наказание по приговору Калининского облсуда от 6.09.80 г. пять лет ссылки. Меру пресечения оставить содержание под стражей; срок исчислять с 19.II.85 г. Приговор в 7 суток со дня вручения ему копий приговора.

Моим друзьям

Режим, за нарушение которого, зачастую фальсифицированное, меня наказывали карцерами, ПКТ, а теперь за это же осудили на три года, повторив и усилив наказание, режим этот является альфой и омегой исправительно-карательных мер для пенитенциаров. В основе режима лежит дурная бесконечность воли к власти ради власти. Режим воплощает в себе скрытую интенцию идеологов о создании и обкатке модели будущего советского общества. Он устанавливает единообразие одежды, внешности, поведения, образа мыслей (пока не станет возможным полный контроль над ними). Доходящая до абсурда, тщательная регламентация рассекает сознание и живую плоть на параграфы, предписания, правила и тайные инструкции, расплывчатая и унифицирующая весь день с точностью и фатумом до минуты. Режим лишает человека выбора, исключает возможность нравственного поведения и запрещает под страхом сурового наказания проявление таких христианских движений сердца как милосердие, сострадание, предстательство за гонимых, любовь.

Разработанный в тиши тюремных НИИ, опробованный на нескольких поколениях эжков за почти 70-летнюю историю ГУЛага, этот рецидив сталинизма (по свидетельству старых каторжан) стал психически и физически более невыносим. Режим в

современной редакции стал настолько тоталитарен и враждебен личностному началу, что своей практикой создает новый антропологический тип. Главная ненависть режима — к Богу, духу, слову, к потребности человека жить в состоянии культуры.

Изымается и конфискуется любая записанная мысль, любой конспект советской и других книг, любой клочок бумаги, если на ней стоят буквы. У меня были конфискованы все тетради, которые я заполнял на протяжении 7 лет по разным темам: философии, филологии, истории, иностр. язык, даже регистрация заказов книг через “Книга-почтой” или тетрадь регистрации получения и отправки книг и писем.

Неспособный прямо управлять сознанием, режим простирает свою тяжелую, жадную до наших душ руку на любую запись, борясь с объективацией мысли, чтобы постоянными конфискациями отучить нас от собственного человеку стремления воплощать мысль в слово. Поскольку вне воплощения мысль теряется в потоке сознания, уплывает перед напором серой, безликой, унылой реальности дней, заполненных изнуряющей работой на пайку, режимными мероприятиями и издерганным сном в тесноте и духоте, забитых до предела измученными эсками, барак.

Страх перед словом, пробившимся через мощные стены и мелкое сито колючек с электротокотом, путанок сигнализации и высокие заборы, заставляет цензоров ужесточать цензуру нашей переписки с родными. Запрещено писать об условиях жизни, о работе, о режиме; наше здоровье является государственной тайной, от нас скрывают диагнозы болезней и о болезнях писать не рекомендуется. Даже описания погоды могут быть признаны метафоричными и на этом основании конфискованы.

Сталинский режим отличался от современного наивной простотой и примитивной демагогией; например, он прямо объявлял срок наказания с добавлением “без права на переписку”, и родственники такого эска могли надеяться, что отсутствие от него писем установлено самым гуманным режимом и не означает его (эска) гибели. Сейчас все — тоньше. Переписка разрешена всем, однако мои родственники 1,5 года не получали от меня писем, а я от них. Письма последовательно конфисковывались и неизвестность, тревога за мою судьбу, мучившая родственников, вынуждала их бесполезно обивать пороги учреждений, приезжать на зону, чтобы получить лживые ответы.

Администрация ВС-389/36, помимо глобального усекования мира культуры, ведет необъявленную войну с лингвистикой. Не отправляются время от времени заказы на учебники и литературу на иностранных языках. Иногда отправляют назад пришедшие книги на иностранных языках (июнь-июль 81 г.). Только у меня за 5 лет оперчатсть проделала героическую работу — конфисковала 67 тыс. слов французского, английского, немецкого, латинского и испанского языков, с переводом и истолкованием, выписанных из словаря. Конфисковали все состав-

ленные в тетрадах, по крупицам, справочники по грамматике этих языков. Под видом конфискации ограбила меня на 28 книг на языках. Всего же мне из ВС-389/36 не возвращены из 150 книг — 34 книги, не считая тайно выкраденных из чемоданов в каптерке зоны, две из которых я сам обнаружил в оперчасти. Конфискованы все статьи, вырезанные из журналов за 7 лет. А учитывая, что я выписывал журналы на 180 руб. в год, то избранные статьи составили две большие картонные коробки, включив лучшее из того, что было опубликовано за 7 лет в журналах по философии, филологии, истории, литературе и гуманитарным наукам.

Конечно, все молитвы, записанные по памяти, цитаты из Библии и богословских работ, стихи — все конфисковано. Свыше 45 тетрадей. Все записанные размышления погибли.

Основным средством угнетения является рабский, принудительный, изнуряющий труд за пайку и лагерную баланду. Тупая, механически однообразная, с очень высокими нормами, потогонная работа вместе с режимом приковывает тебя к станку (отойти от станка на 3 мин., даже выполнив норму, — нарушение, за которое могут наказать даже карцером), тянет из тебя жилы, гасит пламень жизни, одуряет тебя, низводя до роботизированного придатка к станку. Тянущаяся целый день, она превращает его в томительный, медленно тянущийся унылый кошмар. Продумана работа так, чтобы, отработав день, у тебя не хватало желания и энергии в оставшееся после режимных мероприятий, уборки территории и пр. короткий промежуток заняться самообразованием. Работа на износ, режим, пайка, сон, единообразие и фатальная заданность — все направлено на то, чтобы низвести тебя с высокого призвания образа и подобия Божия к тупо-безразличному рабски-животному состоянию, способному урвать любую сомнительную возможность набить сосущее чрево.

Режим регламентирован с такой тщательностью, что его невозможно не нарушить; тем более используя его тотальную власть, нарушение можно спровоцировать, ибо режим оставляет эзка беззащитным перед произволом. За малейшее нарушение режима может последовать карцер. Карцер — любимая мера воспитания наших исправителей.

Там, загнанный в обреченно-замкнутое пространство, оторванный от мира, наглухо изолированный в мертвой тишине, изредка прерываемой матом “пупкарей” и звоном ключей, гонимый голодом, мерить мелкими шагами долгий, томительный день, ты особенно остро ощущаешь, как дух твой вкован в плоть, а ты лишь жалкий комочек твари, терзаемой голодом и холодом.

С 1982 г. режим вступил на новую ступень совершенства в деле социалистического исправления “преступника”. Он разрешил администрации держать эзка в карцере бессрочно. Раньше карцер ограничивался 30 сутками (хотя этого никто не придерживался). Таким образом московского математика, православного Валерия Сендерова за отказ

от работы (за право иметь Библию) продержали в карцере с перерывом в 4 суток ПКТ — свыше года. Довели до 2-й степени дистрофии и для дальнейшего лечения от веры отправили на тюремный режим в Чистопольскую тюрьму. Ваню Комалева в карцере продержали 240 суток. Вот так создатели новой антропологии обернули против нас и время, прибавив к традиционным Гулаговским пыткам холодом и голодом — время, превратив сам священный дар Божий — жизнь — в проклятие.

А. Огородников

Обращение к христианам Запада

Ваши делегации христиан с интересом приезжают в нашу страну; ваши христианские проповедники уезжают с незабываемыми и яркими впечатлениями; всех вас захватывает простая красота наших храмов и многочисленность верующих в них. Такая картина надолго остается у вас в памяти и возбуждает лучшие ваши чувства.

Но мы хотим, чтобы поняли вы, что это — единственное, что нам разрешают. Что в остальной своей жизни: семейной, социальной, политической, культурной нам запрещают быть христианами?! Отправление религиозного культа...

Но ведь жизнь христиане не проходит только в пределах храма; здесь она получает свое высшее завершение и обретает отправную точку для всей остальной жизни. Но как раз там, в этой остальной жизни, нам не разрешено жить простыми христианскими чувствами — верить, милосердствовать, просить, заступаться, любить, воспитывать, работать, учить. Здесь нас со всей беспощадностью преследует закон.

Вы сами христиане. В вашем течении времени так много личной жизни, которую вы понимаете и принимаете как служение Богу. Может быть для вас станет понятнее, если сказать, что верующим у нас такое служение запрещено уголовным законом. Зная это, можно воодушевляться в наших храмах, но не бивать лишние гвозди вместе с гонителями в распятое Тело Господа нашего Иисуса Христа — когда кто-то из вас уверенно заявляет об отсутствии преследований верующих в СССР или вторит официальным заявлениям наших иерархов, не замечающих в своей пастве никакого религиозного возрождения. Когда нам запретят ходить в храмы и открыто заявлять о Христе, мы думаем, в мире никому будет уже выступить в нашу защиту.

И прежде чем бездумно вторить безответственным речам не свободных в своем слове иерархов, может быть, стоит задуматься, что религиозное возрождение проявляется не в десятках или сотнях тысяч новых верующих, приходящих в храмы, но, прежде всего, в рождении новой или возвращении к старой, нами насильственно утраченной, культуре. В данном случае — культуре религиозной. Что именно этим процессом рождения и возвращения рели-

гиозной культуры и характеризуется становление религиозного возрождения, и что носителей его не сотни тысяч, так и не бывает никогда, и не было. Вспомните сколько приуготовлялось ваше "Возрождение", чтобы его можно было написать с большой буквы.

Все это так. Но даже сейчас в атеистической тоталитарной системе есть жизнь, где открытое исповедание принадлежности к христианству и отстаивание человеческого достоинства от издевательств и унижений ведет к поруганию и смерти.

Александр Огородников, организатор и руководитель христианского религиозно-философского Семинара в Москве уже 7,5 лет в каторжных, нечеловеческих условиях отбывает свой лагерный срок именно за то, что с позиций христианского исповедания пытался говорить людям об их образе и подобии Божием, об опыте зла, развращающем и опустошающем человеческие души, об ответственности человека за мир, который сотворен Богом. Такое исповедание не вменялось в рамки религиозного культа и, расширяясь за его пределы, неизбежно подпадало под железную пяду уголовного закона.

Призывы к мировой христианской общественности с просьбой о защите гонимых, обнаружение и свидетельствование против зла, совершаемого людьми под давлением несправедного государства, исповедание христианских ценностей перед лицом оголтелого атеистического мира не вошло в содержание свободы совести, даруемой каждому гражданину Конституцией СССР.

Тогда они решили убить его. Не имея возможности или не желая сделать это сразу, они обрели его на медленное умирание в лагерях.

Так был вынесен первый приговор...

Можно переносить свой срок спокойно. В пределах той покорности, которая заставляет человека принять данные ему испытания как следствие своей борьбы со злом; следствие, попущенное Богом для укрепления и взращивания своей души.

Но есть и другой путь. Когда каждым движением, каждым дыханием своей жизни ты включен в этот огромный мир и каждым шагом своим на воле ли, в заключении ли протестуешь против звериного оскала человеконенавистнической власти. Борьба эта не ради себя, не ради живота своего, но за образ и подобие мира и человека, сотворенных Богом и предначинанных Ему; борьба за "други своя", не отступающая ни перед чем и никогда не имеющая конца.

Во всех случаях это противостоит злу становиться свидетельством Правды и Истины, дарованных людям Христом. И ощущая свое бессилие — сломить или исказить такую христианскую правду, зло в ненависти убивает ее носителя. Тогда политическая ситуация, временный компромисс или злобное своеволие являются лишь условиями, определяющими средство казни — пытка, мгновенный конец

или медленная смерть в издевательствах и мучениях.

Александр Огородников обречен на последнее. Неудобно, не переступив собственного закона, убить его сразу; не осталось никакой надежды заставить его чем-либо поступиться; осталось одно — в глухой обреченности и недоступной оторванности от людей ежедневно, ежечасно, безнаказанно томить и мучить его до последнего вздоха.

Только что, месяц назад, Александр Огородников, отбыв в лагерях лишь половину своего второго срока, приговорен вновь, к уже новому, третьему — трем годам лишения свободы. И как стало известно, уже есть все материалы для возбуждения против него нового уголовного дела по ст. 70 УК РСФСР, ч. 2, что грозит ему еще одним сроком в 10 лет каторжных лагерей.

За что? За непокоренность. Простить этого они ему не могут.

В надломленном и отчаянном крике дошедших до нас его писем много страшного. И прежде всего то постоянно издевательств и пыток, которыми палачи мучат свою жертву, та подкатершая изощренность словоблудия и провокаций по отношению к беззащитному человеку и та самоуверенная безнаказанность, проявляющаяся в людях, которые рвательно исполняют отданный им сверху приказ.

В письмах Александра Огородникова, попавших на волю, явственно различимы зловещие отблески нескончаемого и ничем не ограничиваемого насилия бездушных слуг государства над беззащитностью и безывестностью ни в чем не виновного человека.

Когда в изолированных от глаза людей концентрационных лагерях государство выжидательно и планомерно подводит к смерти человека, исповедующего себя христианином и потому желающего носить крест и иметь Библию, то это несравнимо больше говорит о сущности создаваемого общества, чем широковещательные заявления о религиозной свободе, произносимые для легковверного к слову Запада — то ли верными слугами государства, то ли забывшими о своем печаловании иерархами православной Церкви.

Мы обращаемся к вам, христиане. Не одно ли Тело Господа нашего Иисуса Христа составляем мы все. Не отдавайте на поругание Тело Господа вашего; и если вы придете на помощь одному из малых сих, то "Мне сотворите", сказал Господь. Стучите и отверзется. Мы просим вас поднять свой голос в защиту Александра Огородникова и всеми средствами, которыми вы располагаете в вашей свободе и демократической жизни, добиваться освобождения и отмены несправедливо вынесенных ему приговоров.

Группа православных христиан.
г. Москва

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НОВОСТИ

- ◆ Официальные итоги роста промышленного производства в СССР за первые четыре месяца 1986 года равны 6,3%. В 1985 году они были равны, также за первые 4 месяца и при годовом плане на 1986 год, 4,3%. Вся беда в том, что уже в апреле 1986 года советская пресса стала сообщать о массовом выпуске низкокачественной продукции, хотя известно, в особенности советским гражданам, что продукция (будь то танки, холодильники, трикотаж или пылесосы) была низкокачественной еще тогда, когда ее называли „высококачественной”. Ясно, что достигнутые темпы роста являются прежде всего результатом стремления Горбачева доказать любой ценой успех проводимой им экономической политики.
- ◆ Согласно официальной статистике, среднегодовое потребление мяса на душу населения продолжает оставаться на уровне 57—58 кг. Научно рассчитанная норма — 76—78 кг на душу населения. Однако для обеспечения даже нынешнего уровня потребления мяса государство тратит более 20 миллиардов рублей на покрытие убыточного производства, так как продажная розничная цена мяса намного ниже его себестоимости. На рынке мясо у „частника” или даже „кооператора” стоит в 4 и более раз дороже официально объявленной цены. Появление в ряде центральных газет откровенных статей на „мясную” тему говорит о том, что на верхах всерьез рассматривается возможность резко повышения цен на мясные изделия.
- ◆ В 80-х годах резко упала продажа многих потребительских товаров, в первую очередь текстильной и обувной продукции. Как пишут советские газеты, в магазинах и на складах накопилось не пользующихся спросом потребителя товаров на многие сотни миллионов рублей. Причем, количество их растет как снежный ком: за последние 4 года товарные запасы увеличились в 1,5 раза.
- ◆ Согласно статистике, у советской женщины в день в среднем 2 часа 29 минут свободного времени. Причем, также официально, советская женщина в день на уход за детьми тратит... 16 минут.
- ◆ Слагаемые советского импорта из стран конвертируемой валюты в 1984 году: 6,3 млрд. долларов на пищевые продукты, 5,5 млрд. — на машины и промышленное оборудование, 3,7 млрд. — на химические продукты и полуфабрикаты, 3,5 млрд. — на изделия из чугуна и стали, главным образом, трубы большого диаметра, 1,4 млрд. — на сырье и стратегические минералы, 1,1 млрд. — на товары широкого потребления.
- ◆ Вследствие резкого падения средней продажной цены сырой нефти, а также вследствие падения курса доллара, поступления в советскую казну в текущем году уменьшатся по сравнению с предыдущим годом приблизительно на 6 млрд. долларов. Это примерно четверть всех валютных поступлений прошлого года. Чтобы как-то скомпенсировать эти потери, Советскому Союзу придется существенно увеличить продажу золота и алмазов. Ожидается, что будет продано до 300 тонн золота, то есть на треть больше, чем в прошлом году. Однако это может принести не более одного миллиарда долларов. Предвидятся дальнейшее сокращение импорта западной технологии и продовольствия, а также новые миллиардные кредиты в западных банках.
- ◆ В связи с атомной катастрофой в Чернобыле колхозы Украины и Белоруссии недоберут прибл. 5 млн. тонн зерна. Тем не менее, по оценке специалистов Министерства сельского хозяйства США, советский урожай текущего года будет никак не меньше прошлого года (ориентировочно — 190 млн. тонн), а возможно, и выше. Нужно, однако, отметить, что в своих предварительных оценках западные сельскохозяйственные специалисты обычно завышают предстоящий советский урожай зерна. Очевидно, это связано со стремлением сдерживать цены на зерновой бирже. По мере наступления осени величина оценки падает примерно на 5 млн. тонн зерна в месяц.
- ◆ По предварительным подсчетам западных специалистов экономические потери от Чернобыльской катастрофы составят 30—35 миллиардов рублей. Это больше 2% национального валового продукта.

Нам рассказывают...

Под этим заголовком мы периодически публикуем высказывания наших соотечественников, временно находящихся за рубежом, или только что выехавших эмигрантов, а также отрывки из писем, переданных в редакцию. Мы сохраняем стиль этих писем и высказываний. Основная цель — передать обстановку, полную слухов, предположений, противоречивых мнений, сообщить читателю факты, характеризующие жизнь в нашей стране.

“Среди предметов роскоши, которые может себе позволить наш правящий класс, появился еще один — счетчик Гейгера. С его помощью они определяют степень радиации в продуктах, которые они намерены употребить в пищу, и ничего к столу не подают, не проверив счетчиком. Счетчики эти они привозят из-за границы, или заказывают через кого-нибудь, или покупают у японцев. Цены на счетчики бешеные, говорят — от 300 до 500 рублей. Простые смертные, вроде меня, бегают за ними на Черемушкин рынок, заглядывая им через плечо и стараются купить тот же продукт, который берут владельцы счетчика...”

“Проезжали мы вблизи места взрыва и ничего не подозревали: все спокойно, ребята в речке купаются. По дороге, в Польше, прошел дождик... Подъезжаем к границе ФРГ, смотрим, что за чудо! — на той стороне люди в спецкостюмах, в масках. Подошли к нам, начали измерять счетчиками, а потом от нас бегом, как будто мы прокаженные; из шлангов стали все поливать, отмывать. Тут только мы и узнали, в чем дело”.

“Люди не знают, что можно есть, а что нельзя. У нас (в Киеве. — Ред.) говорят, что все продукты в государственных магазинах проходят контроль, а на рынках покупать не рекомендуется. А во Львове, знакомый оттуда приехал, рассказывал, полная дезинформация: не знают, что покупать, где покупать, что заражено, что нет. Созреют фрукты, ягоды, говорят люди, а что можно будет есть, а что нельзя?”

Говорил он, что у них во Львове мобилизовали какое-то количество мужчин и отправили их на дезактивацию (он сказал “деградацию”) радиоактивности в Чернобыле. Там снимают машинами слой земли в 30 сантиметров и отвозят. А куда отвозят — не на Луну ведь?... А очищенные места засыпают полимерами. Мы ему сказали, что по нашим сведениям эти работы проводит армия. Это, он сказал, верно, но вроде рабочих рук не хватает. Кроме того, в частях, брошенных к Чернобылю, говорят, было сильное возмущение, так как их не снабдили спецодеждой, в то время как части КГБ все были одеты как положено на такой случай. Говорят, власти увеличили там количество спецчастей (в спецодежде, естественно) — вроде как заградотряды во время войны”.

“Вся округа Чернобыля разделена на три зоны. Первая зона радиусом в 30 км. Из нее были вывезены все жители “раньше других”, как нам говорят. Что это значит, трудно понять, потому что из второй зоны, радиусом в 60 км, вывозили только детей, да и то с опозданием. Какой радиус у 3-й зоны, я не знаю, но в нее входит Киев.

Транспорт из одной зоны в другую не пропускают, на границе зоны людей пересаживают в другие машины или автобусы следующей зоны”.

“Информация о катастрофе шла в Киеве “ступенчато”. Так, сразу после катастрофы в школах перестала появляться часть детей из тех, чьи родители повыше, или из тех, кто слушает “голоса”. Другие дети оставались в школе. Школы закрыли только 12 мая. Старшеклассники же сдавали в Киеве экзамены в течение всего мая”.

“От людей, живущих в Гомеле, узнал, что в середине июня была новая эвакуация нескольких тысяч детей, по всей вероятности, просто забытых. У ребятшек обнаружили лучевую болезнь. Эвакуировали их на Север и на Урал”.

“Почли слухи, что у солдат, посланных копать туннель под реактором в Чернобыле, начало портиться зрение. Некоторые — ослепли. Работать им приходилось, стоя в воде. У людей возник страх, что солдаты слепи, потому что грунтовые воды затронуты радиацией”.

Из стихов Н. С. Гумилева

Я, что мог быть лучшей из поэм,
Звонкой скрипкой или розой bello,
В этом мире сделался ничем,
Вот живу и ничего не делаю.

Часто больно мне и трудно мне,
Только даже боль моя какая-то,
Не ездок на огненном коне,
А томленье и пустая маята.

Ничего я в жизни не пойму,
Лишь шепчу: «Пусть плохо мне придется,
Было хуже Богу моему
И больнее было Богородице».

Думая о Чернобыле

Евг. ДАВЫДОВ

В тесном мире все увязано. Из Чернобыльской катастрофы — аварии технического свойства — мы должны извлечь политические уроки. Неожиданным примером Чернобыль подтвердил — в Советском Союзе отсутствует гласность. Мы имеем в виду гласность в общепринятом понимании, а не "гласность по-советски"... Беда Чернобыля, словно лакмусовая бумажка, конкретизировала эту область общественной жизни. И мир уяснил: для тоталитарного правительства не существует таких вечных понятий, как долг, ответственность, человеческая порядочность. Собственно, случилось то, что уже не раз происходило в годину тяжких испытаний: советское правительство еще раз доказало, что в политике нравственные качества ничего не стоят, на первом месте — интересы власти...

„Надежный инструмент гласности“

5 мая — день советской печати. В этот день "Известия опубликовали передовую статью под названием "Надежный инструмент гласности". В ней есть такие строки: "...наша печать сильна своей последовательной партийностью... она служит надежным инструментом гласности... в этом ее важнейшая функция и высшее назначение..." Как бы в подтверждение, "Известия" от 5 мая не опубликовали ни единой строчки о катастрофе в Чернобыле!..

Оценивая по заслугам труд советских журналистов, "активно участвующих в освещении событий, связанных с аварией на Чернобыльской АЭС", учитывая талантливое молчание и дозированную подачу информации, 5 июля секретариат правления Союза журналистов присвоил звания лауреатов премии Союза журналистов СССР с вручением диплома, золотой медали и денежной премии группе журналистов — 34 редакторам и корреспондентам.

Что ж, журналисты Губарев, Одинец, Назаренко, Долгополов, Иллеш и другие доказали — у советских журналистов сформировалось "новое политическое мышление"...

Когда говорят о таком "мышлении", то имеют в виду прежде всего "партийный подход" к освещению событий. Это значит, что если речь идет о повышении радиации в городах и селах Украины, Белоруссии, Молдавии и Эстонии, то советский журналист обязан писать... "о советских мирных инициативах избавления мира от ядерного оружия", "об авариях в США, Англии, ФРГ", "о героизме советских людей при спасательных работах на АЭС" ...

Правдивый материал

Чернобыль. Небольшое провинциальное украинское местечко, утопающее в зелени. Летом здесь любили отдыхать многие киевляне, москвичи, ленинградцы. Приезжали сюда основательно, снимали комнаты в одноэтажных домишках, готовили соленья и варенья, собирали грибы, загорали на чистых песчаных берегах Киевского моря, ловили рыбу. И казалось, что ужились здесь красота полесской природы и упрямые в бетон атомные вулканы четырех блоков АЭС, расположенной в Чернобыле...

Если уж и давать премии за правдивый газетный материал, то такой награды заслужила небольшая заметка, опубликованная в "Известиях" 6 января 1986 года...

В статье "Созвездие энергоблоков" говорилось, что... 15 лет назад на берегу красавицы реки Припять началось строительство первенца атомной энергетики Украины — Чернобыльской АЭС. Сегодня здесь действуют уже четыре энергоблока "миллионника". Более 150 миллиардов киловатт-часов электроэнергии выработали они с момента пуска первого энергоблока, введенного в эксплуатацию 8 лет назад. "Такой большой выработки электроэнергии за это время не удавалось достичь ни одной отечественной электростанции". В заметке с радостью сообщается, что завершающий год одиннадцатой пятилетки был для Чернобыльской АЭС необычным — здесь действовали на полную мощность сразу все энерго-

блоки. Подобного еще не было за всю историю эксплуатации атомного богатьера:

“Раньше ежегодно, согласно графику, хотя бы один из энергоблоков останавливали на плановый ремонт: он длился в зависимости от сложности от 15 до 80 суток. Благодаря сокращению сроков ремонта графики удалось совместить. И годовое производство электроэнергии достигло в прошлом году рекордной цифры – 28 миллиардов киловатт-часов. В повышенных социалистических обязательствах, взятых в честь XXVII съезда КПСС, коллектив станции предусмотрел довести годовую выработку электроэнергии до 29 миллиардов киловатт-часов, а в январе и феврале этого года перевыполнить план выработки на один процент. Строительство Чернобыльской АЭС имени Владимира Ильича Ленина продолжается. Полным ходом идет сооружение пятого “миллионника”, пуск которого намечен на первый год двенадцатой пятилетки” ...

Следует второй раз прочитать текст. Тогда осознаешь, что причина катастрофы, над которой бьется привлеченная комиссия, проста, как пареная репа: она кроется в советском способе хозяйствования! Опять план любой ценой! Опять сокращение срока ремонта энергоблоков! Опять повышенные первомайские социалистические обязательства! И как итог перевыполнения плана на один процент – взрыв атомного реактора; ядерная энергия, вышедшая из-под “партийного контроля”; смертоносная радиация!

Таким образом, газетная заметка, написанная задолго до катастрофы, прояснила ситуацию на Чернобыльской АЭС...

Самый лживый материал

Первой премии, золотой медали и самой крупной денежной премии за освещение событий, связанных с катастрофой на Чернобыльской АЭС, заслужил, конечно, Горбачев... Непонятно, почему секретариат правления Союза журналистов СССР не счел возможным наградить его за выступление по советскому телевидению, текст которого опубликован в советской печати 15 мая 1986 года:

“В сложившейся ситуации мы сочли наипервейшим долгом, долгом особой важности – обеспечение населения, оказание эффективной помощи пострадавшим. В считанные часы были эвакуированы жители поселка при станции, а затем, когда стало ясно, что имеется потенциальная угроза

здоровью людей в прилегающей зоне, они также были перемещены в безопасные районы” ...

“Если поверить Горбачеву, то в Чернобыле “все спокойненько”: авария* ликвидирована, погибло всего 9 человек, всем нуждающимся оказана медицинская помощь, а

“лидеры капиталистических держав хотели использовать Чернобыль как повод для того, чтобы отвлечь внимание мировой общественности от этих неудобных для них, но таких реальных и важных для всего мира проблем” ...

Если поверить Горбачеву, то остается вместе с ним утверждать, что

“правящие круги США и их наиболее усердные союзники – среди них я бы особо отметил ФРГ – усмотрели в происшествии лишь очередную возможность поставить дополнительные преграды на пути развития и углубления и без того трудно идущего диалога между Востоком и Западом, оправдать гонку ядерных вооружений” ...

Если поверить Горбачеву, то не повышался уровень радиации в районах, прилегающих к зоне аварии до 10–15 миллирентген в час (Б. Семенов, зам. председателя Госкомитета по использованию атомной энергии СССР, “Литгазета”, 11.6.86), не находится в лечебных учреждениях 187 человек с диагнозом лучевой болезни, не было проведено 19 пересадок костного мозга, не скончалось 24 человека (О. Щепин, первый зам. министра здравоохранения СССР, “Известия”, 7.6.86), не попало в атмосферу 3-х процентов радиоактивных веществ, содержащихся в реакторе АЭС (Ю. Израэль, председатель Госкомгидромета СССР, “Известия”, 7.6.86), не игрался футбольный матч Хойники–Брагин при повышенной радиоактивности 13 мая 1986 года (Н. Матюковский, “Известия”, 20.5.86).

В результате лживого выступления Горбачева по телевидению, растрывившего на весь мир о полной ликвидации последствий атомной катастрофы, в стране наступила... паника. Эта паника достигла таких размеров, что даже советская печать вынуждена была сообщить:

* Употребляя слово “авария”, советское руководство упорно продолжает попытку скрыть подлинный размах катастрофы.

"Приходилось наблюдать такую странную закономерность: чем дальше от эпицентра событий, тем больше неинформированных, перепуганных людей, готовых поверить любым слухам. В Киеве их было больше, чем в Чернобыле и близлежащих районах..." (Ю. Щербак. "Литгазета", 21.5.86).

Вывод один: только объективное, не искаженное ничьей волей (в том числе и лидера партии), не упрямое за семь замков секретности знание реальной обстановки (этой деятельностью были заняты лауреаты премии Союза журналистов), только соблюдение рациональных мер защиты и постоянное контролирование уровня радиации (в этом вопросе отказали руководители правительственных ведомств) могло бы дать тем, кто находился и находится в опасной зоне, необходимое чувство реальности...

Смена руководства

Возвратимся в районы, прилегающие к Чернобыльской АЭС. То, что происходит там, не идет ни в какое сравнение с событиями, имевшими место во время эпидемий прошлого: ни по степени стремительно нарастающей опасности для населения, ни по сложности задач, вставших перед медиками, ни по масштабам передвижения огромных людских масс. Представьте себе колонну в тысячу автобусов с зажженными фарами, идущую по шоссе в два ряда и вывозящую из стабильно пораженной зоны многотысячное население города Припять — женщин, стариков, взрослых людей и новорожденных младенцев, уже успевших получить значительную дозу облучения...

Сегодня Чернобыль, к которому приковано внимание всего мира, — это город без жителей, без звонких криков ребятин. Наглухо захлопнуты ставни, закрыты и опечатаны все дома, учреждения и магазины. Не осталось домашней живности. Только птицы беззаботно щебечут в листве деревьев. Птицы не знают, что запыленная листва — источник повышенной радиации...

Сюда, в район Чернобыльской АЭС и ряд населенных пунктов Чернобыльского, Полесского, Ивановского и Бороднянского районов Киевской области, прикатила 4 июля правительственная комиссия, которую возглавляет только что назначенный зампред Совмина СССР В. Гусев. В Чернобыле он провел совещание, посвященное ходу ведущихся сейчас непосредственно на стан-

ции и прилегающей территории работ, направленных на быструю ликвидацию последствий аварии (ТАСС). "Как, — спросит посвященный читатель, — разве Гусев возглавил правительственную комиссию? А где Щербина?"

Щербине — 66 лет, Гусеву — 54. Отнюдь не возрастом объясняется смена руководства. Неблагодарная это задача — расхлебывать кашу, заваренную другими. Щербина снят с поста председателя правительственной комиссии, как несправившийся. Кроме того, в Москве ходят упорные слухи, согласно которым Борис Щербина сам стал жертвой радиации и в мае был госпитализирован... Десятилетиями в СССР строили атомные электростанции с недостаточными средствами радиационной защиты, с контрольной аппаратурой, не отвечающей требованиям безопасности, и почти без аварийных дублирующих систем управления. Теперь, когда беспечность советского партийно-государственного руководства во главе с Горбачевым, Рыжковым, Громыко обернулась катастрофой, "безгрешное" руководство пытается свалить вину на "стрелочников" разного ранга. Скажем, на зампреда Щербину или на директора Чернобыльской АЭС В. Брюханова*. Щербину же сняли, видимо, потому, что он не проявил должной оперативности, а представленная им информация была неполной и не отражала подлинных масштабов народного бедствия. Принятые правительственной комиссией меры, конечно, не отвечали масштабам случившегося. Даже "Правда" в своем комментарии критиковала слишком медленное ознакомление общественности с ходом работ и обстановкой в районе Чернобыля. К слову, читатели этой и других советских газет бомбардируют редакции запросами, жалобами и требованиями, начиная с просьбы разъяснить, можно ли употреблять в пищу овощи и фрукты, выросшие в прилегающих к Чернобыльской АЭС районах, и кончая попытками найти через газеты родственников, эвакуированных из зараженной зоны...

В сообщении ТАСС ("Правда", 5.6.86) было сказано, что помимо Владимира Гусева в Чернобыль прибыли первый секретарь ЦК компартии Украины В. Щербицкий и

* О В. Брюханове см. "Посев" № 6, 1986, статья П. Семенова "Атомка".

председатель Совмина УССР А. Ляшко. Поскольку в СССР отсутствует элементарная гласность, появление Щербицкого вызвало массу новых слухов в стране. Люди были уверены, что "московские лидеры" свалят вину за происшедшее — за задержку с принятием срочных мер — на киевское партруководство. Однако есть сведения, что именно киевское партруководство якобы настаивало на том, чтобы сразу после взрыва обратиться по радио и телевидению к населению и предупредить людей о возникшей небывалой опасности. По сведениям, полученным швейцарскими газетами, Горбачев лично приказал Щербицкому не делать что-либо в этом духе, он запретил сообщить в прессе о реальных размерах опасности. Подобное заявление, считал он, может вызвать панику. А паника могла помешать празднованию 1-го мая. Поэтому-то население Киева, Минска, Гомеля, Кишинева и Таллина вышло на демонстрацию, не подозревая, что насыщенный радиоактивными веществами воздух опасен для людей...

Личное указание генсека дало Щербицкому и его окружению козырь: этих людей нельзя трогать, они знают слишком много... Пока их и не тронули, "полетели" лишь местные руководители, такие, как Брюханов...

Кстати, о Брюханове. Вот статья журналистов Губарева и Одицея, лауреатов новой премии, в "Правде" (15.6.86). Называется она "Хочу работать на станции":

"Недавно бюро Киевского обкома партии заслужило информацию новых руководящих работников Чернобыльской АЭС. Директор Э. Поздышев на обращенные к нему слова: "Есть ли вопросы?" — ответил: "Цели ясны, задачи понятны. Будем работать!" Прежние руководители станции освобождены от должностей. Секретарь обкома Компартии Украины В. Маломуж сообщил, что бывшие директор АЭС В. Брюханов и главный инженер Н. Фомин в сложной обстановке аварии не сумели обеспечить правильное твердое руководство, должную дисциплину, проявили безответственность и нераспорядительность. Они не смогли дать оценку происшедшему и принять кардинальные меры к организации четкой работы всех подразделений в период ликвидации последствий аварии. На заседании бюро говорилось и о необходимости принятия мер к заполнению имеющихся вакансий. Из-за недостатков в организаторской и воспитательной работе с людьми до сих пор часть работников АЭС находится "в бегах". А ведь среди них есть начальники смен, старшие мастера. Проводились высказывания ком-

мунистов станции, которые на своем партийном собрании резко осудили руководство АЭС за допущенные недостатки. В самый сложный момент заместитель директора АЭС Р. Соловьев покинул пост. Заместитель директора АЭС И. Паренко и В. Гундар без должной ответственности относились к своим служебным обязанностям, мало сделали для облегчения условий труда и быта людей, работающих на станции" ...

Конечно, легче всего бичевать малых руководителей, которые, естественно, растерялись в условиях "атомного поражения объекта". Брюханов, Фомин, Соловьев, Паренко и Гундар "не сумели обеспечить правильное твердое руководство". А Горбачев? А Политбюро ЦК КПСС? Они обеспечили безопасность населения? Нет. Из разрозненных и далеко не полных сообщений средств массовой информации совершенно ясно, что Чернобыльская катастрофа застала руководителей всех рангов — от Политбюро до дирекции Чернобыльской АЭС — врасплох, что принятые поначалу меры, основанные на указаниях Горбачева, были явно запоздалыми и недостаточными, что организаторы борьбы с последствиями катастрофы поставили под удар пожарников, милиционеров, военных и решили, что героизм простых людей решит дело... В результате возникла новая опасность — дальнейшее заражение сточных и грунтовых вод, попадание радиоактивных веществ в Киевское водохранилище, а оттуда в Черное море...

"Добровольцы"

"В Чернобыле я наблюдал, как работал солдат, почти мальчик, в гимнастерке с пластмассовым щитком на лице — ему на работу было отведено всего 15 секунд..."

Выше мы привели фрагмент выступления на VIII съезде писателей СССР А. Проханова ("Известия", 29.6.86). Не совсем ясно: о какой работе идет речь? Почему солдату дано всего 15 секунд для какой-то операции? Здесь мы опять сталкиваемся с "гласностью по-советски". Из этих писательских слов, если их читать "по-советски", между строк, выясняется многое. Во-первых, в районе Чернобыля работают солдаты. Во-вторых, солдаты проводят рабочие операции, явно опасные для жизни (помните: "ему на работу было отведено всего 15 секунд"!).

Внимательное изучение "Красной звезды" за июнь-июль разъясняет ситуацию: в опасной зоне радиации работают солдаты, пригнанные сюда из Афганистана. Вчитаемся в корреспонденцию полковника В. Мороза "Зона особых отношений" ("Красная звезда", 3.6.86):

"Окоп с тремя песчаными ступеньками, аккуратно разложенные на брустеве приборы, сигнальные средства... Точно такие же химические наблюдательные посты оборудуются на любом тактическом учении. И журнал наблюдений стандартный. Вот только записи в нем отнюдь не условны. Смотришь на страницы, выцветающие от солнца, и думаешь: этот простой документ, заполненный солдатскими руками, зафиксировал не только радиационный фон в точке поста, но по-своему отражает изменение общей обстановки в районе Чернобыля".

"Я и мои товарищи, — написал в редакцию в первые после аварии дни старшина роты спецобработки прапорщик Валерий Удовенко, — выполняем свой долг в районе Чернобыльской АЭС. Трудности, с которыми столкнулись, не назовешь обычными, а работу безопасной".

"Да, Чернобыль потребовал мужественных людей, сильных характеров... Я побывал в Киевском окружном военном госпитале, где находятся на лечении военнослужащие, выведенные из района... — Все объясняется просто, — рассказывает заместитель начальника госпиталя Тебешевский. — При получении определенной дозы ионизирующего облучения, кстати, не очень высокой, военнослужащий подлежит обязательной госпитализации..."

Еще одно подтверждение работы военнослужащих в Чернобыле, заметка "Над реактором" ("Красная звезда", 28.5.86):

"Винтокрылая машина, пилотируемая командиром эскадрильи кавалером ордена Красной Звезды подполковником С. Сатвалдыевым, медленно оторвалась от земли и взяла курс на станцию. Если б еще не так давно офицеру сказали, что его тяжелому Ми-6 предстоит выполнять столь необычную задачу, наверное, не поверил бы, хотя за годы службы, особенно в Афганистане, привык ко всяким неожиданностям".

Это советская пропаганда представляет дело так, будто все без исключения советские военнослужащие с радостной улыбкой на устах бросаются в зараженные лабиринты атомного вулкана. Думается, что это не так. Люди понимают, что любой рабочий поход может для них закончиться катастрофой... Это понимают и журналисты, освещая обстановку на станции. Но служба — есть служба.

И не только для военных, но и для советских журналистов...

Спецкорр "Комсомольской правды" М. Сердюков назвал свой очерк "Добровольцы" ("Комсомольская правда", 4.7.86). Герои очерка — пожарные МВД СССР, ведущие работу по откачке "грязной" воды из района аварийного реактора АЭС.

"... Без лишних слов и движений люди расходятся по местам. А какое же место у репортера? Хочется больше увидеть, услышать и, конечно, почувствовать. Только время вот ограничено. Все-таки это особая зона Чернобыльской АЭС. Карандаш-дозиметр, в кармане присоединившись к моей авторучке, ненавязчиво об этом напоминает... Так кем же стать? Для начала — решаю — пожарным. Хотя дымом не пахнет и огня не видать... Но чрезвычайная обстановка требует большего от людей этой профессии. Например, расширился круг их врагов, в числе которых оказалась... вода. Здесь ее называют "грязной", хотя на вид она может быть и родниковой чистоты. Но эта вода, скопившаяся у основания разрушенного реактора, опасна, она — заражена. Откачка ее, отвод со станции и захоронение стали едва ли не первостепенной задачей пожарной охраны".

Далее М. Сердюков рассказывает, что "несколько дней тому назад" на Чернобыльской АЭС произошла серьезная утечка радиоактивных вод:

"Сначала все шло хорошо: мощный насос качал воду, она бежала по километровым пожарным рукавам... Какой-то лихой самосвал, случайно угодив на обочину, проехал по месту сцепления шлангов, и вот вам — порыв! 110 литров в секунду подавала насосная станция. Фонтан "грязной" воды с бешеной силой рванул наружу".

На месте находились четверо пожарных, которым удалось остановить утечку лишь после нескольких неудачных попыток: "Случилось и самое страшное — промокли насквозь". Советский журналист не написал о том, сколько времени длились эти неудачные попытки и какое количество "грязной" воды разлилось по окружающей местности. Зато он поведал о том, что у пожарных при проверке не обнаружено ничего опасного... Сообщить первый факт — Сердюкову не позволила цензура. Но цензура настояла на том, чтобы он "осветил" другой факт: с добровольцами — сотрудниками пожарной инспекции все в полном ажуре!

Тема Чернобыля не покидает газетные полосы и телепрограммы многих стран Европы и Америки. Но все реже и реже тема эта появляется в советской печати, на советском телевидении. Советское руководство хотело бы, чтобы о Чернобыле советские люди говорили реже. Но старания власти напрасны: Чернобыль занимает много места в мыслях и чувствах людей. Наша тесная земля, на

которой проживают ныне пять миллиардов людей, набита страхами перед угрозой ядерной войны, к которым добавились и опасения насчет радиации от чернобыльского атома. Радиация в атмосфере, как и радиация недоверия — прямо связаны с антинародной политикой запугивания и угроз, которую проводит советское руководство. И в этой политике нет места подлинной гласности, о которой так много кричит в последнее время советское руководство...

Чернобыль и реакция Запада

Я. МАРКОВ

Утверждения советской пропаганды, что Чернобыльская катастрофа вызвала элорадство в „капиталистических” странах — лживые утверждения.

Чернобыльская катастрофа потрясла Запад, заставила его пересмотреть многие положения, значительно увеличила число противников атомной энергии. Так в Англии, например, во время недавнего опроса среди населения, 53% опрошенных высказались против АЭС. В Италии и Голландии — до 70%.

В Западной Германии Чернобыльская катастрофа пока что больше всего успела сказаться на политической жизни страны: ответственность резко разделилась на сторонников немедленной и безоговорочной ликвидации атомных реакторов, на сторонников их постепенного отключения и на сторонников их сохранения, считающих, что в настоящее время отказаться от атомной энергии уже невозможно (или еще невозможно, — пока не будет найдено что-то более совершенное и безопасное).

Чернобыль, надо думать, скажется на выборах нового канцлера в следующем году, — во всяком случае он уже был главной темой предвыборной кампании в земле Нижняя Саксония. Христианские демократы, стоящие за сохранение АЭС, хотя и сохранили большинство на выборах 16 июня, но уже не абсолютное и могут сформировать правительство только вместе с либералами; за социалистов же, хотя они и не добились большинства, на этот раз голосовало гораздо больше избирателей, главным образом из-за того, что они высказались против АЭС.

Чернобыль также еще раз напомнил, что атомная радиация не знает государственных границ, и облегчил противникам атома вмешательство в дела соседей: 16 июня в земле Саар состоялась 15-тысячная демонстрация — к которой присоединился и премьер-министр этой земли, заявивший, что атомный реактор есть „объявление войны всему живому” — против пуска во Франции новой АЭС возле городка Каттеном, находящегося вблизи немецкой границы. Австрийцы заявили, что они против строительства в Баварии, возле Ваккерсдорфа, обогатительной установки — поскольку Ваккерсдорф находится недалеко от австрийской границы (сами же австрийцы, после того как был проведен всеобщий опрос населения, в свое время отказались от АЭС, а ту, которую начали было строить, очевидно, ликвидируют). Возле Ваккерсдорфа происходили и происходят демонстрации немецких противников атомной энергии.

Вся немецкая (и немецкоязычная швейцарская) пресса в течение 5 недель писала о неполадке в новейшем, работающем на базе тория, реакторе ТХТР 300 возле города Хамм, где 4 мая при продувании гелием грузочного устройства в атмосферу попало ничтожное количество радиоактивного вещества. Вблизи реактора произошли демонстрации, он отключен и неизвестно, будет ли запущен и когда.

Многотысячные демонстрации протеста происходили и возле реактора, находящегося в районе Гамбурга. Все демонстрации в громадном большинстве мирные, — но в них

со все растущей энергией вкрапливаются террористические боевые группы, переезжающие в автобусах от одного очага беспокойства к другому и вступающие, с замаскированными лицами, в вооруженные столкновения с полицией. Кто-то проводит для них штабную работу, и, считают специалисты, неплохую, кто-то, очевидно, их финансирует. Но кто? — задают себе вопрос политики. (Невольно вспоминается известный анекдот: „О, эта проклятая неизвестность!“)

За короткий промежуток времени, прошедший от момента катастрофы в Чернобыле, Западная Германия еще не успела осуществить у себя ряд мероприятий. Пересматривается система информации — пресса сообщала о Чернобыле вперемешку данные, полученные из серьезных и менее серьезных источников, реальные цифры, предположительные и т. д. Усовершенствуется система защиты на случай атомной аварии, проводятся дополнительные учебно-тренировочные занятия. Все это только начало. О том, что запланированы большие и серьезные шаги, говорит тот факт, что в ФРГ только что создано специальное Министерство по защите окружающей среды и безопасности атомных реакторов (это входило до сих пор в компетенцию министра внутренних дел).

В Соединенных Штатах Чернобыльской катастрофе было уделено немалое внимание, — в особенности уверткам и лжи партийного руководства СССР, для которого — как это на этот раз особенно ясно увидели американцы — жизнь советских граждан в высшей степени безразлична. Что же касается практических выводов, то Чернобыль только подтвердил для американцев те выводы, которые были ими сделаны уже в 1979 году, после того, что произошло в их реакторе на Трехмильном острове. Поскольку сегодня советская пропаганда и лично Горбачев снова подают это происшествие намеренно лживо, повторим: в Гаррисбурге, из-за неполадки в системе охлаждения, произошла небольшая утечка радиоактивных веществ (15 кюри). Никто не только не погиб, но и не пострадал, временно было эвакуировано 1400 человек. Горбачев также лжет, говоря, что Конгресс США был информирован об этой аварии только через 10 дней. Информация, — в том числе во все страны, купившие реакторы в США, — была дана уже через несколько часов. Немедленные же меры были приняты властями штата Пенсильвания: в США у местных властей — власть реальная, им Полит-

бюро запрашивать не надо. Сразу после аварии Трехмильный остров был окружен живой стеной из репортеров, журналистов, телекорреспондентов, фотографов... Через 10 же дней была уже создана специальная комиссия Конгресса, которая вскоре, вдобавок к уже имевшимся мерам обеспечения безопасности, разработала дополнительные, настолько строгие, что теперь постройка атомного реактора мощностью в 1 000 мегаватт обошлась бы не менее трех миллиардов долларов — в реакторе не должно быть вообще никаких неполадок, ни больших, ни малых. Из чего нетрудно вывести заключение, что энергия, получаемая в США от АЭС, теперь никак к видам дешевой энергии относиться не может, как думали раньше, — максимально надежный атомный реактор будет просто нерентабельным.

В США, где реакторов намного больше, чем в других странах (в США 101 реактор, всего их в мире 382), интерес к ним падает. Уже слышатся голоса специалистов, утверждающих, что необходимо пересмотреть всю концепцию, что строительство ускоренными темпами ядерных реакторов было ошибкой. В американском журнале „Бизнес уик“ опубликована статья, автор которой считает, что естественных источников энергии хватит еще надолго (США богаты нефтью, но часть ее залегает сознательно не разрабатывают, предпочитая закупать за границей), а тем временем успеют разработать технику, позволяющую использовать не связанную с такими опасностями энергию — морские приливы и отливы, ветер, солнечную энергию.

Но если в США после незначительной аварии 1979 года фактически прекратили постройку реакторов, то какие тогда выводы должны были бы, казалось, сделать коммунистические вожди после Чернобыльской катастрофы, где погибли и еще погибнут люди, где заражены большие участки природы? А никак! Они не только не говорят о возможности отказа от АЭС, но заверяют, что план построек АЭС будет выполнен, и даже грозятся в ближайшее время пустить в ход уцелевшие чернобыльские реакторы.

Сообщая же о реакции на Западе, советская печать говорит, что там главным образом протестуют против войны и ядерного вооружения. И сознательно умалчивают, что на самом деле заслуживающая внимания волна протеста (не будем сейчас рассуждать, правы или нет протестующие) поднимается против атомной энергии вообще.

Чернобыль и Восточная Европа

В соцстранах Восточной Европы катастрофа в Чернобыле произвела в общественном мнении эффект внешне куда более яркий, чем в СССР. Причин тому много, главная же из них та, что соцстраны, будучи идеологически, политически и экономически (кроме Югославии) сателлитами СССР, стараются выдвинуть на первый план свое национальное самосознание и свое право (пусть шаткое) на государственный суверенитет. Чернобыльское радиоактивное облако дало общественному мнению соцстран возможность это подчеркнуть со всей возможной силой, а тоталитарным режимам показать в той мере, на которую они способны, свою национальную „солидарность“. Доказательством служит то обстоятельство, что власть в этих странах, на этот раз особенно не рискуя навлечь на себя серьезный гнев советского руководства, не стала особенно преследовать ни людей, проявивших свое возмущение по поводу Чернобыля, ни организации, осудившие власть за скрытие от общества важных данных о Чернобыле.

Польша

Из всех восточноевропейских стран наибольший удар радиоактивного чернобыльского облака пришелся по Польше, власть

которой ограничилась перепечаткой сообщений ТАСС, но тем не менее распорядилась о раздаче йодистых таблеток населению, проживающему в опасных зонах. Так как уровень радиации в Польше был не очень высоким по сравнению с уровнем в Гомеле, Киеве, а тем более в Чернобыле и его окрестностях, то губительные ее последствия (рак щитовидной железы и т. д.) окажутся растянутыми во времени, что даст властям возможность скрыть их истинные размеры от населения. Однако встревоженное Чернобыльской катастрофой польское общественное мнение не замедлило выступить с помощью ные подпольного профобъединения „Солидарность“ с протестом.

В Польше, в которой еще нет ни одной атомной электростанции, запланировано построить к 2000 году три АЭС. В настоящее время строится, разумеется, по советским стандартам первая польская АЭС в городе Жарновец на Балтийском побережье — только Югославия из всех соцстран Восточной Европы строит свои АЭС с помощью Запада.

Поэтому польские власти немедленно после катастрофы стали уверять, что реактор первой польской АЭС отличается от „чернобыльского собрата“ и „больше напоминает

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (НТС) существует с 1930 г. Основная идея НТС, отразившаяся в названии организации — построение свободного Российского государства, основанного не на насилии и классовой борьбе, а на выявлении народной воли, свободном труде граждан и солидарности всех слоев общества в служении общему благу. Сегодня НТС борется за отстранение КПСС от власти, устранение существующего режима и проведение в нашей стране следующих перемен:

— отказ от насаждения во всем мире „братских“ режимов и от помощи им; нормализация отношений с Западом; возвращение всех наших войск из-за границы; сохранение боеспособности армии на уровне, достаточном для отражения иностранного вмешательства в наши дела;

— обращение всех средств и усилий на разрешение внутреннего, углубляющегося кризиса во всех областях жизни;

— поднятие жизненного уровня, для чего надо: освободить огромные средства, расходуемые на ненужные нашему народу, идеологически обусловленные цели; отказаться от системы тотального планирования; ввести в экономикку принципы свободного рынка, поощрять частную инициативу, заинтересованность людей в результатах своего труда;

— восстановление правды о прошлом России; устранение препятствий для развития национальных культур всех народов нашей страны;

— создание открытого общества и условий для политического плюрализма; введение правовых норм регулирования общественной жизни; освобождение политических заключенных; привлечение всего населения к обсуждению дальнейших мер по оздоровлению жизни в стране; подготовка и проведение выборов в органы управления на всех уровнях.

Никто за нас нашего дела не делает. А делать все возможное, пока не поздно, нужно сейчас. На территории СССР группы НТС действуют подпольно: распространяют литературу, листовки, информацию о положении в стране, фактах сопротивления; привлекают к работе надежных людей, способствуют созданию независимой атмосферы и росту веры народа в свои силы. Между собой эти группы не связаны, но имеют связь с зарубежным центром, который обеспечивает их литературой, печатной техникой и осуществляет координацию их действий. Если невозможно установить связь с зарубежным центром, допускается вступление в НТС самопримом. Письма в зарубежный центр НТС следует отправлять с выезжающим на Запад надежным человеком по адресу:

Postbus 902, NL—Rotterdam, Nederland (Голландия)

американские реакторы". Как бы в ответ пять видных польских ученых, работающих в области атомной энергии, обратились с открытым письмом к польскому министру энергетики генералу Пиотровскому. В нем специалисты предупредили, что меры безопасности, запланированные на АЭС в Жарновеце, до сих пор не подвергались серьезной проверке и потому нет гарантий, что будущая АЭС сможет работать в режиме соблюдения международных стандартов.

Активный протест вспыхнул в городе Белостоке, отдаленном от Чернобыля на 550 километров. С помощью "Солидарности" только с 8 по 13 мая более 3 000 жителей (среди них 400 врачей) подписали петицию, в которой польские власти обвиняются в „искажении и утаивании сообщений о размерах и последствиях катастрофы в Чернобыле". В петиции также содержится требование приостановить строительство АЭС в Жарновеце до тех пор, пока Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) не проверит степень надежности и уровень систем безопасности реактора, которые должны соответствовать международным стандартам.

Во Вроцлаве и Варшаве были организованы польским независимым пацифистским движением „Свобода и мир" демонстрации, прошедшие под лозунгом: „Сегодня Чернобыль — завтра Жарновец!". Стало также известно, что оппозиционно настроенные круги польской общественности потребовали, чтобы польские власти представили советским властям список понесенных Польшей убытков с тем, чтобы СССР их возместил. Со своей стороны польская „Солидарность" выступила с нижеследующим заявлением:

Информация о взрыве, происшедшем на атомной электростанции в Чернобыле, вызвала в Польше ощущение страшной угрозы, тем более что дана была эта информация только тогда, когда радиоактивное облако уже прошло над нашей страной и повышенная радиоактивность была обнаружена в Швеции.

Недопустимым было и то, как сообщались сведения об уровне радиоактивной зараженности. В потоке цифр и специальных терминов отсутствовали элементарные данные о том, в каких районах страны в данный момент радиоактивность повышена. Не было дано срочных и ясных рекомендаций по мерам защиты, особенно в отношении детей и молодежи. В обстоятельствах, когда представитель правительства по делам печати нескрываям ложет по ряду вопросов, не могло быть доверия к ним как проверяемой правительственной информации. Горечью на-

полняет и международный аспект событий, показывающий несамостоятельность польского правительства и зависимость Польши от СССР. При таком положении дел обвинения правительства ПНР, адресованные польскоязычным радиостанциям на Западе, играют роль дымовой завесы, за которой скрывается тот факт, что именно из их передач польское общество узнало о взрыве в Чернобыле и создавшейся угрозе. Нападки на них — месь за нарушение информационной монополии.

Взрыв в Чернобыле заставил обратить внимание на вопросы охраны окружающей среды. Никогда еще так явно не обнаруживалось, как связаны они с проблемами свободы организации и свободы информации. До августа 1980 года на данные о загрязнении окружающей среды был наложен полный цензурный запрет. В результате рабочих забастовок наступили некоторые перемены. В печати появились скрываемые до тех пор сведения, возникли независимые экологические центры. Опираясь на профсоюзное движение, прежде всего на НСПС „Солидарность", они начали деятельность, направленную на улучшение положения. Сегодняшнее экологическое движение, лишенное поддержки независимых профсоюзов, лишенное возможности обращаться к общественному мнению, мало влияет на правительственные решения и обладает ничтожными возможностями ограничить разрушительное действие промышленности.

Иногда экологи приводят в официальной прессе данные о загрязнении окружающей среды. Из этих публикаций, из статей и информационных заметок в неподцензурной печати вырисовывается устрашающая картина. По загрязненности воздуха Польша вышла на первое место в мире. Перейден порог допустимого загрязнения лесов. Выброс газов, пылевых частиц, химических веществ во много раз превышает допустимые нормы. Сокращаются запасы чистой воды — реки и озера загрязняются соединениями хлора, серы, тяжелых металлов. Только 1% вод относится к первому классу чистоты (пять лет назад таких вод было 5%); 49% общей протяженности рек выходят за рамки всякой классификации. Загрязнена почва. Многие сельскохозяйственные продукты не отвечают санитарным требованиям. Уже сегодня в Меднорудном бассейне нельзя заниматься ни земледелием, ни животноводством. В ближайшее время такая загрязненность охватит всю территорию Катовицкого воеводства. Непредуманные промышленные капиталовложения приводят к загрязнению и тех малочисленных, оставшихся незагрязненными территорий. Свыше 35% населения Польши живет на территории, где содержание вредных веществ превышает допустимые нормы. Не хватает средств на очистку сточных вод и на фильтровальные установки. Наказания за разрушение окружающей среды парализованно мягки, особенно если принять во внимание, что мы живем в стране, где относительное число выносимых обвинительных

приговоров — самое высокое в Европе. За производственные показатели платят своим здоровьем все жители Польши. Люди систематически отравляются на улице, на работе, дома и уехав в отпуск. Строящаяся в настоящее время атомная электростанция в Жарновце основана на советской технологии. Мы не знаем, какие меры по безопасности там приняты и не грозит ли нам катастрофа с непредсказуемыми последствиями.

Трагическое состояние окружающей среды в Польше — результат доктринального форсирования развития тяжелой промышленности и добычи сырья. Из доктрины вытекает и стремление властей ликвидировать все независимые общественные организации и обеспечить себе информационную монополию. Улучшение может наступить лишь в результате решительных перемен в политико-экономической системе. Только организованный нажим и общественная активность, проявляющаяся в создании независимых институтов, сможет принудить власти отказаться от их нынешней политики.

Временная Координационная Комиссия

13 мая 1986 г.

НСПС „Солидарность“:

Збигнев Буяк (регион Мазовия)

Ян Анджей Гурный

(Силезско-Домбровский регион)

Марек Мушинский (регион Нижняя Силезия)

и представители регионов Гданьск и Малопольша

В ответ польские власти ограничили заявления: „Катастрофа в Чернобыле не изменит планов строительства трех АЭС в Польше“.

Чехословакия

Правительство ЧССР в двух официальных заявлениях (от 30 апреля и от 5 мая) не дало уровня радиации в стране после Чернобыля. Как и в Польше, чехословацкие средства массовой информации в основном ограничили перепечаткой сообщений ТАСС.

В ответ активно выступили участники чехословацкой гражданской инициативы „Антиатом“. Они отпечатали самиздатские открытки с лозунгом „Угроза из Темелина“ и разослали их по почте. Темелин — деревня (в 60 км от австрийской границы), в районе которой должен быть закончен в 1992 году монтаж первого из четырех реакторов АЭС, которая, как и Чернобыльская, будет без защитного покрытия и без достаточной аварийной системы охлаждения.

Солидарность с группой „Антиатом“ проявили австрийцы: студенты одного из австрийских университетов переправили в Чехословакию и Венгрию 50 000 листовок, в

которых на чешском, словацком и венгерском языках указывалось на опасность строительства таких атомных электростанций. Студенты сами участвовали в распространении листовок, после чего беспрепятственно вернулись в Австрию. Только пятеро из них, продолжавшие раздавать листовки на улицах Праги, были задержаны — и почти сразу освобождены. В Будапеште вообще никого не задержали.

Наиболее важным выступлением в Чехословакии нужно считать открытое письмо Федеральному собранию (парламенту), составленное правозащитной группой „Хартия-77“. Вот его текст, получивший название „Документ № 15“:

В конце апреля произошла катастрофа на ядерном реакторе в украинском городе Чернобыль, — она сопровождалась выбросом радиоактивных веществ в атмосферу. Это — самая крупная катастрофа из всех известных случаев такого рода. Советские власти сообщили о ней лишь после выпадения радиоактивных осадков в Швеции и после того, как шведы установили их источник по направлению ветров.

Вскоре после этого во многих европейских странах было отмечено увеличение радиоактивности. В большинстве этих стран регулярно публиковались отчеты об уровне радиоактивности и рекомендации гражданам о мерах предосторожности. В частности, беременным женщинам и маленьким детям советовали не выходить из дому, принимать иодистые таблетки. Была ограничена или запрещена продажа зараженных пищевых продуктов.

30-го апреля правительство Чехословакии выпустило следующее заявление: „На территории Чехословакии проводятся постоянные наблюдения и никакого увеличения радиоактивности отмечено не было“. Последовало 5 дней молчания и лишь 5 мая агентство ЧТК сообщило о „незначительном увеличении радиоактивности“.

Вот вся информация, которую сообщили гражданам страны в самый критический период. Ни слова о мерах предосторожности. Неудивительно, что в таких условиях многие узнали о подобных мерах из радио- и телепередач соседних государств. Поскольку право на жизнь и здоровье является одним из основополагающих прав человека, мы требуем безотлагательной публикации полной информации об уровне радиации на территории страны в каждый из этих критических дней. В особенности важно передать гласности мнение экспертов, чтобы информировать общественность о все еще существующем риске облучения и возможных мерах предосторожности как текущих, так и долговременных.

Одновременно с этим мы требуем от правительства Чехословакии запросить у Советского Союза всю необходимую информацию об обстоятельствах

катастрофы и предать ее гласности с тем, чтобы общественность могла сделать выводы о Чернобыльской катастрофе, в особенности в отношении наших собственных ядерных реакторов.

Принимая во внимание высокую плотность населения в Центральной Европе, подобная катастрофа у нас могла бы иметь еще более грозные последствия.

Венгрия

Венгерские средства массовой информации довольно широко осветили Чернобыльскую катастрофу и ее последствия и этим резко выделились среди собратьев из соцстран. Более того, венгерские власти согласились выплатить компенсацию крестьянам за убытки, понесенные ими из-за сокращения продажи сельскохозяйственных продуктов вследствие катастрофы в Чернобыле. Выплата компенсаций началась 1 июля. Правда, денежная компенсация выдается только большим сельскохозяйственным кооперативам и фермам, а также частникам, работающим по государственным договорам, но и такие половинчатые меры чрезвычайно удивительны для страны, во главе которой стоит коммунистическая партия.

Румыния

Бухарест молчал после взрыва в Чернобыле 3 дня, затем внезапно радио румынской столицы сообщило без всяких объяснений, что уровень радиации на всей национальной территории нормальный. Немного времени спустя оно передало первое заявление ТАСС о катастрофе. Под вечер северо-западный ветер изменил направление и погнал радиоактивное облако через Польшу к Румынии. Но только 1 мая, после парада, Чаушеску, патетически заявив, что обеспечение безопасности на атомных электростанциях после катастрофы в Чернобыле не может быть внутренним делом какой-либо страны, что это — международная проблема, образовал госпарткомиссию по наблюдению за окружающей средой и назначил главой этой комиссии свою жену Елену.

Комиссия приказала румынам: мыть овощи и фрукты перед едой, не пользоваться дождевой водой и смывать грязь с тротуаров. Потом последовало сообщение, что уровень радиации приблизился к норме. На этом госпарткомиссия практически закончила свою работу.

Югославия

Югославию не зря называют полутоталитарной страной. После катастрофы средства массовой информации страны резко критиковали советское правительство за „сокрытие правды о катастрофе”. Комментатор югославского радио даже заявил: „Советские руководители длительное время скрывали такого рода катастрофы, так же, как и существование ГУЛага, но ныне они не в состоянии уже этого делать”. Югославские власти своевременно информировали население о необходимых мерах профилактики, сообщали регулярно об уровне радиации в стране. Более того, обеспокоенные здоровьем 575 югославских рабочих, занятых на строительстве металлургического комбината в Белоруссии, в городе Злобин (145 километров от Чернобыля), югославские власти послали туда специалистов из Белграда.

Поведение властей и населения соцстран (кроме Румынии) по отношению к Чернобылю резко отличается от поведения советского руководства и населения СССР.

Но эти бросающиеся в глаза особенности только скрывают существование и развитие проходящих в СССР глубинных процессов. Под привычным цинизмом советского руководства кроется страх перед возможными последствиями катастрофы, — еще одним из факторов, вызывающих недовольство населения. Не зря малейшее неподконтрольное движение населения вызывает у власти панику и решение: пусть лучше погибнут десятки тысяч, чем возникнет угроза для власти. Кроме того, страх перед населением у советского руководства тесно связан с борьбой за власть в мире, с отсутствием ощущения себя национальной властью и, следовательно, с огромностью поставленной задачи и хрупкостью собственного базиса. Что касается населения, то узнику в кандалах свойственна инертность, которую некоторые историки называют накоплением взрывчатых сил. Население стран Восточной Европы (кроме румын и албанцев) менее скованно, а у власти этих стран меньше страха — они ощущают себя все же более национальной властью, чем советская. Кроме того, они действуют, в случае чего, на советские танки.

В. Р.

Ни денег, ни одежды, ни медицинской помощи...

Нет ничего тайного, что не стало бы когда-то явным. Как ни скрывают „партия и правительство” то, что на самом деле было в Чернобыле, как ни лгут о своевременной эвакуации населения, — правда постепенно проникает сквозь все барьеры и заслоны. И уже начинает проникать. Так, один из многих жителей Припяти, пострадавших от радиации, пробрался в Москву в надежде добиться помощи от высокопоставленных виновников катастрофы. Там он передал шведскому журналисту копию своего письма Горбачеву. Газета „Свенска дагбладет” опубликовала его в номере от 21 мая, не указав, к сожалению, известную редакции фамилию автора, — которая и гебистам хорошо известна, поскольку оригинал письма горбачевский секретариат им, естественно, давно переправил. К сожалению, на Западе все еще нередко не упоминают имена авторов писем протеста, не понимая, что гласность до некоторой степени служит автору защитой, в то время как человек, не известный общественности, подвержен произволу властей в гораздо большей степени.

В письме к Горбачеву автор говорит о

„... преступной медлительности местных властей, вследствие которой жители города Припять, в том

числе моя семья, включая трех детей в возрасте от 12 до 7 лет, были эвакуированы только через двое суток после катастрофы на атомной электростанции... Нас привезли в райцентр Сумской области, — пишет он, — и разместили на квартире у пенсионеров. После эвакуации прошло уже три недели, а мы не получили ни денежной помощи, ни одежды, ни медицинской помощи, хотя Совет министров СССР еще 30 апреля сообщил всему миру, что помощь эвакуированным оказывается. Прибыв в пункт переселения, я немедленно обратился в районную больницу с просьбой обследовать мою семью. Там от нас просто отмахнулись. Тем временем дети — и мы с женой — стали испытывать серьезные недомогания. После настойчивых требований нас направили в областную больницу, где обследование подтвердило наши худшие опасения. Уровень радиации в печени и щитовидных железах у всех нас оказался 0,3 миллирентгена в час, а на одежде и обуви — 0,2 миллирентгена, хотя мы мыли и стирали наши вещи неоднократно. Вернувшись в райцентр, я пошел в райком партии с просьбой выдать обещанную одежду, хотя бы детям. Но там вместо помощи посоветовали еще раз выстирать наши вещи”.

К этому следует лишь добавить, что вместе с автором письма в Припяти ждало запоздавшей эвакуации все население города (естественно, кроме бежавших первыми нomenclатурщиков), и все оно было облучено в меньшей степени, чем он, его жена и дети.

Медицинские аспекты катастрофы в Чернобыле

Д-р В. ЦВЕТКОВ

О взрыве и пожаре на Чернобыльском атомном реакторе сейчас известно во всей стране и во всем мире. После того, как радиоактивные облака появились над Швецией, Финляндией, Польшей и Западной Германией, сохранить это событие в тайне, как им бы хотелось, советские правители не могли. По мере того, как на Запад проникало все больше и больше сведений, они были вынуждены сообщать все новые и новые подробности.

Но об опасности радиоактивных излучений, о сути лучевой болезни и о ее жертвах, сегодняшних и завтрашних, говорилось и говорится очень мало. Ни большие газеты, ни журналы, ни телевидение еще не дали удовлетворительных объяснений по этому воп-

росу. Даже „Медицинская газета”, орган Министерства здравоохранения, только 14 мая, то есть через 18 дней после взрыва, поместила оптимистическое сообщение о лечении пожарных, которые, вероятно, первые начали борьбу с огнем в реакторе.

Таким образом ситуация поставила перед нами задачу дать медицинскую информацию как пострадавшим, так и всему населению нашей страны. Это не так легко, поскольку советские власти только в общих чертах сообщили о происшедшем. Особенно скудно поступают данные о размерах радиации и о состоянии людей. Кроме того, эта область медицины еще недостаточно исследована. До сих пор подробно изучены только жерт-

вы атомных бомб в Хиросиме (урановая) и в Нагасаки (плутониевая). А катастрофы атомных реакторов такого масштаба, как Чернобыльская, еще не случалась.

Прежде чем говорить о Чернобыле, нужно сказать о реакторных катастрофах вообще. В атомном реакторе, работающем на уране, возникают те же частицы, лучи и радиоактивные изотопы, что и при взрыве урановой атомной бомбы. С той только разницей, что распад ядер в нем заторможен и может быть в случае необходимости прекращен, а продукты распада и излучения не выходят за пределы соответствующей камеры в реакторе.

При реакторной катастрофе, ведущей к разрушению защитных конструкций, радиоактивные массы реактора (урановое ядро) начинают выбрасывать частицы альфа (ядра гелия), частицы бета (электроны), гамма-лучи, а также радиоактивные изотопы, которые, в свою очередь, распадаясь, образуют такие же частицы и лучи. Весь этот выброс ведет к заражению окружающей среды и всего живого. Кроме того, он образует радиоактивные облака, уходящие на сотни и даже тысячи километров.

Главной опасностью радиоактивных излучений является ионизация тканевых жидкостей в организме. Там образуются заряженные группы атомов, ионы и радикалы, которые нарушают нормальный обмен веществ, разрушают отдельные клеточные структуры, вызывая так называемую лучевую болезнь (известную в обиходной речи в СССР как „лучевка“) или генетические изменения.

Симптомы и ход лучевой болезни зависят от интенсивности и длительности облучения, а также от расстояния от очага радиоактивного распада.

В непосредственной близости главную опасность представляют потоки гамма-квантов и нейтроны, образующиеся в реакторе. В распространяющемся дальше радиоактивном облаке преобладают радиоактивные изотопы: йод-131, цезий-137, стронций-90, барий-140, плутоний-239 и другие — всего около 200 различных изотопов. Чем старше урановые стержни реактора, тем больше всевозможных изотопов. Йод отлагается в щитовидной железе, цезий — в мускулатуре, барий и стронций — в костях, плутоний — в костях, легких и печени. Продукты их распада вызывают, в свою очередь, патологические

изменения тканей, в зависимости от их количества и времени распада.*

Интенсивность облучения можно выразить в рентгенах, радах или ремах. От нее зависит и степень поражения организма.

Однократная доза до 50 р не вызывает патологических изменений, но уже 100 р могут вызвать скрытые изменения, которые ведут к лейкемии (в среднем через 9 лет), злокачественным опухолям (через 25 лет), к рождению уродцев и к наследственным заболеваниям через 2-3 поколения, хотя сразу после облучения какие-либо симптомы отсутствуют. Эти поздние изменения вызываются в основном накопившимися в организме радиоактивными изотопами с длинным временем распада (цезий, стронций, плутоний).

При более сильном облучении наступают немедленно резкая слабость, головокружение, головная боль, рвота, понос.

При 400 до 700 р и выше воспаляются и разрушаются слизистые оболочки пищеварительного тракта, что ведет к кровотечениям, неудержимым рвотам и поносам; температура поднимается до 40°. Иногда наступает временное улучшение, длительность которого зависит от дозы радиации, но потом симптомы возвращаются и ведут к смерти. При 200 р латентный период длится до 20 дней.

При облучении в 400-500 р через 12-14 дней выпадают волосы, иногда появляются затемнения глазного хрусталика (катаракта). Дозы свыше 200 р приводят к нарушению кроветворной деятельности костного мозга.

* Радиоактивность измеряется в беккерелях. 1 Бк = распаду одного атомного ядра в секунду. Обозначая радиоактивность в беккерелях, указывается изотоп, в котором происходит распад, напр., йод-131. В СССР употребляется единица кюри Ки, равная $3,7 \cdot 10^{10}$ беккереля.

Радиоактивность сама по себе не говорит о действии излучения, т. е. ионизации. Мерой ионизации принят рентген (р) — гамма-излучения, несущие заряд в одну электростатическую единицу. В Советском Союзе измерения производят почти исключительно в рентгенах. На Западе радиация указывается в „рад“ (radiation absorbed dose — доза энергии, показывающая силу излучения). В воздухе рентген и рад почти идентичны. Действие одного рада излучения на живую ткань определяется в „ремах“ (rad equivalent man — эквивалент на живую ткань), идентичных с „бэр“ в СССР. В дальнейшем мы все указываем в рентгенах, сокращенно — р. Новейшие единицы радиации и ее воздействия на живую ткань (Грей = 100 рад и Сиверс = 100 рем) в описаниях чернобыльского излучения пока не употреблялись.

Облучения в 1000 р почти всегда смертельны. При этом несущественно, получил ли пострадавший эти дозы за один раз или в течение нескольких дней, так как они суммируются.

Прогноз лучевой болезни во время латентной фазы очень труден. Известно, что если в течение первых двух месяцев облучение не привело к смертельному исходу, то остается лишь риск заболевания лейкемией или раком через несколько лет.

Эффективной терапии, кроме вливания клеток печени человеческого зародыша или пересадки костного мозга, практически нет. Эта пересадка технически сравнительно легкая процедура, однако иммунобиологические проблемы делают ее, как и вливание печеночных клеток, очень сложной и опасной. Чем моложе пациент и чем ближе в родственном отношении к нему донор, тем больше шансов на успех. Людям старше 45 лет пересадку костного мозга не делают.

Установить, какому облучению подверглись жители Чернобыля и окрестностей, а также ближайших городов — трудно.

Только на состоявшейся 6 мая в Москве пресс-конференции для советских и иностранных журналистов председатель правительственной комиссии, заместитель председателя Совета министров СССР, Б. Щербина, сообщил, что максимальный уровень радиации на месте аварии достиг 10-15 миллирентгенов в час. Эту цифру нельзя назвать даже заниженной: она просто совершенно неправдоподобна. Такая доза радиации совершенно не опасна. Если это не оговорка не разбирающегося в науке министра, то это — наглый обман собственных граждан. За границей же, в Гамбурге, кандидат Политбюро Ельцин указал за 2 дня до этого другую цифру — 150 р в час. Если это верно и если учесть, что 40 000 жителей города Припяти, расположенного в непосредственной близости от реактора, были эвакуированы только через 37 часов, то все они должны были бы получить многократную смертельную дозу в 5550 р. Даже учитывая, что люди, находящиеся в помещении с закрытыми окнами, получают только 10% указанной дозы, а если они в подвале, то только 1%, все облученные подверглись почти смертельной радиации.

В. Фалин, начальник Агентства печати Новости, давая интервью редактору журнала „Шпигель” Лоренцу, назвал цифру в 100 р, но не сказал — в час или суммарно. А гене-

ральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), Х. Бликс, пролетая на вертолете с советской комиссией над взорвавшимся реактором в Чернобыле через полторы недели после катастрофы, установил 375 миллирентгенов в час, то есть в 20 раз больше, чем было указано в „Правде” от 7.5.

По мнению западных экспертов, излучения в непосредственной близости от реактора должны были быть не менее 1000 р в час.

В вышеуказанной „Медицинской газете” от 16 мая помещены комментарии члена Национальной комиссии по радиологической защите, профессора А. Книжника. Он касается только положения за пределами 30-километровой зоны вокруг реактора. По его мнению, основными радиационными факторами, воздействующими на население Украинской ССР, Молдавской ССР и отдельных областей РСФСР, на территории которых произошло выпадение радиоактивных осадков, являются внешнее гамма-облучение и поступление йода-131 с пищевыми продуктами. Дозы внешнего облучения 0,5 миллирентгенов в час = 200 миллирентгенов в месяц, то есть совершенно безопасная доза. Для йода-131 указываются только нормативы на содержание в молоке; о положении внутри 30-километровой зоны он не сказал ничего. Согласно сообщению „Недели”, на территории реактора такая сильная радиация, что рабочие в специальных костюмах могут находиться там только несколько минут. Бросается также в глаза, что Книжников даже не упомянул Белоруссию и Литву, по территории которых прошло первое, дошедшее до Швеции, радиоактивное облако 26-28 апреля.

На основании всего вышесказанного установить мощность облучения во время катастрофы и непосредственно после нее невозможно. Конечно, если бы облучение было таким, как сказал Щербина, — эвакуация была бы вообще не нужна. Однако сам факт ее проведения говорит, что опасность существовала. А то, что эвакуация была проведена с опозданием (Припять через 37 часов, Чернобыль через 9 дней), позволяет сделать вывод, что число облученных было значительным.

По числу жертв можно было бы приблизительно оценить радиацию во время катастрофы, но здесь власти проявляют еще большую, переходящую в дезинформацию, скрытность. Горбачев во время своего выступле-

нии 16 мая по советскому телевидению сообщил: „В момент аварии погибло два человека... На сегодня 299 человек госпитализированы с диагнозом лучевой болезни разной степени тяжести. Семеро из них скончались”.

Приглашенный в Советский Союз американский специалист по пересадке костного мозга Р. Гейл, еще будучи в Москве, сообщил, что к пятнице 16 мая из 35 лиц, состояние которых было серьезно, еще живы 24, то есть 11 умерло. Вернувшись в США, он сказал, что лучевое поражение получило от 50 000 до 100 000 человек.

Какие же советы можем мы дать нашим соотечественникам, подвергшимся облучению? Главная опасность для них — повреждение кроветворной функции костного мозга и возможность появления злокачественных опухолей. Чтобы вовремя заметить ослабление функции костного мозга, нужно раз в полгода делать морфологическое исследова-

ние крови и повторять это исследование при недомогании.

При каждом подозрении на возникновение опухоли (затвердения в груди, в паху, на шее и под мышками, при общей слабости, потере веса) обращаться к врачу, желательно к онкологу. С другой стороны, — не следует отчаиваться, так как опыт Хиросимы и Нагасаки показал, что заболевая далеко не все облученные, а слабые облучения, по мнению некоторых ученых, даже увеличивают продолжительность жизни.

Катастрофа в Чернобыле и связанные с ней события показали, что каждый человек, и тем более медицинский работник, не может полагаться на информацию, указания и приказы советских властей. Он должен сам стараться добыть вестороннюю информацию, используя свои собственные знания, знания компетентных лиц, а также заграничные сообщения.

„НУЖНО ЛИ ЗНАТЬ МЕРУ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ?“

Ниже публикуется заключительная часть статьи П. Семенова „Атом мирный и безопасный” из „Посева” № 7, 1986 г.

„Цена риска”

Этот подзаголовок мы поставили здесь, поскольку по воле академика В. А. Легасова, кандидата физико-математических наук В. Ф. Демина и доктора технических наук Я. В. Шевелева в статье „Нужно ли знать меру в обеспечении безопасности?” („Энергия: э.т.э.” № 8, 1984) введенный ими термин — „цена риска” — разменивается на звонкую монету, хотя речь идет, как и выше, о „цене жизни”. Речь идет об АЭС.

„Растут затраты на защитные мероприятия.

Возникает вопрос: до каких пор этот рост затрат оправдан? Не следует ли где-то остановиться?..

Существует точка зрения, согласно которой любые затраты на защиту здоровья человека оправданы, ибо ему нет цены. Гигиенистам пристало придерживаться такой романтической точки зрения; в какой-то мере это даже их профессиональный долг, как долг адвоката — всемерно защищать обвиняемого. Как отражение этой точки зрения был предложен следующий принцип обеспечения безопасности: внедрение всех мер защиты, которые практически осуществимы, или другими словами, установление уровня опасности настолько низким, насколько

ко это достижимо практически (принцип ALAPA — as low as practically achievable; такое название он получил за рубежом). В привлекательности такому подходу не откажешь, но научным его не назовешь...

Признание невозможности в ряде случаев или нецелесообразности достижения „нулевой опасности” поставило проблему определения приемлемого уровня „опасности” или риска. Другими словами, установление меры в обеспечении безопасности...

Во всех... подходах к установлению уровня приемлемого риска исходят из единственного критерия — увеличение жизни человека или уменьшение уровня риска. В целом эти подходы разумны. Однако они не оптимальны”.

Люди, как пишут авторы,

„рискуют жизнью не только ради спасения близких или далеких людей, но и ради получения материальных благ. Доплата привлекает на вредную или опасную работу отнюдь не одних авантюристов, но и вполне уравновешенных здравомыслящих людей — если, конечно, риск невелик...

Затраты на защитные мероприятия отвлекают средства из других областей... Поэтому они не должны быть чрезмерными. Именно это очевидное требование игнорируется во всех подходах к обеспечению безопасности... Обойтись при этом без такого непривычного понятия, как цена риска, — невозможно...

Опасность радиоактивного облучения населения продуктами работы ядерного реактора — экономи-

ческий фактор: на жизнь людей влияет, средства защиты известны и практически доступны... Таким образом, безопасность является экономическим фактором...

Безопасность — качественное понятие. Величина, ее характеризующая, это ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (есть такой термин у демографов) или обратная ей величина — риск. Переходя к количественным соотношениям, следует говорить об уравнивании качества жизни и риска...

Поэтому внедрение в практику проектирования цены риска — в высшей степени гуманно и должно стать этической нормой”.

Дальше авторы, основываясь на инструкциях и таблицах пожарной охраны и ГАИ и исходя из того, что „ущерб для общества от гибели среднестатистического человека оценивается в 20-30 тыс. руб. (в зависимости от возраста и др.)”, и базируясь на известных в то время случаях смерти от АЭС, рассчитывают цену риска в 4-6 руб. в год. Столь малая сумма им кажется все же слишком уж ничтожной, поэтому они благодушно решают ее увеличить.

„Общество обязано знать самооценку своих членов, поскольку оно выражает их интересы... Ее измерение — задача социологов и экономистов.

Наибольшую информацию может дать исследование того, какой дополнительный риск считает человек приемлемым при данной дополнительной зарплате, или какую дополнительную зарплату он считает достаточной компенсацией данного дополнительного риска”.

Увеличение делается авторами до уровня цены риска для горнорабочих, равной 200 руб. в год. Далее они пишут:

„Подчеркнем, что экономический анализ безопасности, использующий понятие цены риска, никак не противоречит этическим нормам социального общества...”

Измерение субъективной компоненты цены риска — задача очень важная, но одновременно это и очень трудная задача. Два обстоятельства сильно усложняют исследование.

Во-первых, промышленный риск мал, люди его плохо осознают; иначе говоря, приходится измерять малые величины. Вести исследования в условиях большого риска нельзя: результат может отличаться от того, что нужно для оптимизации безопасности больших масс людей.

Во-вторых, зарплата в нашей стране — очень неполный измеритель материальной обеспеченности человека. В эту обеспеченность, несомненно, входят такие компоненты, разные у работников разных

категорий, как качество жилища, школьного образования, снабжения, санаторно-курортного обслуживания, доступность детских учреждений и т. п. Все эти компоненты могут наряду с зарплатой и нематериальными стимулами использоваться для компенсации риска. Несмотря на указанные трудности, нужно измерять субъективную компоненту цены риска...

Нормативы, основанные на требованиях ‘абсолютной безопасности’, здесь не применимы”.

В результате своих выкладок авторы считают, что

„мера в обеспечении безопасности нужна. Она должна устанавливаться предпочтительно в рамках экономического анализа”.

*

Совершенно очевидно, что отказом от достаточного, известного и возможного обеспечения безопасности АЭС, и планомерным толканием на риск власть ведет к катастрофам, подобным Чернобыльской.

Когда же катастрофа свершилась, власть попыталась замести следы своего большого преступления, сознательно совершая малые. Так было совершено заведомое преступление, когда для телевидения и втирания очков на зараженное поле были выгнаны колхозники для сбора лука, а в Киеве устраивался парад, велогонки и другие массовые мероприятия в поле, под открытым небом, у реки. Здесь нельзя уже отговориться неожиданностью и непониманием или незнанием опасности.

Одним из ближайших мероприятий, которые необходимо осуществить, наряду с лечением пострадавших и дезактивацией местности, является немедленное строительство вокруг существующих реакторов РБМК контейнментов-колпаков, охватывающих всю реакторную установку, пересмотр и обеспечение других защитных мероприятий, а также привлечение к уголовной ответственности всех виновных в указанных выше преступлениях после катастрофы, сидящих в Москве и Киеве.

Ищите возможности присылать нам материалы об экономическом и политическом положении в вашем районе, факты забастовок; факты закрытия храмов, репрессий, разрушения памятников старины, других совершаемых властью беззаконий, а также статьи об НТС и „Посеве” из советских изданий.

Цена риска

К разбору советского отчета об аварии на Чернобыльской АЭС

Р. ВОРОБЬЕВ

Почти тотчас после аварии на Чернобыльской АЭС им. В. И. Ленина, как только опасное повышение радиации проявилось в средней и северной Европе, прогрессивные силы развернули среди испуганного населения кампанию за отказ не только от военного, но и от мирного использования атома. Социал-демократическая партия ФРГ, например, внесла требование такого отказа в свою предвыборную программу на 1987 год. КПСС этому очень рада. Это тормозит технологическое развитие капстран, а бояться подобных кампаний у себя дома ей не приходится. Дома, невзирая на Чернобыль, Верховный совет 19 июня преспокойно одобрил двенадцатый пятилетний план, в котором предусматривается увеличение подаваемой АЭС электроэнергии с 167 миллиардов квт в 1985 году на 390 миллиардов квт — в 1990 году.

Неприятно КПСС не это. Неприятно то, что уже не только прогрессивные силы, но и деловые и правительственные круги капиталистических стран на предстоящих в рамках МАГАТЭ переговорах будут всерьез добиваться реально контролируемых международных норм как в отношении технологии АЭС, так и в отношении выброса радиации в случае аварий или в местах захоронения отработанного ядерного топлива, исключаящих возможность повторения катастроф, подобных чернобыльской.

После Чернобыля всем очевидно, что такие нормы нужны и что выработка их выходит за рамки суверенитета отдельных государств и не может быть предоставлена на усмотрение отдельных правительств, как это было до сих пор, ибо это влечет за собой опасный разнобой. Так, например, в Швеции уничтожают сейчас северных оленей, в мясе которых радиация превышает 300 беккерелей на кг, в то время как в Норвегии допустимой нормой признано 700 бк/кг, а в Финляндии — 1000 бк/кг. Так, правительство ФРГ уже выплатило около 250 миллионов марок компенсации убытков, понесенных гражданами в результате чернобыльской

аварии, и должно выплатить еще около 250 миллионов по нормам, которые по собственному усмотрению устанавливали правительства входящих в Федерацию земель. Советское же правительство, неоднократно сообщая, что в зараженных районах „положение нормализуется”, ни разу не указало, что оно понимает под этой „нормализацией”, и ни разу не сообщило, какова степень радиоактивной зараженности в зонах Советского Союза, подвергшихся различной радиации. Перед МАГАТЭ стоит огромный и сложный вопрос выработки общеобязательных международных норм допустимого превышения нормальной радиации и общеобязательных мер на случай таких превышений.

Решение этого вопроса требует большой работы, в основу которой ляжет изучение биомедицинских последствий чернобыльской катастрофы. Поданный советским правительством в МАГАТЭ отчет в принципе должен содержать необходимые для этого исходные данные. Он еще не опубликован. Но уже известно, что общая масса радиоактивных частиц, высвобожденных в Чернобыле, оценивается в нем в 50 миллионов кюри и во много раз превышает радиацию, вызванную в свое время взрывом атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки*.

Оценить долговременные последствия этой радиации в настоящее время можно лишь приблизительно. В Японии до сих пор находятся под наблюдением 365 925 человек, признанных пострадавшими от радиации (включая родившихся после взрыва). Изучение и анализ поданного в МАГАТЭ официального советского отчета может только помочь наметить программу необходимых многолетних наблюдений и набросать, насколько возможно, профилактические и лечебные мероприятия.

Гораздо больше может быть сделано в вопросе безопасности работы АЭС. Перед тем же МАГАТЭ, как и перед правительствами государств, строящих у себя атомные

* См. материал о Чернобыле „Посев” №6, 1986.

электростанции, стоит проблема выработки технологических норм, ограничивающих возможность выброса радиоактивных частиц, даже в случае крупных аварий. Изучение чернобыльской катастрофы должно привести здесь к важнейшим принципиальным и практическим выводам.

Ход катастрофы

Политбюро ЦК КПСС признало, что на Чернобыльской АЭС имело место „грубое нарушение правил эксплуатации реакторных установок“. Согласно заданному в МАГАТЭ отчету ход развития катастрофы рисуется следующим образом:

Непосредственной причиной катастрофы был эксперимент, нацеленный на исследование возможности использования энергии вращения ротора турбины для питания аварийных устройств, включая циркуляционные насосы охлаждающей воды. С этой целью установка была отключена от контура электропитания и от системы аварийного охлаждения. В отчете указано, что аналогичные эксперименты уже проводились на Чернобыльской АЭС, но в данном случае программа проведения эксперимента не была полностью подготовлена и одобрена, обслуживающий персонал не прошел соответственной подготовки, не осознавал возможной опасности и допустил отклонение от намеченной программы. Иностранцы удивляются, как это могло случиться. Мы не удивляемся. В нашей стране и не такое бывает, а виноват всегда стрелочник.

Навряд ли по собственной инициативе, но в четвертом энергоблоке 25 апреля в 13 часов обслуживающий персонал приступил к снижению мощности. В 13.05 турбогенератор при 1600 Мвт отключен от сети и заменен другим турбогенератором. В 14 часов в соответствии с программой эксперимента отключено устройство аварийного охлаждения. В 23.10 мощность снижена до 700—1000 Мвт. Отключение местной системы управления ведет к тому, что оператор не может достаточно быстро выравнять энергетический баланс турбины и мощность падает до уровня ниже 30 Мвт.

26 апреля в 1 час ночи оператору удалось стабилизировать мощность около 200 Мвт. Незначительная имеющаяся в распоряжении эксцессивная реактивность, в силу наличия ксенона, не допускает дальнейшего повыше-

ния мощности. Эксперимент тем не менее продолжается. В 1.03—1.07 подключаются два главных циркуляционных насоса, и циркуляция в системе охлаждения достигает 57000 м³/час; это влечет за собой вибрацию, образование пузырей, уменьшение количества пара, снижение давления в сепараторах и ведет к нарушениям других параметров. Операторы пытаются выравнять все это вручную. Уровень воды в сепараторах падает ниже допустимого предельного уровня. Тогда, чтобы не выключать активную зону реактора, операторы блокируют соответственное аварийное устройство. Реактивность немного снижается. В 1 час 22 с половиной минуты эксцессивная реактивность достигает значения, диктующего немедленное выключение реактора. Но эксперимент продолжается. Оператор закрывает регулировочный клапан турбогенератора. Увеличение давления пара и ряд других причин ведут к резкому повышению мощности активной зоны, и начальник смены отдает наконец приказ выключить реактор с помощью стержней регулирования. Это не удается вследствие заедания стержней.

В результате в энергоблоке происходят два взрыва, пламенный шар вырывается из активной зоны, искры переносят пожар в машинное отделение. Катастрофа налицо.

В том же отчете перечислено шесть „грубых нарушений“, приведших к беде:

— Устройство автоматического управления, регулирующего энергетический уровень реактора, не действовало. Вследствие этого реактор выдавал лишнюю энергию, что повело к дестабилизации активной зоны.

— Подключение двух дополнительных циркуляционных насосов повело к образованию в системе охлаждения пузырей, мешающих циркуляции охлаждающей жидкости.

— Устройство автоматического отключения было отключено уже перед началом эксперимента.

— Чтобы избежать нежелательного включения системы аварийного охлаждения, на время эксперимента его просто отключили.

— Чтобы не мешать эксперименту, отключены были и чувствительные элементы, указывающие давление воды и газа.

— И, наконец, самое важное: в момент начинающейся аварии в распоряжении персонала было только от шести до восьми готовых к работе стержней регулирования, в то вре-

мя как для того, чтобы справиться с аварией, их нужно было бы не меньше тридцати.

Поданный в МАГАТЭ отчет без сомнения старается обосновать советскую правительственную оценку, выразившуюся уже в июльском сообщении Политбюро: виновата ни в коем случае не техника, виноваты люди. Дословно:

„Установлено, что авария произошла из-за целого ряда допущенных работниками этой электростанции грубых нарушений правил эксплуатации реакторных установок. На четвертом энергоблоке при выводе его на плановый ремонт в ночное время проводились эксперименты, связанные с исследованием режимов работы турбогенераторов. При этом руководители и специалисты АЭС и сами не подготовились к этому эксперименту, и не согласовали его с соответствующими организациями, хотя обязаны были это сделать. Наконец, при самом проведении работ не обеспечивался должный контроль и не были приняты надлежащие меры безопасности”.

Начало международного обсуждения отчета

Именно эту позицию заняли советские представители, заместитель директора института им. Курчатова В. А. Легасов и председатель Комитета по ядерной энергетике А. Петросянц на пресс-конференции в Москве 21 августа с. г., задача которой была подготовить мировое общественное мнение к разбору поданного в МАГАТЭ отчета и создать атмосферу, в которой советской делегации было бы легче отстаивать свои утверждения.

Перед журналистами это было относительно нетрудно. Но когда 25 августа специалисты в Вене начали пятидневное обсуждение 350-страничного отчета, подготавливающего заседание дирекции МАГАТЭ 22 и 23 сентября и следующую за ним встречу на министерском уровне 24 и 25 сентября, Легасов предусмотрительно сам заговорил о конструктивных недочетах РБМК-1000, в силу которых неправильное поведение обслуживающего персонала привело к катастрофе. В передаче „Уолл-стрит джорнэл” от 26 августа 1986 г. Легасов признал, что „конструкторы Чернобыльской АЭС недостаточно позаботились о блокировании возможных ошибок обслуживающего персонала”. РБМК-1000, по его словам, снабжен несколькими предохра-

нительными устройствами, однако не так, чтобы операторы не могли отключать их, чтобы вносить самовольные изменения в процесс. Иначе говоря, в системе безопасности отсутствовали устройства, предохраняющие от неумелого или рискованного обращения. Далее Легасов доложил, что в настоящее время в СССР отключено 27 реакторов Чернобыльского типа, чтобы внести в них поправки, исключающие возможность недопустимых операций, и что это означает для советского народного хозяйства потерю примерно 10% вырабатываемой электроэнергии.

На предстоящих переговорах о международном регулировании использования ядерной энергии в мирных целях советской делегации будет нелегко. Первоначальное намерение КПСС максимально минимизировать катастрофу придется оставить. 547 ученых-специалистов из 45 стран — кворум, исключающий такую возможность, и Легасов, очевидно, это понимает.

В „Посеве” № 7/1986 в статье П. Семенова отлично изложена суть советского подхода к технологии АЭС, которую можно назвать принципом „оптимальной” (а не „максимальной”) надежности, в которую включена „цена риска”, как ее обозначил тот же Легасов в статье „Нужно ли знать меру в обеспечении безопасности” в журнале „Энергия” № 8/1984. Чтобы не повторяться, напомним только, что у Легасова было сказано очень прямо: „Подчеркнем, что экономический анализ безопасности, использующий понятие цены риска, никак не противоречит этическим нормам социалистического общества”.

Отказываться от этих норм советская власть не будет и — пусть несколько прикровенно — но ими и будет руководствоваться советская делегация во главе именно с Легасовым.

Представители капиталистических стран, со своей стороны, без сомнения будут отстаивать принятый ими при использовании ядерной энергии принцип максимальной практически достижимой безопасности (ALAPA — As Low As Practically Achievable), не считаясь с экономическими затратами.

Предстоящие в Вене и вне Вены переговоры будут в силу этого проходить в поисках компромисса между диктуемой экономическими соображениями оценкой „оптимальной” степени безопасности и требованиями безусловной защиты жизни и здоровья человека.

Результаты начинающихся в МАГАТЭ работ скажутся, вероятно, не скоро. Советской стороне, прижатой Чернобыльской катастрофой, придется, очевидно, поднять уровень „оптимальности” в обеспечении безопасности своих АЭС, хотя бы для того, чтобы не сорвать намечающийся экспорт советских реакторов в развивающиеся страны. Торговля будет идти о том, насколько ей придется поднять этот уровень, насколько советские ученые, среди которых, без сомнения, есть патриоты, с основанием опасаются повторения Чернобыля, сумеют пойти навстречу требованиям своих западных коллег и сделать „меру безопасности” наших АЭС выше, чем она была до сих пор.

Выброс радиации за пределы Советского Союза растревожил мировое общественное мнение так, что Чернобыль вот уже четыре месяца не сходит с телевизионных экранов. И зритель досадует, что ему показывают гибель оленей в Швеции и уничтожение салата в Баварии, а в сообщениях о последствиях

Чернобыльской катастрофы на советской территории ограничиваются тем, что показано в советском телевидении.

Положение советских людей еще хуже. Информация, которую им выдает КПСС, ху-досочна и недобросовестна. Неудивительно, что страна полнится слухами, зачастую невероятными, но зачастую и совершенно точными. Люди не только не информированы об уровне радиации. Киевляне еще в середине августа не знали, вернутся ли эвакуированные дети к началу учебного года. Жуже того, многим родителям до сих пор неизвестно, куда эвакуированы их дети...

„Цена риска”, на который пошла КПСС, строя лишь „оптимально” защищенные АЭС, безусловно, слишком велика. Дело конструктивных сил нашего народа, и не в последнюю очередь тех, кто прямо или косвенно будет участвовать в выработке международных норм использования „мирного атома”, максимально снизить эту цену.

● ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ

Без иллюзий

В. РЫБАКОВ

Из года в год читатель на Западе получает почти одинаковую информацию о войне в Афганистане... Паритизаны обстреляли то или иное правительственное здание в Кабуле, в той или иной провинции советские войска (официально афганские правительственные) перешли в очередное безуспешное наступление, партизаны разгромили еще одну советскую колонну и уничтожили столько-то советских военнослужащих, сами потеряв столько-то своих. Время от времени приходят сведения об уничтожении советскими карательными частями еще одного, еще сотен, тысяч афганцев.

И у западного читателя создается со временем впечатление, что война эта будет либо длиться бесконечно, либо, стабилизировавшись несколько лет назад, будет тянуться, пока советскому руководству она не надоест и оно не решит вывести свои войска из Афганистана; некоторые обозреватели даже считают Афганскую войну схожей с Вьетнам-

ской (афганцы, мол, играют роль вьетнамцев, советские войска — американцев). В целом продолжающееся сопротивление афганцев завоевателю успокаивает западное общественное мнение, создает у него иллюзию, что в конце нашего века „колониальные” войны никому не идут на пользу, в том числе тоталитарным странам.

Основная ошибка многих на Западе — считать Афганскую войну стремлением советского руководства победить афганцев военной силой. Афганская война — прежде всего операция политическая, и ее основная цель — советизация афганского населения; операция эта — дальнего прицела.

С самого начала войны задачей 40-й советской оккупационной армии был не полный разгром афганских партизанских сил, а их сдерживание, постепенное ослабление: иначе в конце 1979 года на Афганистан было бы брошено не 75.000 советских военнослужащих, а полмиллиона или больше. Советско-

му командованию было известно приблизительное количество партизан, их вооружение, методы борьбы — в общем сильные и слабые стороны как противника, так и афганских правительственных сил: незадолго до вторжения афганские партизанские соединения в очередной раз осаждали Кабул и было очевидно, что только ввод советских войск может спасти афганский коммунистический режим от гибели. Кроме того, советскому командованию было ясно, что, пока не будет закрыта афгано-пакистанская — горная — граница, не может быть и речи о быстром разгроме афганского сопротивления. Разумеется, советское командование, во всяком случае консерваторы в генштабе (а их там большинство, как в любом почти генштабе), переоценили возможности тяжелых, многочисленных, неповоротливых воинских частей вести успешно боевые действия против партизан, базирующихся в горах.

Но большие потери в живой силе и технике в течение первых трех лет войны заставили командование пересмотреть применявшуюся в Афганистане тактику, достать из архивов все материалы по изучению военных действий войск США во Вьетнаме, скопировать достижения американской тактики и вооружить ими советские войска в Афганистане. Эта тактика сводится по сути дела к одному слову: мобильность. Было резко увеличено количество броневертолетов десанта и вертолетов прикрытия, были созданы группы спецназа, снабженные самым современным и самым легким советским вооружением. Одновременно все надежды на усиление боеспособности афганской правительственной армии были оставлены и основная вспомогательная роль была поручена ХАДУ, переименованному по этому случаю в МГБ. Численность афганского МГБ была доведена до 50.000 человек, брошенных создавать разведывательную сеть не только по всему Афганистану, но и в районах Пакистана, где расположены афганские повстанческие базы и штабы. В результате сбора разведывательных данных повысилась боеспособность спецназа, участились убийства повстанческих командиров.

Стратегия же все годы оставалась прежней. Если попытаться представить себе советскую стратегическую карту Афганистана, то страну следует разделить вдоль на две части. Северная часть: советская граница — Кабул с окрестностями и полоса примерно в 100 км

на юг от столицы, была — неофициально, разумеется, — объявлена привилегированной. Это не означает, что там, в особенности вдоль стратегических трасс, не уничтожалось население, но процент уничтожавшегося там афганского населения был всегда ничтожен по сравнению с происходящим в остальной части страны. Причина проста: был приказ на территории этой зоны не проводить тотального террора. Были даны, в особенности после назначения советским руководством Бабрака Кармаля на пост генсека ЦК НДПА, директивы либерализовать на севере режим до допустимых тоталитаризмом возможностей. Был введен довольно широкий НЭП, населению была возвращена большая доля свободы вероисповедания, было сделано не так уж мало усилий, чтобы искусственно повысить в этой зоне уровень жизни населения (конечно же, за счет уровня жизни советских граждан по ту сторону границы), в особенности афганских узбеков, туркмен, киргизов. Параллельно проводилась политика ассимиляции, в частности приобщения молодежи к советскому образу жизни. Например, неподалеку от мечетей открываются кинотеатры (показывают, в основном, советские кинофильмы), танцплощадки, рестораны и т. д. И если в СССР ведется официальная борьба с алкоголизмом, то в Афганистане ведется кампания за максимальное употребление афганцами алкоголя. Следует также напомнить, что уже в 1980 году первые тысячи афганских детей возраста от 6-7 до 13-15 лет были отправлены на перевоспитание в СССР. И новые тысячи отправлялись каждый год в разные советские города (также в Чехословакию и ГДР). Можно с уверенностью утверждать, что уже в настоящее время промежуточная афганская коммунистическая номенклатура состоит по сути из полусоветских-полуафганских чиновников, которые в скором будущем будут подняты наверх иерархической лестницы.

Было бы Straussовой политикой считать все эти меры несущественными для процесса советизации страны. Афганистан до советского вторжения был одной из самых бедных и неразвитых стран мира. Кроме того, афганское население было, в особенности в городах, довольно далеким от ортодоксального мусульманства и в общем стремилось к обществу потребления. Все эти факторы облегчают процесс советизации.

Тем более что население остальной части Афганистана (провинция за провинцией) отдано во власть тотального террора, заключающегося в уничтожении определенного процента жителей: чем сильнее сопротивление партизан, тем выше процент населения, предназначенного на уничтожение. Военный тотальный террор может в принципе проводиться только коммунистическими режимами, как, например, китайским коммунистическим в Тибете или вьетнамским коммунистическим в Кампучии.

Являясь преступлением против человечества, военный тотальный террор, однако, оказывается действенным и способствует подчинению населения новой власти в довольно короткий исторический период. В Афганистане в зоне террора часть населения уничтожается, другая часть бежала и продолжает бежать в Пакистан и Иран, третья — бежит на север страны, где террора меньше.

Вероятно, и оставшейся на месте части (25%) населения придется выбирать между бегством за границу и бегством на север. Это означает, что со временем партизаны (их в общей сложности около 300.000 человек) будут отрезанными от населения: от семей, от своих родов, от своих племен.

Кроме того, афганское сопротивление своему собственному коммунистическому режиму и советской оккупационной армии так и не сумело почти за 7 лет войны объединиться, не сумело создать ни подлинно единое военное командование, ни правительство, ни единую политическую платформу. Сопротивление осталось разрозненным: до сих пор отдельные организации, группировки продолжают (вплоть до вооруженных столкновений) враждовать друг с другом по религиозным, политическим, национальным и другим менее серьезным причинам. Возможно, что это отсутствие единения не позволило ни мусульманскому миру, ни Западу оказать помощь сопротивлению в необходимых ему размерах. Но, вероятнее всего, что как мусульманскому миру, так и Западу уже в самом начале войны невозможно было представить себе афганцев, изгоняющих со своей территории войска такой сверхдержавы, как СССР. И был сделан вывод, что нужно сделать все возможное, чтобы афганское сопротивление не погибло, но что разрешить афганскую проблему возможно исключительно путем переговоров, то есть исключительно. Этим объясняется, с одной стороны,

слабое вооружение афганцев и, с другой стороны, продолжающиеся попытки всех заинтересованных стран уговорить в ООН советских руководителей вывести войска из Афганистана.

Горбачев эвакуирует шесть полков

Не удивительно, что Горбачев решил в конце концов обнадежить сторонников политического решения афганской проблемы. Во Владивостоке 28 июля 1986 года он торжественно заявил, что до конца года из Афганистана будут выведены 6 полков — 1 танковый, 2 мотопехоты и 3 зенитных. Разумеется, эвакуация этих полков, насчитывающих в общей сложности 8.000 человек, не ослабит ни в малейшей степени сражающиеся с афганцами советские войска, и это на Западе прекрасно понимают. Достаточно напомнить, что из 120.000 советских военнослужащих 40-й армии только 30.000, максимум 40.000, принимают участие в боях и карательных операциях. Основная же тяжесть войны и уничтожения населения возложена сейчас на плечи спецназа и ВВС. Поэтому заявление о выводе указанных частей (части ПВО вообще за всю войну не сделали ни одного выстрела) имеет чисто дипломатическое значение. Уловка состоит в том, чтобы подчеркнуть, что, мол, возможность политического урегулирования афганского конфликта действительно существует.

Запад отнесся в целом к заявлению Горбачева скептически (тот вряд ли и ожидал другой реакции), но мысль о том, что политическое урегулирование этого конфликта все же возможно, обрела во многих влиятельных кругах Запада дополнительную силу (на что Горбачев и рассчитывал). Подобные ходы могут дать советскому руководству — в настоящее время и в будущем — свободу действий, необходимую ему для дальнейшей советизации Афганистана. Тешить же Запад иллюзиями всегда было одним из основных приемов коммунистической власти в СССР.

У советского населения меньше иллюзий

Да и как могло быть иначе? И в начале войны, когда информации о ней почти не было, и потом, когда какая-то информация начала попадать в советские средства массовой

информации, вывод, сделанный той частью советского населения, которую интересовала Афганская война, мог быть только один (вне зависимости от отношения к этой войне): взяли еще одну страну.

Оцинкованные гробы, всевозможные слухи о войне, песни о ней — только подтверждали, что руководство не пожалеет ни средств, ни жизни для достижения цели. Последние слухи о погибших в Афганистане уже 300 тысячах советских солдат — следствие не только недостаточной информации о войне, не только недоверия населения к доступным ему средствам информации, не только усиливающегося страха за солдат и будущих солдат, но и следствие понимания сути власти и связанного с этим раздражения. То, что за последние два года советские средства массовой информации пытаются сделать Афганскую войну не только выполнением „интернационального долга“, но и выполнением „патриотического долга“, „защитой границ“ — доказывает: власть знает, что народ недоволен этой войной. Знает и стремится направить войну в более приемлемое для населения русло.

Афганская хроника

● Один из лидеров афганских освободительных сил заявил, комментируя назначение Наджиба новым генсеком афганской компартии (НДПА): „Он один из тех, кто не только руководил пытками захваченных в плен партизан, но и сам их пытал“.

● Один из руководителей афганских партизан Лала Маланг был захвачен в плен, а затем обменян на пленных советских офицеров. Лала Маланг сидел в течение 19 месяцев в знаменитой тюрьме Пули-Чархи. Он рассказал, что до сих пор в этой тюрьме сидят шесть членов коммунистического правительства, свергнутого Советской армией в декабре 1979 года. Лала Маланг сидел в камере с двумястами других заключенных. Из них за несколько месяцев было расстреляно 130 человек.

● За годы Афганской войны было отправлено в СССР на идеологическую обработку около 50 000 афганцев. Свыше 6 000 афганцев было отправлено в ГДР, Чехословакию, Болгарию и на Кубу.

● Партизанский командир Ареф, руководящий повстанцами города Кундуза, дал не так давно интервью французской газете „Либерасьон“. Ареф в частности сказал: „Можно считать, что советские войска за семь лет войны меняли свою тактику три раза. В первый период они надеялись подавить сопротивление афганцев с помощью массированных ударов пехоты и авиации. Когда эта попытка провалилась, они начали массовую засылку в ряды повстанцев агентов ХАДА. Вначале эта тактика принесла некоторые плоды, так, например, им удалось убить командира повстанцев в Мазари-Шарифе. В последнее время тактика советского командования заключается в следующем: советские военнослужащие находятся на своих базах и отходят от них на расстояние не больше нескольких километров“.

● Советские оккупационные войска в Афганистане состоят из 12 дивизий, а также из частей особого назначения (Резерв главного управления КГБ). 10 дивизий — мотопехотные, 2 — авиадесантные. Они дислоцированы следующим образом: на севере, в Кундузе и Мазари-Шарифе — 16-я дивизия, на юго-востоке, в Джелалабаде — 201-я дивизия; в Кабуле — 360-я, 225-я и 105-я дивизии; на западе от Кабула, в Газни — 275-я дивизия; на юго-западе, в Кандагаре — 357-я дивизия; на границе с Ираном, в Герате — 54-я дивизия; в Шин-Данде, между Фарахом и Гератом — 66-я дивизия; в Баграме — 103-ья и 104-я дивизии. Мотострелковая дивизия насчитывает в среднем 10 000 человек личного состава, авиадесантная — 8 000 человек.

● Афганская правительственная армия насчитывает в настоящее время около 30 000 человек, силы МГБ (ХАД) — 50 000, милиция — 18 000, полувоенные формирования — 5 000 человек.

● В 1984 году свыше 55% объема внешней торговли Афганистана взвалил себе на плечи Советский Союз. Задолженность Афганистана Советскому Союзу выросла до 3,5 миллиарда долларов.

● За почти семь лет войны в Афганистане из 17 миллионов жителей погибло около 1,5 миллиона человек.

Спасая свое главное оружие...

Перед предстоящей встречей на высшем уровне

Я. МАРКОВ

Если политика брежневского периода напоминала неподвижное загнивание на болоте, то с началом горбачевской „эры“ поднялась суета все на том же болоте (что для власти хуже; лежать в нем неподвижно, или топтаться — покажет будущее). Твердя о перестройке, о порядке, о том, что авралы, это „ошибки прошлого“, власть сама что есть мочи авралит во всех областях.

В том числе и во внешней политике — в первую очередь в отношениях с Соединенными Штатами, где Советский Союз судорожно подгоняет подготовку к очередной встрече на высшем уровне, на которой Горбачев надеется уговорить Рейгана отказаться от СОИ — Стратегической оборонной инициативы — то есть от отстройки системы обороны в космосе, доказать ему, что Советский Союз — держава мирная.

Одинадцатого июня государства Варшавского договора обратились к членам НАТО с „Программой сокращения вооруженных сил и обычных вооружений в Европе“. В дни, когда эта программа еще переписывалась набело, Горбачев совместно с Кадаром „отметили, что сейчас нет более актуальной и неотложной задачи, чем сохранение мира, обуздание гонки вооружений... предотвращение ее распространения на новые сферы“ (то есть предотвращение СОИ. — Я. М.). За несколько дней до этого Горбачев выступил в Министерстве иностранных дел на совещании дипломатических работников, учил их вежливости, говорил о „практической реализации миролюбивого курса“, о необходимости „совершенствования стиля и методов работы“.

Новым, усовершенствованно-миролюбивым стилем Горбачев заговорил уже до этого: выступая в Берлине на съезде СЕПГ и упоминая о бомбардировке Ливии американской авиацией, он не грубил и не угрожал, а лишь сожалел, что „подобные действия наносят прямой ущерб... диалогу между СССР и США“; обращаясь к „разумным людям“, он упоминал американский налет

для того, чтобы они могли, сравнивая поведение американского и советского руководства, сделать выводы: каждому, сказал Горбачев, теперь „должно быть ясно, кто действительно выступает за мир“. И отношения между США и СССР после налета не были заморожены, как ожидали многие западные эксперты. И Каддафи никакой реальной поддержки не получил — пропагандными выкриками и письмами гневных доярок ведь не подпопрешься.

В июне же состоялось совместное заседание Комиссии по иностранным делам Совета Союза и Совета Национальностей, на которой подчеркивалось, что „В целях прекращения гонки вооружений... Советский Союз за короткий срок внес целый ряд предложений“. Предложений перечислялось восемь. В первую очередь — „ликвидация ядерного вооружения до конца нынешнего столетия при недопущении создания новых ударных космических вооружений (СОИ)“.

Выступая в Варшаве на съезде ПОРП, Горбачев напомнил, что Советский Союз миролюбивая держава: он в третий раз продлил мораторий на ядерные испытания. „Казалось бы, чего еще!“ — нервно воскликнул он и, нажав на педаль, назвал разоружение „святым делом“ и даже зафальшивил о том, что вот-де миллионы людей в мире умирают с голода, а США в это время тратят средства на вооружение! (Уж его-то аудитория, руководители ПОРП, знают, что голодным в мире больше всех помогают США, в то время как СССР не делает для них ничего.)

За несколько дней до этого, 23 июня, советский посол в Вашингтоне вручил президенту Рейгану письмо от Горбачева, в котором тот снова твердит о готовности Советского Союза идти на компромиссы в вопросах разоружения. Но, надо думать, высказывает желание поговорить при личной встрече и о самом для себя главном — об отказе США от системы космической обороны.

Через несколько дней после этого стало известно, что Советский Союз предложил

„пустить в ход механизмы, подготавливающие встречу двух министров”, Шульца и Шварцнадзе (встреча была назначена на май, но отложена после налета на Ливию). Новая встреча министров назначена на сентябрь, они должны договориться о времени и программе встречи президента с генсеком (считают, что встреча будет где-то в январе 1987 года).

Так, в самые сжатые сроки следовали одно за другим обращения к США. Но даже такая спешка казалась Горбачеву недостаточной: на съезде ПОРП он высказал явное нетерпение: „увы, дело разоружения не сдвинулось ни на миллиметр”. А замминистра иностранных дел Петровский, выступая 1 июля на пресс-конференции в Москве, тоже, как о самом наболевшем, говорил: „время проходит, а Соединенные Штаты отвечают лишь, что они изучают советские предложения”.

Странная торопливость, отмечали иностранные наблюдатели, — и вспоминали, как советская сторона, так стремящаяся сегодня получить от США немедленный ответ, сама в былые времена тянула с ответами по многу месяцев, а то и буквально годы. Не иначе, как у Горбачева горит почва под ногами...

Поскольку под Рейганом почва не горела, он не особенно спешил с ответом, хотя и специально его не задерживал: письмо Горбачеву пошло 25 июля. Как сообщала американская пресса, Президент сообщил Горбачеву, что при встрече на высшем уровне намерен поднять не только вопросы о разоружении, но и о пяти очагах мирового кризиса — Камбодже, Афганистане, Эритрее, Анголе и Никарагуа. А также о нарушении в СССР прав человека и о возможностях выезда из Советского Союза. Считают, что Рейган сделал также намеки на возможность переговоров о СОВ. Американские политики-сторонники договора о разоружении считают это положительным признаком, сторонники более жесткой политики по отношению к СССР — признаком отрицательным. Что на самом деле сказано в письме, — мы не знаем.

После этого началась, как отмечает западная пресса, „повышенная активность в дипломатии сверхдержав” — поездки, переговоры.

Даже не очень сведущему наблюдателю не может не броситься в глаза страстное желание Горбачева и его приближенных как мож-

но скорее встретиться с Рейганом. Очевидно, такая новая встреча, во время которой американский президент будет обращаться с генсеком как с равным и равноправным партнером, крайне необходима Горбачеву для укрепления своего положения внутри партии, где предпринимаемые им и его „мафией” меры наталкиваются на сопротивление, вызывают недовольство и опасения в номенклатурной среде. В своем нетерпении Горбачев даже произнес фразу, которую можно понять как намек слушателям на то, что американские лидеры давно начали бы переговоры, если бы не монополии: „гонка вооружений, — сказал Горбачев, — приносит баснословно крупные барыши монополиям, военно-промышленному комплексу, и в этом одна из главных причин нагромождения новых гор оружия”.

На то, что не столько Рейган, сколько монополии виноваты в том, что разоружение еще не началось, намекала в те же дни и советская печать, сообщая одновременно, что и „люди доброй воли” в Америке не дремлют — в газетах появилось сообщение о том, что состоялся Второй съезд Коммунистической молодежи США, которая отстаивает „принципы марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, мобилизует молодежь Америки на активную защиту мира... против гнета монополий”.

В своем выступлении по советскому телевидению 18 августа Горбачев сделал еще один политический реверанс в сторону США, заявив, что Советский Союз еще раз решил продлить односторонний мораторий на ядерные испытания, и что это „на деле показывает серьезность и искренность нашей программы ядерного разоружения, наших призывов к новой политике — политике реализма, мира и сотрудничества”.

Дело тут, конечно, в политической демонстрации, а не в жертвенном отказе от ядерных испытаний. Специалисты считают, что Советскому Союзу для усовершенствования своего ядерного оружия в настоящее время испытания вовсе не нужны. Ядерное оружие испытывать, очевидно, не нужно и Соединенным Штатам. Но американцам весьма нужны атомные испытания для их новейших целей, для осуществления космической обороны, СОВ: лазерные устройства, уничтожающие межконтинентальные ракеты противника, питаются энергией, получаемой от мгновенной атомной реакции, то есть взрыва. И совет-

ские руководители при помощи политических демонстраций „доброй воли” хотят заставить американцев отказаться именно от этих испытаний.

Космическая оборона США — это вторая причина страстного желания встретиться на высшем уровне, причина на этот раз не внутривнутриполитического, а глобального порядка. Коммунистическое руководство хорошо понимает, насколько отстройка американцами СОИ опасна и для Советского Союза, и для мирового коммунистического движения в целом.

Если система космической обороны будет осуществлена так, как она задумана, — а советские руководители, судя по их поведению, верят, что она осуществима, хотя некоторые американские специалисты в этом сомневаются, — то она сделает США и их союзников практически неуязвимыми. Советские ракеты — если поступит приказ на их запуск — будут уничтожены, не долетев до цели. Обладая таким щитом, да еще имея в придачу „меч” в виде собственных ракет, Соединенные Штаты снова станут, как это было после 1945 года, неизмеримо сильнее Советского Союза. Это для коммунистических руководителей — в особенности в нынешней политической обстановке — грозная опасность.

Нет, не военная. Угроза войны еще может существовать во время отстройки СОИ, после этого она значительно уменьшится. Трудно заподозрить США в том, что они начнут военные действия первыми.

Но ведь и Советский Союз вот уже более полувека не имел намерений объявлять войну кому бы то ни было. Коммунистическая власть — хотя она агрессивна по самой своей сущности — предпочитает невоенную агрессию, она предпочитает, и умеет, заглатывать „мирный” путь. А если и военным, то чужими руками. Исключение — Афганистан, но мы уверены, что Афганская война — следствие просчета, что и там советские руководители намеревались провести „операцию” руками афганских коммунистов.

Однако для того, чтобы захватывать мирным путем, надо обладать одним весьма важным качеством: надо, чтобы вас боялись. Десятилетиями Советский Союз не без успеха прививал во всем мире страх к себе. Так, например, мы уверены, что и Хрущев вовсе не спонтанно стучал башмаком в ООН, а может быть, даже репетировал дома свою „вспыш-

ку” — чтобы перепугать всех, чтобы создавалось впечатление, что этот „психованный пахан”, обладающий атомными бомбами, способен на самые безумные и непродуманные поступки и лучше с ним не связываться. Отсюда и рождалась политика трусливого попустительства по отношению к Советскому Союзу.

Но при осуществленной космической обороне такая политика вскоре прекратилась бы, поскольку Советский Союз, потеряв возможность угрожать, перестал бы играть роль всемирного пугала. Создать же свое собственное СОИ он не может — как по экономическим причинам, так, в первую очередь, по причине технической отсталости. Власть, на знамени которой изображены предметы устаревшей техники, серп и молот, находится как бы во власти этой символики. Как показали Кыштымская и Чернобыльская катастрофы, коммунисты не могут справиться с расщепленным атомом — техника же, необходимая для осуществления СОИ, как утверждают люди знающие, гораздо более тонкая и сложная, чем техника ракет, атомных бомб и ядерных реакторов.

Итак, Горбачев и иже с ним охвачены страхом, что система космической обороны лишит их главного оружия — их перестанут бояться. Они лучше других знают, что без этого советская система недееспособна. Советский Союз, которого никто не боится, — такое, наверное, не мерещилось даже в самых страшных снах руководителям советской системы, — системы, главное скрепляющее вещество которой — страх.

Зарубежная хроника

● Помимо КНР, систему ”объединенных предприятий” (”джойнт венчур”), с привлечением иностранного капитала, теперь практикует и социалистическая Венгрия: австрийские и датские фирмы соучаствуют в постройке и оборудовании отелей на берегах озера Балатон. Инвестиции достигают 15% общей стоимости, договоры о совместной эксплуатации рассчитаны на 25 лет.

● Конгресс США одобрил предложение президента Рейгана предоставить финансовую помощь демократическому движению сопротивления в Никарагуа в размере 100 млн. долларов, поскольку режим лево-санднинистской диктатуры отклоняет проведение свободных выборов в стране.

● В Стокгольме, на Конференции по доверию, безопасности и разоружению, советская делегация выразила согласие допустить международную инспекцию военных маневров в странах Варшавского договора, но не более двух раз в год и только вне оговоренных "запретных зон" (в ГДР такие зоны занимают две трети страны). Эта промежуточная конференция государств Хельсинкского соглашения кончается 19 сентября.

● Голландские таможенники обнаружили на советском пароходе "Капитан Томпсон", пришедшем из Риги в Роттердам, 220 кг чистого героина, упакованного в ящики с изюмом. По транспортным документам, "товар" поступил в Ригу из Афганистана. Это — самая большая партия героина из захваченных в Европе.

● Чилийские власти нашли на севере страны склад оружия, где, среди прочего, оказались 73 ракетомета советского производства. По имеющимся данным, оружие доставлено советским судном в начале августа.

● Перу порвало дипломатические отношения с ГДР из-за систематических поставок восточногерманского оружия перуанским антиправительственным левым партизанам.

● Римский папа Иоанн-Павел II, находясь в Колумбии, призывает лево-партизанские движения прекратить вооруженную борьбу и участвовать в разрешении социальных проблем демократическим путем.

● 13 августа в Берлине было отмечено 25-летие "Стены позора", разрезавшей город на две части (за это время 74 человека убиты при попытке бежать через нее на Запад). В Западном Берлине состоялись демонстрации протеста. В Восточном Берлине — военный парад.

● После полугодового пребывания за границей, где она лечилась, жила у родственников, встречалась с общественными и государственными деятелями, Е. Г. Боннэр, жена академика А. Д. Сахарова, 2 июня вернулась в Москву, направляясь к мужу в ссылку в город Горький. В США она написала воспоминания, которые осенью выйдут книгой.

● В Хельсинки состоялись переговоры между советскими и израильскими дипломатами. Советская сторона ограничилась предложением установить консульские отношения и урегулировать вопрос о русском церковном имуществе в Израиле; израильтяне настаивали на полном дипломатическом признании и свободном выезде евреев из СССР.

Некоторые выводы Ливанской войны 1982 г.

А. АЛЬМОГ

Летом, в июне — июле месяцах 1983 года, посетители Тель-Авивского парка Ха-Яркон могли видеть очень интересную выставку. Выставлялось советское трофейное оружие, захваченное у террористов на территории Южного Ливана. И сама выставка, и обрамлявшая ее по времени война были настолько нетипичными в насыщенной событиями истории Ближнего Востока, что главные выводы еще предстоит сделать.

Это конвенциональное оружие, испытанное в выжженных солнцем горах и долинах Южного Ливана, и является по сути той силой, которая вот уже свыше 40 лет угрожает всему миру.

Воине предшествовало молниеносное уничтожение израильской авиацией советских зенитных ракет САМ-4 и САМ-6, неосторожно введенных Сирией на территорию Южного Ливана. Не говоря уже о военных последствиях этого уничтожения, выявилась абсолютная беспомощность данных зенитных си-

стем в борьбе с современной авиацией. Удар по зенитным ракетам, базировавшимся в Южном Ливане и на востоке страны, в долине Бекаа, был ударом по советским системам ПВО страны и ПВО армии. Электронные и инфракрасные системы помех, используемые израильтянами, показали, что любой объект, расположенный на территории СССР, по сути дела беззащитен и что Советскому Союзу надлежит самым срочным образом менять всю систему ПВО. А это требует не только гигантских денежных средств, но и поисков принципиально новых инженерных решений. Что вряд ли по силам советской военной промышленности сегодняшнего дня.

Современное вооружение, обуславливающее боеспособность армии — это не только системы ПВО, но также авиация, бронетанковые силы и, наконец, разнообразные электронные системы разведки, связи, организации боевого обеспечения и многого другого.

Воздушный бой, в котором сирийская авиация в течение 15 минут потеряла 22 своих самолета, не сбив ни одного самолета противника, был последним воздушным боем в Ливанской войне. История военной авиации подобных боев вообще не знает. Можно говорить о превосходстве израильских летчиков, о порядке отбора в летные училища, о системе учебы и тренировок. Можно говорить и о превосходстве боевых машин: действительно, лучшим истребителям сегодняшнего дня, американским Ф-16, противостояли в том бою советские самолеты минимум позавчерашнего дня — МиГ-21 и МиГ-23. Конечно, это был неравный бой.

Но почему тогда советские военные эксперты, прекрасно осведомленные о мощи израильской авиации, допустили подобный бой? Почему сирийской авиации не были поставлены современные самолеты МиГ-27 и МиГ-29, бывшие к тому времени на войсковых аэродромах советской армии? Израильские летчики прекрасно знали все особенности самолетов МиГ-21 и МиГ-23. Более того, они были готовы к встречам с МиГ-25, находившимся на сирийских аэродромах и хорошо известным на Западе после перелета в Японию В. Беленко. Но МиГ-25 не был допущен к боевым действиям.

В южноливанском небе рухнула сама концепция советской истребительной авиации. Тяжелые машины с невероятно мощными двигателями, обеспечивающими очень большую скорость и потолок полета, оказались очень не маневренными, особенно на малых скоростях и на малых высотах. Основные качества современного истребителя — это не скорость полета и даже не потолок, а маневренность и электронное обеспечение: возможность быстро обнаружить противника, направить на него ракету, скорость которой превосходит скорость любого самолета, вовремя обнаружить ракету противника и суметь от нее уйти. Подобными качествами МиГ-25 не обладает. Советские самолеты МиГ-27 и МиГ-29, по данным военной разведки, также снабжены невероятно мощными двигателями и аэродинамикой, ориентированной на очень большие скорости полета.

Советские военные эксперты, работавшие в сирийской авиации, не могли воспрепятствовать проведению воздушного боя, так как это была личная инициатива президента Асада, оно они, безусловно, не могли допустить, чтобы весь мир стал свидетелем

беспомощности советской авиационной техники. Именно поэтому МиГ-25 так и не поднялся в небо во время Ливанской войны, а советские эксперты смогли обвинить в неудачах сирийских летчиков. Именно поэтому же ни один МиГ-27 и МиГ-29 не были поставлены Сирии.

Ливанская война также показала, что не существует и не может существовать „абсолютный танк“.

Советская концепция бронетанковых сил была основана на использовании именно такого танка. Танк Т-72, лучший советский танк сегодняшнего дня, был неосторожно введен в боевые действия на восточном фронте, и в бою под Султан Якубом один из этих танков быстро был подбит израильским снарядом. Судьба этого танка неизвестна. Судя по тому, что пресс-атташе израильской армии не опроверг и не подтвердил факта захвата Т-72, можно с уверенностью сказать, что танк этот побывал в руках у израильтян. Но можно также предположить, что после требования со стороны СССР, наверняка сопряженного с угрозами, он был возвращен советской стороне. Больше ни один из танков этого типа в боевых действиях не участвовал.

Танк Т-72 — основа советской военной мощи в Европе, оказался не эффективным оружием, по крайней мере в условиях Ближнего Востока. Местный израильский танк „Меркава“, уступающий Т-72 почти по всем показателям, оказался, как ни парадоксально, значительно лучше. Большой запас горючего, обеспечивающий танку Т-72 значительную автономность, оказался не только ненужным в условиях ограниченного боевого пространства, но и зачастую крайне опасным. Высокая скорость хода, которая развивается танком на равнине, не может быть реализована в условиях резко пересеченного рельефа. Вдобавок к этому, мощный мотор быстро перегревается на малых скоростях, особенно в условиях сухого и жаркого климата Ближнего Востока.

Мощная 120 мм пушка, установленная на танке без достаточно надежной электронной системы наводки, значительно уступает по своей эффективности 100 мм пушке „Меркавы“ с электронной наводкой и специальным подкалиберным снарядом. Бронезащита Т-72, как показал тот же бой под Султан Якубом, также недостаточно надежна, особенно в условиях традиционной компанов-

ки: экипаж спереди, двигатель сзади. Более тяжелый танк „Меркава”, но со смещенным вперед, в сторону двигателя, центром тяжести, оказался значительно более маневренным в условиях резко пересеченного рельефа.

Таковы краткие военные итоги Ливанской войны. Трудно себе представить, однако, чтобы советские специалисты не знали еще до начала операций о соотношении советской военной техники и западной. Но тогда возникает законный вопрос: зачем на территории Ливана было сконцентрировано буквально астрономическое количество военной техники? В течение почти года (!) гигантские армейские грузовики, 10- и 15-тонные „Маки” ежедневно вывозили из Ливана в Израиль это вооружение. Сотни тысяч тонн. Точные данные нам неизвестны, — да это и не так важно. Важно другое: стратегические цели владельцев этих запасов.

Оперативная версия, пущенная в обращение еще со времени доставки в Израиль первых партий этого вооружения, гласит, что в Ливане была база развертывания советской воздушно-десантной дивизии в случае непосредственной угрозы существующим арабским режимам. Версия эта бытует по сегодняшний день не только на страницах симпатизирующих СССР газет и журналов, но и серьезных аналитических сборников, каковым является английский сборник по вооружению.

Версия эта чрезвычайно симптоматична и никогда не опровергалась не только по официальным, но и по неофициальным каналам. Вопрос о том, действительно ли СССР может непосредственно участвовать в военном конфликте в отрыве от своих коммуникаций, обычно не обсуждается на Западе, — но молчаливо подразумевается. Так, в последние дни войны „Судного дня” в 1974 году Советский Союз демонстративно провел по Черноморским проливам свои боевые корабли с атомным оружием на борту, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы приостановить израильское наступление на Каир, и спасти тем самым Египет от полного военного поражения. Таким образом, возможность непосредственного участия СССР в военном конфликте на Ближнем Востоке считалась достаточно реальной как социалистическим правительством Израиля, так и государственным секретарем США Киссинджером.

Вместе с тем, при более внимательном рассмотрении вопрос этот не так прост и однозначен.

Для быстрого развертывания современной воздушно-десантной дивизии необходимы прежде всего аэродромы с надлежащим аэродромным оборудованием. Не говоря уже о том, что подобные сооружения являются великолепными целями для израильской авиации, во всем Ливане имеется только один аэродром, пригодный для данных нужд — Бейрутский международный аэропорт, находящийся в Западном Бейруте, всего в 5 километрах от моря, — что делает его вдвойне уязвимым для действий израильской авиации. Не приходится говорить и о том, что переброска по воздуху больших людских масс и военной техники в условиях полного господства израильской авиации, — задача, мягко говоря, чрезвычайно сложная.

Кроме аэродромов, для переброски по воздуху воздушно-десантной дивизии необходимы склады с горючим, запасными частями и боевыми комплектами того оружия, которым эта дивизия вооружена. Ничего этого на территории Ливана и даже на территории Сирии создано не было.

Советские стратеги прекрасно отдают себе отчет в том, что непосредственная конфронтация с израильской армией в военном отношении сопряжена с большим риском, на что в Москве практически не идут никогда. В политическом же отношении дивиденды также весьма сомнительны. В советском Генеральном штабе прекрасно осведомлены, что израильская армия — это 500-тысячный (при полной мобилизации), великолепно отлаженный механизм, с самой современной техникой, с офицерским корпусом, имеющим, помимо мотивации, еще и опыт ведения современного боя в знакомых условиях. Израильская армия сегодня — это и лучшие в мире боевые летчики, располагающие как уникальным боевым опытом, так и самыми современными боевыми машинами.

Советская армия никогда не воевала в отрыве от своих коммуникаций, не считая оккупации Будапешта и Праги, — которые войной в буквальном смысле слова не назывешь. Война в Афганистане не есть война в современном смысле этого слова, а есть операции по уничтожению партизан и мирного населения.

Моральный и интеллектуальный уровни советского офицерского корпуса невысоки,

ибо корпус этот давно уже потерял элемент престижности: мало кто сегодня стремится поступить в офицерское военное училище. Нынешнее советское офицерство никогда не воевало, если не считать опять-таки позорной войны в Афганистане, которая не способствует поднятию боевого и морального уровня офицера, а разрушает их.

Поэтому можно лишь предположить, что в советском Генеральном штабе не пытаются особых иллюзий в отношении боеспособности своей армии. Другое дело планировать события и контролировать их, не допуская, однако, чтобы дело дошло до развенчания качества советского оружия, ибо оружие это не только инструмент влияния, но и товар. Товар же плохого качества на рынке не покупают, а если и покупают, то только находясь в безвыходном положении. Именно поэтому основными потребителями советского оружия остались лишь Сирия и Ливия.

Итак, что же все-таки увидели летом 1983 года посетители Тель-Авивского парка Ха-Яркон? Каким целям служили громадные запасы оружия, обнаруженные израильскими войсками на многочисленных складах на территории Южного Ливана? Характерен прежде всего сам ассортимент: легкое стрелковое вооружение и патроны к нему, ракетные установки быстрого развертывания, именуемые в народе „Катюша“, а официально называемые „Град“, и, наконец, взрывчатка. Очень много взрывчатки — от обычно-то толла до самой современной, пластиковой. Крайне незначительно количество ствольной артиллерии, в основном безоткатной, смонтированной на джипах; несколько самоходных гаубиц калибра 122 мм и... два танка. Один танк — легендарная „тридцать-четверка“ времен Второй мировой войны и один Т-54. Трудно себе, таким образом, представить, что перед нами база развертывания современной воздушно-десантной дивизии. Скорее всего весь этот арсенал предназначался для двух других целей.

Первая цель, чисто внутренняя, — обеспечение небольших, хорошо вооруженных мобильных групп, организованных на уровне взводов, реже рот и ориентированных на действия в тылу израильской армии в случае военной конфронтации между Израилем, с одной стороны, и Сирией или Иорданией, с другой.

Вторая цель несколько иного свойства. По всей вероятности, тут были открыты миру

арсеналы международного террора и международных „национально-освободительных движений“ от сальвадорских „повстанцев“ до регулярных армий Мозамбика и Анголы, ставящие своей целью уничтожение Южно-Африканской Республики. Значительно безопаснее и удобнее вести снабжение всех этих групп, движений и просто банд не из СССР или какой-нибудь из социалистических стран, а из формально независимого Ливана. Там же на многочисленных базах обучались посланцы международного террористического Интернационала, захваченные израильскими войсками и без особого шума и рекламы переданные их правительствам.

Захвачена была и группа „преподавателей“. С начала 1983 года, по крайней мере в течение полугода, специальный лагерь военнопленных возле небольшого израильского городка Афула охранялся особенно тщательно, и охрана его практически не сменялась, — случай беспрецедентный в израильской армии. По достоверным сведениям, в состав обслуживающего персонала срочно искали военнослужащего, в совершенстве владеющего русским языком. Летом 1983 года лагерь внезапно расформировали, по-видимому, уже за ненадобностью. О том, кто содержался в лагере и какова была дальнейшая судьба этих людей, можно только строить предположения. Очевидно, это и были те самые советские „преподаватели“, не успевшие, в спешке и суматохе отступления, вовремя эвакуироваться из лагерей террористов.

Тот факт, что все захваченные арсеналы вооружений находились в большинстве своем, в пределах 40-километровой зоны, и только некоторые — южнее шоссе Бейрут — Дамаск, то есть, по сути, в пределах одного тактического „рынка“ достаточно мобильной израильской армии, свидетельствует о том, что в Кремле не ожидали и не были готовы к подобному повороту событий.

Реальная значимость происходящих событий, однако, стала ясна советским стратегам уже к концу первого дня войны, ибо израильская армия стремительно продвигалась на север, захватывая на своем пути не только арсеналы, но и штабы и архивы с весьма компрометирующими Советский Союз документами, как, например, захваченный в Сидоне протокол заседания Громыко и Арафата.

Надо сказать, что и арабский мир не ожидал подобного, ибо пальцем не пошевелил, чтобы спасти от уничтожения инфраструктуру ООП.

Таковы главные итоги Ливанской войны 1982 года. Сам факт ее проведения на территории арабского государства, без предварительных дипломатических демаршей и попыток мирного урегулирования, сам факт ее начала, приведший к цепи крайне неудобных, унижительных и просто тяжелых для Советского Союза последствий, — все это не имеет прецедента не только в сравнительно короткой истории Ближнего Востока, но и во всей истории за последние шестьдесят лет, не считая, конечно, Второй мировой войны.

Кадры убывают

Произошло несколько высылки и побегов в сети иностранной разведки КГБ. 19 июня под Вашингтоном у потайного ящика арестован и позже выслан авиационный аташе советского посольства Владимир Измайлов вербовавший агентов среди служащих военно-воздушных сил США. В мае в Тунисе бежал из советского посольства офицер КГБ Олег Аграняц, направивший потом в США. 23 июня португальские власти сообщили о высылке из страны служащих советского посольства Владимира Галкина и Геннадия Чиньева, деятельность которых "нарушала интересы безопасности португальского государства". 30 июня шведские власти сообщили о высылке сотрудника советского торгпредства, который собирал "секретную информацию об определенных промышленных проектах" (имени не дано).

Никарагуа: сандинизм или демократия

А. КОВЕНСКИЙ

"Опять члены обеих партий объединились в сопротивлении тоталитарному экспансионизму, в борьбе за дело демократии. Мы можем гордиться, что наш народ поддержал борьбу за свободу Никарагуа. Сегодня их дело — это наше дело. С нашей помощью народ Никарагуа победит в своей борьбе за демократию в своей стране".

Это сказал Рональд Рейган, когда узнал, что Палата представителей американского Конгресса 25 июня 1986 г. 221 голосом против 209 проголосовала за предоставление 100 млн. долларов в качестве помощи антикоммунистическим партизанам — "контрас". Борьба в Конгрессе по этому вопросу была не менее накаленной, чем партизанские бои в самой Никарагуа; ведь не далее как в марте этого года тот же проект был отклонен 222 голосами против 210! Страх "вьетнамизации" изживается американскими демократами нелегко.

Услыхав о решении Конгресса, сутулый молодежавый Ортега — глава сандинистской хунты, потерял самообладание и, размахивая руками, во время пресс-конференции назвал Рейгана "террористом и фашистом хуже Гитлера".

Советская же помощь сандинистам не прекращалась со дня их прихода к власти. Точнее — она началась намного раньше, когда Москва поставками оружия и деньгами приручала очередное латиноамериканское революционное движение. Никарагуанская сандинистская армия сейчас самая многочисленная (45—60 тыс. человек) и лучше всего вооруженная армия в Центральной Америке. Соседние Гондурас и Коста-Рика имеют в своем распоряжении соответственно 20 и 8 тысяч солдат и национальных гвардейцев. Вопросы о поставках оружия и материальной помощи сандинистам, по-видимому, не вызывают особенно острых дебатов в Верховном совете СССР.

Манагуа в избытке располагает советской тяжелой артиллерией, реактивными минометами и скоростными, до отказа вооруженными, вертолетами МИ—24. Последней новинкой в серии поставок "братской помощи" стал разведывательный самолет Антон-30, способный проводить разведку местности с большой высоты. Сандинисты заявили, что самолет был ими заказан для

обновления и корректировки географических карт.

Конечно, "братская помощь" не ограничивается инструкторами и оружием: организация "Агромак", например, поставляет в Никарагуа сельскохозяйственную технику из СССР и других социалистических стран; пилоты сандинистских боевых вертолетов часто кубинцы; болгары и восточные немцы занимаются анализом информации и подслушивающей аппаратурой в "Direccion General de Seguridad del Estado" — "Главное управление государственной безопасности".

Менее сложной работой в сандинистском КГБ, разделенном на 16 отделов, занимается "местные товарищи" или кубинцы. Работа эта включает: контроль за перепиской и телефонными переговорами (отдел Ф—16), разгон демонстраций оппозиции (отдел Ф—8), контрразведку (отдел Ф—4), наблюдение за иностранцами (отдел Ф—2), наблюдение за сохранившимся частным сектором (отдел Ф—5) и т. д. На случай возможного американского вторжения сандинистское КГБ уже подготовило список людей, подлежащих ликвидации, в основном это — остатки легальной оппозиции. Лидер этой мини-Лубянки, Томас Борхе, в семидесятых годах прошел подготовку в лагеря палестинских террористов в Сирии и Ливане.

Работы у сандинистского ГБ в настоящее время достаточно: количество недоброжелателей и неблагонадежных в Никарагуа растет.

Положение с продовольствием — наихудшее за все семь лет нового режима. Мясо, масло, яйца и постное масло почти исчезли с прилавков столичных магазинов. Инфляция достигла 300%, пыльным цветом расцвел черный рынок. Из-за навязывания коллективного сельского хозяйства и жесткого контроля цен, который ударил по крестьянам, последние все менее заинтересованы в результатах своего труда — правительство само признает, что рабочий день в деревне кое-где сократился до трех-четырёх часов. Большая часть урожая идет напрямую на черный рынок, несмотря на суровые законы против спекуляции. Около 40% скота нелегально перегоняется и продается фермерами в соседних Гондурасе и Коста-Рике за твердую валюту. Говядину в Манагуа чаще всего можно увидеть в рабочих столовых при заводах — таким способом правительство пытается бороться с прогулами.

"Пока существует "Пренса" — есть надежда!" — говорили члены легальной оппозиции.

"Вы обвиняете нас в диктатуре? Читайте "Пренсу"! — оправдывались сандинисты. Теперь последняя оппозиционная газета страны, пережившая и сомосовскую и первые годы сандинистской диктатуры, закрыта решением хунты. Деятельность Комиссии по защите прав человека была запрещена еще раньше. Глава католической Церкви кардинал Мигуэль Обандой заявил в мае, что сейчас сандинистский режим ставит себе целью "связать и заткнуть рот" никарагуанской Церкви, на которую ныне смотрят как на последний оплот инакомыслия.

Маркс первый заговорил о "контрреволюционных" и "неисторических народах", Сталин провел первые практические опыты с "неисторическими" и "контрреволюционными" поволжскими немцами, калмыками, крымскими татарами, чеченцами, ингушами, балкарцами, карачаевцами... В сандинистской Никарагуа в независимой роли "контрреволюционного народа" оказались индейцы мискито, живущие (или — жившие?) на востоке страны. Пришедшие в их уединенные деревни агитаторы быстро убедились в том, что идеи коллективизации и социализма навряд ли привьются в индейских поселениях. Вопрос с непокорными краснокожими был решен по-сталински: тысячи мискито были насильно депортированы в специальные "лагеря для переселенцев". Мискито ответили партизанской войной.

В 1982 г. правительство решило сменить кнут на пряник и разрешить мискито вернуться. Но 25 марта 1986 г. сотни сандинистских солдат снова двинулись в населенные индейцами районы. Население более чем двадцати деревень бежало в Гондурас, многие не успели... Более четырех тысяч беженцев-мискито под прикрытием партизанской группы "Кисан" прибыло в пограничные районы вблизи гондурасской границы. "Кисан", насчитывающий около 2 тысяч бойцов, продолжает операции внутри Никарагуа.

Но основной группой сопротивления остаются партизаны ФДН — Демократического Фронта Никарагуа (около 10 тыс. бойцов), действующей в приграничной с Гондурасом полосе.

На юге, на границе с Коста-Рикой, около пяти лет воевала группа "Арде" под коман-

дованием бывшего члена сандинистской хунты Эдена Пасторы, более левонастроенного, чем ФДН. После долгих политических интриг и даже одного покушения на жизнь Пасторы, последний, окончательно разругавшись с руководством ФДН (к которому перебежали почти все его офицеры и солдаты), вместе со своими сыновьями и 60 сторонниками попросил политического убежища в Коста-Рике. Оставшиеся 3 тысячи партизан влились во вновь организованную Объединенную никарагуанскую оппозицию, в которой ФДН обладает большинством. В планы ее руководства входит создание правительства в изгнании, в которое вошли бы представители 16 оппозиционных сандинистам организаций, включая политические партии, профсоюзы и представителей индейцев-мискито.

О наличии оппозиции режиму Ортеги спорить не приходится. Вопрос только в том, смогут ли "контрас" преодолеть свои внутренние раздоры и создать единый фронт антисандинистской борьбы, опирающийся на поддержку большинства уставшего от полусоциализма и гражданской войны населения.

Недовольство в рядах ФКП

После того, как французская коммунистическая партия получила на выборах в марте месяце всего 10% голосов — самый низкий процент за 60 лет (ФКП основана в 1920 году), — рядовые ее члены требуют расследования причин поражения. В парижской "Монд" от 13 июня опубликовано открытое письмо, подписанное 3000 членов ФКП, в котором говорится, что методы действия и язык пропаганды, предписываемые руководством партии, ведут ее к гибели. "Мы требуем немедленного созыва внеочередного съезда партии, чтобы снова ввести демократический обмен мнениями о подлинных причинах этого поражения", пишут авторы письма.

Однако на состоявшемся после выборов, в мае, заседании своего ЦК руководители ФКП заявили, что не допустят внутренних изменений в партии. Тот факт, что открытое письмо членов партии опубликовано в "Монд" (СЭС: "французская вечерняя газета, рассчитана на интеллигенцию и либеральную буржуазию"), а не в "Юманите" ("ЦО Французской компартии... основана Ж. Жоресом"), есть наглядная иллюстрация к позиции руководства ФКП.

Уж не с горя ль пили добры молодцы?

Провалы КГБ в Швеции

Резидентуре КГБ при советском посольстве в Стокгольме не везет. Работники предыдущего резидента Владимира Башкирова пытались вербовать шведских офицеров, — а те докладывали об этом по начальству. В конце концов, при всем нежелании портить "добрососедские" отношения, шведам пришлось выслать нескольких советских "дипломатов в штатском". А Башкирова отозвала сама Москва.

Не повезло КГБ и с новым резидентом Владимиром Мининым, недавно прибывшим в Стокгольм с радужной надеждой остаться там на четыре года. Не успел он еще "войти в работу" под руководством Николая Сильвестрова, оперуполномоченного КГБ в Стокгольме (официальное прикрытие: советник при посольстве), как произошел казус, который обернется как для самого Минина, так и для его начальства неприятностями — средней руки или большими, покажет ближайшее будущее.

В субботу вечером 28 июня 1986 г. шведский полицейский патруль обнаружил в двадцати километрах к северо-западу от Стокгольма автомобиль "Сааб 900 Турбо" выпуска 1986 года. Полицейские обратили на него внимание не только потому, что это машина, которую могут позволить себе лишь очень состоятельные люди, но и потому, что находилась она в неполюженном месте. А именно: в придорожной канаве. В канаве же находился и хозяин автомашины — вышеупомянутый Минин. Полицейские предложили помощь, но Минин, бормоча что-то по-русски, едва держась на ногах и "дыша духами и туманами", от этой помощи отмахивался. Говоря по-простонародному, он был в доску пьян.

Во время этих шведско-советских жестякуляций к месту происшествия подъехала другая посольская машина — "Вольво 360", и находившийся в ней молодой человек стал успешно привязывать к машине Минина трос, с намерением взять ее на буксир. Но поскольку он тоже был в нетрезвом состоянии, полицейские не позволили ему ни вытаскивать машину, ни увезти Минина на

своим "Вольво"; махание же советскими дипломатическими паспортами ожидаемого впечатления на них не произвело.

Полицейские позвонили в советское посольство. Оттуда прислали трезвых и — не без некоторых приклучений — Минина и молодого дипломата, фамилии которого шведы какое-то время не сообщали, отправили в Стокгольм.

МИД Швеции заявило послу Б. Панкину протест с многозначительным намеком, что Минину не место в Швеции. Шведские газеты описали происшествие, сообщив, что Минин — резидент КГБ, поместили снимки машины с сидящим в ней "дипломатом".

Советское посольство открыло ответный огонь: Петр Кугуенко, пресс-атташе советского посольства, заявил, что налицо явная шведская провокация. Что инцидент был подстроен, поскольку все произошло подозрительно быстро: как только Минин вывернулся в канаву — сразу появилась полиция. А за полицией — никто и ахнуть не успел — тут как тут фотографы и журналисты продажных буржуазных газет. Для всех честных, стремящихся к миру людей планеты должно быть ясно, что все эти господа сидели в засаде за ближайшим кустом... Что же касается запаха, заявил Кугуенко, то запах, действительно, был. Однако не алкогольный, а ... чесночный!

В последнем позволим себе усумниться: уже и прадедам и прапрадедам нашим было доподлинно известно, что чего-чего, а чесночка нечистая сила не выносит даже в самых малых количествах. Тем более, что молодой человек, пытавшийся отбуксировать Минина, был 27-летний Владимир Геннадиевич Титов, тоже работник КГБ.

Вскоре после этого происшествия в советское посольство в Стокгольме прибыли Иван Майоров, Юрий Соколов и Евгений Рыжко. Поскольку последний руководит делами разведки в Международном отделе ЦК КПСС и "курирует" Швецию, можно не сомневаться, что эти три товарища — представители инспекции по личному составу и что им поручено разобрать дело, которое грозит обоим поглотителям чесночка большими, а может быть и очень большими неприятностями. И может быть думают сегодня и Титов, и Минин: эх, надо было прямо тут же у канавы просить политического убежища!

Интересно бы узнать, по какой причине выпывали эти товарищи. Наше предположение — с горя! Ведь для тех, кому ведать надлежит, не секрет, что В. Титов кагебист наследственный и что его отчество — Геннадиевич. Он сын генерала КГБ Геннадия Титова, того самого, который руководил Трехольтом, норвежским дипломатом и крупным советским шпионом. Шпиона-дипломата накрыли, когда он, очевидно предупрежденный об опасности, пытался бежать — и осудили на 20 лет, что по западным, а особенно скандинавским масштабам — очень много. Кроме всего прочего, нашли у Трехольта и письмо ген. Титову... А недавно з/к Трехольт должен был бежать из норвежской тюрьмы. Все было подготовлено, да выдал дружок. Крупная неудача как для шпиона, так и для его хозяев. Трехольт, узнав, что побег провалился, упал в обморок. Как реагировал ген. Титов — не знаем. Но сын его, сочувствуя папе-куратору и Трехольту, мог ведь с горя выпить и угостить товарища резидента?

Если наше предположение верно, учтут ли его Рыжко и другие члены комиссии как смягчающее вину обстоятельство?..

А. Милуц

Вниманию советских граждан, временно проживающих за границей!

НТС предлагает советским гражданам, временно проживающим за рубежом (дипломатам, торговым представителям, журналистам, инженерам, функционерам международных организаций, служащим советских учреждений, агентам КГБ или ГРУ и др.), сообщить свои домашние адреса, а также адреса тех своих знакомых, которые желают регулярно читать журнал "Посев". Их можно направлять на адрес редакции. По каждому указанному адресу время от времени будут посылаться к в а р т а л ь н ы е выпуски "Посева", а также другая литература малого формата.

Квартальный выпуск "Посева" включает в себя наиболее интересные и неустаревающие материалы из трех еженесячных номеров. Высылаться литература будет бесплатно, но мы будем благодарны за любое пожертвование, в том числе и анонимное. Ваши пожертвования пойдут на дальнейшее увеличение тиража квартального "Посева". НТС ставит целью довести тираж квартального "Посева" до нескольких десятков тысяч экземпляров, с тем, чтобы к а ж д ы й желющий советский гражданин, временно находящийся за рубежом, мог получать и читать этот журнал.

Одновременно мы призываем граждан, возвращающихся в Советский Союз, привозить в страну квартальные "Посевы", распространять их среди друзей и знакомых, а также пересказывать им наиболее ценные материалы.

Революция в военном деле и реформы в СССР

Дмитрий МИХЕЕВ

Анализируя возможные варианты реформ в Советском Союзе на страницах „Посева“ два года тому назад (№ 1, 1984), я оставил в стороне вопрос о некоторых объективных факторах, которые могут повлиять на решения советского руководства относительно экономических реформ. Сейчас четко обозначились два таких фактора: это революция в области военного дела, которая может через 20 лет радикально изменить всю стратегическую картину мира, и ускоренное экономическое развитие Китая. Оба эти явления, по-видимому, действуют в одном направлении, и советскому руководству придется с ними считаться.

Смысл революции в военном деле

Корнями эта революция уходит в открытую примерно 15 лет назад технику миниатюрных и сверхминиатюрных интегральных схем, так называемых чипсов, на основе которых стало возможно создавать миниатюрные, но мощные компьютеры. Эти компьютеры, в свою очередь, дали возможность разделять неодушевленные предметы, так сказать, „органами чувств и мышления“. В 60-х годах компьютеры были еще слишком громоздки, их можно было размещать только на самолетах, кораблях или больших грузовиках. Сами же снаряды, ракеты и бомбы оставались столь же „глупыми“, как и камни, которыми забрасывали друг друга наши пра-пра-предки. Однако уже до этого, в 50-х годах, начали появляться „полу-умные“ ракеты, которыми можно было управлять по радио. Они „понимали“ команды типа: „направо, налево, быстрее...“. Затем появились ракеты, которые отличали холодный предмет от горячего. Сейчас есть ракеты, которые „помнят, мыслят, видят и чувствуют“. На Западе их принято называть „умными камнями“. Они отличают свой самолет от чужого, бронетранспортер от легкой машины, они рассчитывают собственную траекторию и поражают цель почти с абсолютной точностью. В зависимости от дальности поле-

та и взрывной силы эти „умные камни“ можно разделить на два типа: тактические и стратегические.

Тактические „умные камни“ предназначены для уничтожения танков, кораблей, самолетов, а стратегические — для поражения больших, в основном неподвижных, целей в глубине территории противника. Уже сейчас существуют низколетящие крылатые ракеты, которые могут покрыть расстояние в 2 500 километров и поразить цель с точностью до нескольких метров. Начиненные простой взрывчаткой, они могут быть даже эффективнее баллистических ядерных боеголовок. Например, обладая абсолютной точностью, они могут, при правильном угле атаки, пробить десятиметровую толщу бетона. Таким образом возможно, что для поражения приблизительно 10 000 жизненно важных объектов противника не будет необходимости ни в применении ядерного оружия, ни в десятках миллионов обычных снарядов.

Второй элемент технологической революции — создание стратегической системы наблюдения, связи, координации и управления. Эти „органы чувств и мышления“ современной военной машины базируются на земле, в воде, в воздухе и в космосе. Данные, получаемые от локаторов, сонаров, приемников радиоизлучения, света, инфракрасных лучей, микроволн и т. д., расшифровываются, сопоставляются и координируются.

Поскольку каждая из сверхдержав действует в глобальных масштабах, эти системы охватывают весь земной шар. Системы мощных компьютеров обрабатывают огромное количество информации, создавая общую картину происходящего. Территория противника, все его базы, корабли, подводные лодки, спутники, самолеты, поезда, подвижные ракетные установки вскоре будут находиться не только под постоянным наблюдением, но и под прицелом соответствующих средств уничтожения.

Надо надеяться, что такая открытость с обеих сторон сделает внезапное нападение весьма затруднительным.

Третий элемент революции в военном деле — развитие средств борьбы с ядерными ракетами, а в более отдаленном будущем и с „умными камнями”. Борба будет вестись, видимо, с помощью кинетического и лучевого оружия, а также с помощью самих „умных камней”. Уже сейчас боевые корабли имеют защиту против как баллистических, так и крылатых ракет. Однако защищать большую территорию от ядерных ракет — совсем не то же, что защищать боевой корабль, который может сконцентрировать огромную огневую мощь и средства наблюдения.

Научиться перехватывать баллистические ракеты в полете специалисты пытались со времени их изобретения. Такому перехвату, казалось бы, должно было способствовать то, что ракета, сама по себе, предмет весьма хрупкий: начинена хрупкими приборами, взрывчаткой, имеет очень тонкую оболочку. Но защитой ей служила ее колоссальная скорость, особенно на баллистическом отрезке ее траектории. Согласно нынешним проектам, вопрос скорости может быть решен с помощью различных видов направленного излучения и сверхбыстрых ракет-убийц. Однако принципиально самый важный элемент это сверхбыстродействующие компьютеры, которыми должны быть оснащены все звенья противоракетной системы. Не только боевые станции космического базирования — сами снаряды и источники направленного излучения должны научиться видеть, узнавать цель („читать образ”), вычислять ее траекторию, быстро разворачиваться и стрелять. Баллистическая ракета более всего уязвима на бустерной стадии своего полета — пока она летит сравнительно медленно и не распалась на множество боеголовков. Поэтому идеально было бы поместить на орбиту мощный лазер, который поражал бы ракеты вскоре же после их взлета. Но для этого все компоненты такой боевой станции должны быть до предела миниатюризированы.

Гонка качества

Обобщая, можно сказать, что нынешняя стадия гонки вооружений — это гонка качества, а не количества. В основе ее лежит миниатюризация всех видов оружия, повышение его эффективности, развитие многих источников направленного излучения, разработка новых приборов, новых материалов

и т. д. Областей, где требуются форсированные научно-технические разработки, и новых видов промышленности так много, что изблбленный способ советского руководства — концентрировать усилия, ресурсы и средства на одном „самом критическом участке фронта” — в данном случае не применимо. Необходимо всестороннее развитие экономики и необходимо введение подлинных стимулов инициативы.

Характерными для советской военной техники до сих пор были массовое производство стандартных видов оружия, сравнительная дешевизна этого оружия, простота в обслуживании (что важно для стран Третьего мира) и способность Советского Союза быстро удовлетворять запросы клиентов, поскольку советское правительство не связано решениями парламента и ни перед кем не отчитывается. Поэтому, несмотря на то, что в последние годы Советский Союз посылает странам Третьего мира приблизительно четверть всего продающегося на мировом рынке оружия, оно не конкурирует непосредственно с американским и западноевропейским на международных рынках.

После Второй мировой войны

Что касается соревнований на поле боя, то советская техника всегда их проигрывала. В танковых боях американских (с израильской стороны) и советских (с египетской и сирийской сторон) танков советские танки уничтожались как минимум три к одному. Советские самолеты уничтожались американскими в соотношении восемь к одному в Египте и четырнадцать к одному во Вьетнаме. Тем не менее, проигрыш таких „второстепенных соревнований” не мог сказаться на общем военном балансе Востока и Запада до тех пор, пока отсутствие качества можно было компенсировать количеством. Новый этап гонки вооружений, однако, принципиально отличается от всех предыдущих этапов.

Прежде всевозможные технические приспособления были чем-то вроде полезного дополнения, облегчающего работу экипажа. Танк оставался танком и без кондиционера или автоматического заряжающего устройства. Однако технологические „довески” становились все „тяжелее” и сейчас „перевешивают” саму коробку. Сейчас танк без прибора ночного видения, лазерного дальности

мера, компьютера для управления стрельбой, радиолокатора, без связи и координации с системой дальнего обнаружения не может даже называться танком. Он будет подсадной уткой. Его можно будет использовать только в некоторых, исключительно благоприятных обстоятельствах.

Еще более убедительным примером является стратегическая противоракетная оборона и „умные камни”. Они, собственно, олицетворяют собой новейшую технику, и разница в качестве этого оружия — его семидесятипроцентная эффективность или девяносто девятипроцентная эффективность — означает отсутствие или наличие противоракетной обороны.

*

Советский Союз практически не конкурирует на международном рынке промышленных изделий и всегда может сводить внешнеторговый баланс за счет сырья. Советские граждане лишены возможности выразить рублем вотум недоверия советским товарам и в массе своей голосовать за импортные. И, тем не менее, Советский Союз не может избежать участия в гонке качества. В наше время — проигрыш этой гонки будет означать для него потерю обороноспособности. И советское руководство не без основания опасается, что СССР через 20 лет может оказаться буквально безоружным перед лицом Соединенных Штатов.

Опасается оно не оккупации Советского Союза и не ядерного удара. Соединенные Штаты уже несколько раз за последние 40 лет имели подавляющее преимущество и возможность им воспользоваться — однако не воспользовались даже для политического нажима.

Советское партийное руководство опасается другого: сейчас, по-видимому, впервые за всю историю человечества появляется возможность „хирургического” уничтожения самого руководства вражеской страны. Вполне возможно, что через 20 лет тактические и стратегические „умные камни”, а также установки направленного излучения, размещенные в космосе и „привязанные” к системе спутников наблюдения и наведения, смогут „держать под прицелом” все 50 000 членов высшей партийной и государственной элиты страны, все их 1 500 убежищ, все 6 000 ключевых целей страны — тем более,

что больше половины из них находится в Москве.

Сегодня советское руководство пользуется привилегией не только наиболее защищенной части советского общества, но и наиболее защищенного в мире правительства. Советские лидеры опасаются по-настоящему только своих коллег. Через 20 лет советская партийно-государственная элита может превратиться в главный и первоочередной объект нападения не только американских, но и китайских стратегических сил неядерного типа.

Идеологические факторы

Разительный, очевидный проигрыш гонки качества грозит также и идеологическими последствиями.

Ядерная дубина, которой Советский Союз потрясает вот уже почти тридцать лет, имеет для него огромное символическое и идеологическое значение. Недаром советское правительство, при всей своей подозрительности и страсти к секретности, показало на военном параде 1957 года свои первые свежеспеченные межконтинентальные ракеты, которых у него было всего дюжина-две. Благодаря этой дубине, Советскому Союзу удалось безнаказанно задушить венгерскую и чехословацкую революции, запугать Китай в 1969 году, удержать за собой Кубу, дважды предотвратить полный разгром арабов, взять измором американцев во Вьетнаме... Советский Союз заставил Соединенные Штаты признать советский стратегический паритет в 1972 году и формально закрепил за собой восточноевропейскую сферу влияния. Всего этого Советский Союз достиг, освоив всего две основных технологии — строительства ракет и ядерных взрывных устройств. Эта технология 50-х годов мало изменилась; все, чего советская научно-техническая мысль добилась с тех пор, было усовершенствование этой технологии и количественное накопление ракетно-ядерного оружия.

С тех пор в мире произошло три крупнейших события в области технологии: открытие источников направленного излучения, интегральных схем и методов создания новых материалов.

Советская стратегическая мысль, однако, продолжает оперировать категориями 30-летней давности, продолжает считать, что ракет-

но-ядерные силы олицетворяют вершину научно-технической мысли.

Основной же замысел американцев — сделать эту „вершину“ вчерашним днем военной техники.

Советский Союз, с его гипертрофией некоторых органов и совершенной неразвитостью других, напоминает некое чудище, которое, к тому же, постоянно кичится своим уродством и угрожает распространить это уродство и на других. Это чудище станет гораздо менее страшным, если у него из рук выпадет ракетно-ядерная дубина. Но если чудища перестанут бояться, то какая же судьба его ожидает?

Не забудем, что в гражданской области престиж „первой страны социализма“ уже давно тает. Советский Союз опередил США по выплавке стали, добыче нефти, производству цемента и по другому „валу“. Однако это вчерашний день экономики и на международном арене он существенной роли не играет. Куда существенней тот факт, что в области электроники Советский Союз давно обогнал не только США, Япония и Европа, но и Южная Корея, Бразилия и Тайвань. Что остается от притязаний коммунистической идеологии, если она, очевидно, неспособна обеспечить даже научно-технический прогресс, — не говоря уже о более сложных социальных или культурных задачах?

Возможности советской системы

Способна ли советская система участвовать в соревновании качества без радикальных перемен всей экономической структуры?

Советская экономическая система построена на поощрении за количество и наказании за качество. Контролировать количество можно с помощью всего нескольких показателей, в то время как качество только одного изделия определяется деликатным балансом сотен показателей. Если качество не контролируется миллионами покупателей на рынке, его надо контролировать миллионами контролеров. Однако Госплан сейчас планирует 25 000 000 основных типов продукции. Никакой контроль, кроме личной заинтересованности всех вовлеченных в производственный процесс лиц, не может даже теоретически обеспечить качество такого числа изделий.

Еще безнадежнее обстоит дело с изобретением и производством совершенно новой продукции, не созданной на Западе, когда неизвестно даже, что надо планировать и в каком количестве. Холодильник, стиральная машина, шариковая ручка... все, буквально все предметы быта, призванные облегчать жизнь человека, были созданы на Западе. Советские ученые и инженеры были несколько успешнее в изобретении некоторых видов оружия или устройств военного назначения, но даже тут они не могли наладить их массовое производство до тех пор, пока оно не было освоено на Западе.

Но отчего, спрашивается, нельзя делать хорошие копии? Ведь если закупить западную технику, то... не все ли равно, где она работает? Увы, советская система настолько по-своему органична, что она либо вообще не принимает „инородных тел“, либо заставляет их мучительно принаравливаться и... превращаться в обычную советскую технику. Вспомогательная механизация постепенно снимается, — чтобы не тормозила производство во время штурма в конце месяца. Приспособления контроля за качеством блокируются, чтобы можно было резко ускорить производственный процесс. Нагрузка резко увеличивается, а профилактика оборудования практически не проводится — только ремонт, и то, когда оборудование выходит из строя.

Технологу, перед которым стоит задача скопировать западный образец, приходится его до предела упрощать и приспособлять к другим материалам и техническим условиям. А затем эта технология пройдет еще одну радикальную перемену — на производственном этапе.

План автоматически повышается на несколько процентов в год, а автоматизация или более эффективная технология вводятся раз в 10 лет. Поэтому рабочим приходится самим изыскивать средства повышения производительности — например, цинковать не 2 часа, как сказано в технических правилах, а 20 минут — пока деталь не покроется тончайшим слоем цинка. Выигрыш времени и производительности очевиден, — но деталь начинал ржаветь уже через месяц.

Если же контроль ужесточить и заставить рабочих следовать предписаниям, которые дает технолог, они не выполнят план даже наполовину. Но в этом не заинтересован никто

Я дерзну предложить несколько аксиом:

1. Копия всегда хуже оригинала.
2. Чем сложнее изделие, тем больше копия отличается от оригинала, причем в худшую сторону.
3. Существует критическое число последовательных взаимозависимых операций, превышение которого ведет к браку. Вся цепь операций должна таким образом разбиваться на отдельные участки, число звеньев в которой не превышает критическое.
4. Надежный стык между участками цепи возможен только, если *оба* исполнителя заинтересованы в качестве.
5. Заинтересованность тем выше, чем больше разница между размером наказания и поощрения, то есть чем страшнее кнут и привлекательнее пряник.
6. Качество и творчество невозможно стиммулировать только плетью, во всяком случае на современном уровне сложности. Только тщательный и беспощадный контроль рынка и могущественный стимул свободного творчества могут обеспечивать постоянный научно-технический прогресс.

А что же Горбачев?

Новый генсек находится у власти достаточно долго. Становится все более очевидным, что он не готов проводить радикальные экономические реформы, направленные на введение рыночных отношений. Хор подхалимов и засидевшихся „молодых” карьеристов, наконец прорвавшихся к власти, убеждает его, что они могут существенно поправить дела и без опасных реформ.

По-видимому, трудно, очень трудно отречься от „силового подхода” к решению проблем. Какой мудростью надо обладать, чтобы за всеми огромными аппаратами контроля и почти неисчерпаемыми ресурсами в твоем распоряжении рассмотреть в заискивающих лицах, не выражающих ничего, кроме готовности исполнять твои указания, глубокое презрение и твердое намерение продолжать делать по-своему. Так заманчиво простое решение: поставить нужных, энергичных людей, дать им ясные указания и определенные сроки. И так психологически трудно согласиться с идеей освобождения людей там, где господствует лень, расхлябанность, отсутствие дисциплины. Призвать, припугнуть, заставить, прижать, не давать никаких послаблений, не отпускать вожжей,

иначе — анархия, распад, разложение, конец... Ведь только недруги советуют ввести анархию рыночных механизмов. Свои же советуют подтянуть, поприжать, навести порядок. А кому же верить, как не своим, как не тем, кто в одной с тобой упряжке?

Понадобится, по-видимому, несколько лет, прежде чем Горбачев осознает великую силу народной апатии, поймет, сколь наивны были его попытки рубить головы Зеленого Змия, заменять старых хапуг молодыми, тасовать колоду министерств... поймет он и то, чем грозит ему лично новая технологическая революция и бум в Китае. Ведь если до конца столетия Китай будет развиваться так, как в свое время развивались Япония и Корея, а Советский Союз будет все также „экспериментировать” с укрупнением и „усовершенствованием”, то Китай не только обгонит к концу столетия Советский Союз по валовому национальному продукту страны, но, что еще более важно, — он значительно обойдет его по производству всех тех видов продукции, которые будут определять лицо современного государства. Если внимательно читать западные газеты, то нетрудно заметить, что через Гонконг и специальные зоны Китай насыщает страну новейшей технологией. Уже через три-пять лет в Соединенных Штатах могут появиться собранные в Китае дешевые компьютеры и видеомагнитофоны. Ограничения на экспорт американской новейшей технологии в Китай также несравненно мягче, чем ограничения для Советского Союза.

В Китае уже открываются частные авиаконпании и фирмы по запуску ракет. Китайцы, как когда-то японцы, сразу же принимают стандарт самых высококачественных иностранных товаров. Иначе говоря, стандарт качества в Китае задается не плохими копиями местного производства, а самими высококачественными изделиями мирового рынка.

Если к 2000 году Китай достигнет технического уровня, на котором сегодня (по отношению к Западу) стоит Южная Корея, а по объему ВВП будет приблизительно равен Советскому Союзу, тогда советское руководство наконец, может быть, поймет, что, как бы ни был болезнен второй нэп, в нем единственное спасение страны. Что лучше поступить долей партийной власти, чем потерять все.

Документ политической конфронтации

Мы посчитали необходимым опубликовать пришедшее из страны Обращение „Движения социалистического обновления“, оценив его как свидетельство политической конфронтации с властью. Власть допустила частичное признание тяжелого положения и развала в стране, а растущее недовольство в народе пытается успокоить управляемой ею гласностью. Но по-прежнему в запретной зоне власти остается вопрос о несостоятельности самой системы. Как и прежде, обсуждение решающих проблем нашего общественного и государственного существования может происходить только в политическом самиздате и на страницах независимой печати российской оппозиции.

В последние годы в СССР появились так называемый „Новосибирский документ“ и документ о борьбе с алкоголизмом (существующий, насколько нам известно, в трех вариантах). Вероятно, существует документ о перестройке сельскохозяйственных структур, составленный Т. Заславской. Но эти документы говорят лишь об отдельных очагах болезни — экономических и социальных, и лечение их предлагают в рамках существующей системы. Публикуемое здесь Обращение „К гражданам Советского Союза“ — первый, пока, попавший на Запад программно-политический документ. В нем есть недодуманные и недоработанные места, может отталкивать и социалистическая терминология; но документ заслуживает внимания, так как в нем поставлен конечный вопрос — о недееспособности власти и об изменении системы. Обсуждение и критика поставленных в документе проблем будут способствовать оттачиванию столь необходимой нам политической мысли, рожденной в стране, независимой от власти, но и от Запада. Сами авторы высказывают в документе пожелание, чтобы он обсуждался советскими гражданами.

Подобные материалы мы публикуем согласно нашей установке: содействовать становлению политической силы, реально противостоящей власти, в сотрудничестве со всеми, кто стремится к радикальным реформам. Мы считаем необходимым поддерживать конструктивные предложения, обращенные к народу. Создадим духовного моста между силами, ведущими такое наступление в стране, и силами в российском политическом зарубежье, стоящими на тех же позициях, мы также считаем своей задачей.

К гражданам Советского Союза

Группа советских граждан, располагающих объективной информацией, провела всесторонний анализ состояния советской экономики сегодня и перспективы ее развития до 2000 года, внутривнутриполитического положения в стране и существующих тенденций на ближайшее будущее, международного положения СССР и соотношения сил на мировой арене между капитализмом и социализмом. Результаты анализа показали, что наша Родина подошла к последней черте, за которой ее ожидают непреодолимое отставание в экономическом и научно-техническом развитии от передовых промышленных стран, изменение существующего между СССР и США военного паритета в пользу США и усиление военной угрозы для нашей страны, дальнейшее ослабление международных позиций и превращение СССР во второстепенную державу, углубление противоречий между членами социалистического содружества и развал мировой социалистической системы.

Учитывая исключительную серьезность создавшегося для нашей Родины положения, эта группа решила создать „Движение социалистического обновления“ (ДСО) и в качестве первого шага довести до сведения советского народа результаты своего анализа и представить на обсуждение ряд мер политического и экономического характера, которые еще могут вывести страну из тупика и обеспечить советскому народу политические свободы и экономическое процветание.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Ленин писал, что Россия стоит пе-

ред альтернативой „либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически“.

Прошло почти 70 лет. Советскому Союзу по основным показателям не удалось ни догнать, ни тем более перегнать передовые страны. Так, величина валового национального продукта СССР составляет 50% от валового национального продукта США. Начиная с 70-х годов, резко замедлились и среднегодовые темпы роста промышленного производства в СССР (21% в первой пятилетке, 10% в 50-60-х годах, 5% в 70-х годах и 2-3% в 80-х годах). Замедление темпов роста в СССР произошло на фоне „взрывного“ увеличения промышленного производства в США (2,7 раза), странах ЕЭС (3,9 раза), Японии (23 раза). Советский Союз в своем экономическом развитии отстает от капиталистических стран на 10—15 лет, и это отставание продолжает увеличиваться. СССР находится на пути в категорию стран недостаточно развитых.

Ленин учил:

„Капитализм может быть окончательно победен и будет окончательно победен тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда“.

На 68-м году советской власти уровень производительности труда в промышленности СССР составляет около 55%, а в сельском хозяйстве — 25% от уровня США.

Говоря об экономической отсталости России, Ленин приводил в качестве примера структуру россий-

ского экспорта, в котором преобладали так называемые колониальные товары: зерно, лес, пушнина, минеральное сырье. В структуре советского экспорта 80-х годов в развитые капиталистические страны 85% стоимости экспортируемых товаров приходится на минеральное сырье, в то время как доля машин и оборудования уже на протяжении свыше 20 лет остается на уровне 2%. Из страны, экспортирующей зерно и продовольственные товары, Советский Союз превратился в их крупнейшего импортера (с 1970 г. по 1980 г. импорт зерна и продовольствия вырос в 3 раза).

Торговый баланс СССР с капиталистическими странами имеет отрицательное saldo, которое покрывается за счет западных кредитов. В настоящее время Советский Союз является одним из крупнейших должников в мире. По задолженности финансовым учреждениям капиталистических стран СССР занимает 3-е место в мире после Бразилии и Мексики (около 30 млрд. американских долларов на середину 1983 г.). При сохранении аналогичной структуры экспортно-импортного плана к 2000 году задолженность Советского Союза капиталистическим странам возрастет в 6 раз и к 2005 году страна будет вынуждена расходовать 75% экспортных поступлений только для оплаты своих внешних долгов.

Экономика — это искусство ведения хозяйства. Определяющей чертой ведения хозяйства в настоящее время является бесхозяйственность, безответственность наиболее ответственных лиц государственного аппарата за состояние народного хозяйства, отсутствие экономической заинтересованности рабочих, колхозников, служащих, технической и творческой интеллигенции, ученых в результатах своего труда.

Стране не хватает металла, в то время как коэффициент его использования по стране составляет 0,7. Иначе говоря, почти треть металла идет в отходы. В отдельных случаях они достигают 70-80%. Стране не хватает зерна, в то время как его потери при уборке и транспортировке доходят до 30%. Потери таких сельскохозяйственных продуктов, как картофель, плодоягодных культур, превышают 60%. В стране не хватает лесоматериалов, бумаги, хотя СССР занимает 1-е место в мире по лесным богатствам. Являясь одной из крупнейших нефтедобывающих стран мира, советская экономика испытывает острый недостаток нефтепродуктов.

Советский Союз занимает первое место в мире по расточительному отношению к своим невосполнимым минеральным ресурсам. За последние 10 лет только вывоз газа увеличился в 30 раз, в больших объемах вывозится сырая нефть, вывоз золота в отдельные годы доходит до 300 т в год, широко экспортируются и другие полезные ископаемые, включая стратегическое сырье.

Жизненный уровень советского народа является одним из самых низких среди промышленно развитых стран, включая страны-члены СЭВ. В США рабочий получает в среднем около 1000 рублей в месяц.

Среднемесячная заработная плата советских рабочих и служащих составляет 185 руб. в месяц, то есть в 5 раз меньше. Еще больший разрыв в заработной плате между технической и творческой интеллигенцией, военными, служащими государственного аппарата.

Низкая заработная плата усугубляется тяжелыми условиями жизни. Хроническое отсутствие основных продуктов питания (мясо, молоко, масло и др.) в ряде районов СССР, периодические перебои с этими же продуктами во многих других районах страны отрицательно отражаются на здоровье людей, особенно детского возраста, создают атмосферу нервозности и неуверенности в завтрашнем дне, отнимают много свободного, да и служебного времени для поиска продуктов питания и стояния в очередях.

Советский Союз в среднем в два раза отстает от США по производству на душу населения таких основных продуктов питания, как мясо, молочные продукты, яйца, сахар. На 68-м году советской власти в ряде районов, как и в годы войны, введено нормирование на некоторые продукты питания. В этом заключается одна из причин увеличения детской смертности.

Проблемы постоянного исчезновения то одних, то других товаров и продуктов, вечные поиски самых необходимых вещей и предметов, которые нужно „доставать“, включая мелочи быта, вынуждают советских людей ограничивать круг своих интересов постоянными поисками предметов первой необходимости, не оставляют времени и физических сил для более полного удовлетворения духовных и культурных запросов, убивают в людях человеческое достоинство.

Условия жизни сельского населения, особенно той ее части, которая не проживает в центральных усадьбах колхозов и совхозах, напоминают жизнь русского крестьянства начала XX века.

Условия жизни советских людей, где бы они ни трудились: в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в строительстве, государственном аппарате, научных организациях являются вчерашним, позавчерашним днем для развитых стран. Плохая организация труда, слабая производственная дисциплина, низкий уровень механизации и автоматизации ручных и трудоемких работ, электрификации управленческого и научного труда, нарушение правил техники безопасности и санитарных норм, систематические штурмы и авралы в конце месяца, квартала, года. плохая работа сети общественного питания — характерная черта для подавляющего числа советских предприятий и организаций.

По окончании рабочего дня с большим трудом можно попасть в театр, кинотеатр, кафе, ресторан, на спортивные площадки. Число кинотеатров в СССР на 1000 человек населения в 3-5 раз, число ресторанов, кафе — в 10-20 раз меньше, чем в развитых странах Запада.

Сфера обслуживания населения в СССР не идет ни в какое сравнение не только с капиталистическими, но и развивающимися странами. Крайне недостаточное число предприятий бытового обслуживания, продовольственных магазинов, сберегательных касс, медицинских учреждений. Длинные очереди стали неизбежным спутником жизни советских людей.

Существующая низкая заработная плата ведет к феминизации мужчин, которые не в состоянии прокормить свою семью и экономически не могут быть главой семьи со всеми негативными последствиями для семьи, воспитания детей, роли мужчин в обществе.

Неспособность мужчин содержать семью ведет к маскулинизации женщин. Маркс говорил, что прогрессивность общественного строя определяется положением в обществе прекрасного пола. Недавно в СССР было принято постановление Совета министров СССР, запрещающее использовать женщин на тяжелых работах. Для этого потребовалось 60 лет. И это постановление остается на бумаге. Женщины продолжают использоваться на тяжелых, монотонных темповых работах на заводах, фабриках, в дорожном строительстве, где не выдерживают мужчины.

Женщина в СССР вынуждена оставлять семью, детей и идти работать, так как на зарплату мужа прожить невозможно. Но работа на производстве, в учреждении не освобождает женщину от забот и работы дома, от ухода за семьей, детьми. Основная причина появления трудных детей, малолетних правонарушителей, преступников состоит в том, что дети не воспитываются в семье, они предоставлены самим себе, их воспитанием занимается улица.

Социально-политические условия способствуют процветанию таких пороков, как пьянство, алкоголизм, проституция, воровство. По использованию крепких алкогольных напитков Советский Союз прочно удерживает первое место в мире: на душу населения, включая новорожденных, в СССР приходится 11 литров водки и ликеро-водочных изделий в год, только с 1950 г. по 1984 г. потребление алкоголя возросло в СССР в 4 раза. В настоящее время Советский Союз потребляет водки в 10–15 раз больше, чем царская Россия.

В повестку дня со всей остротой встал женский алкоголизм, который растет более быстрыми темпами, чем мужской, что приводит к значительному увеличению случаев рождения неполноценных и умственно отсталых детей.

Алкоголь получил широкое распространение, глубоко проник в жизнь и быт советских людей, принял характер национального бедствия и угрожает будущему нашей страны, нашего народа.

В стране происходит стремительный распад основной ячейки советского общества — семьи. В 1913 г. на каждые 100 браков приходилось 0,44 развода, в 1965 г. — 17,94, в 1974 г. — 28,52, т. е. интенсивность распада семьи возросла по сравнению с 1965 г. на 59%, а в сравнении с 1913 г. — в 65 раз.

Социально-экономическое развитие нашей страны на современном этапе тесно увязано с ускорением научно-технического прогресса. Курс на интенсификацию производства, экономии материальных ресурсов, топлива и энергии, рациональное использование трудовых ресурсов — все эти направления могут успешно развиваться только при наиболее эффективном использовании имеющегося научно-технического потенциала.

По численности научных кадров Советский Союз занимает 1-е место в мире. Каждый четвертый ученый планеты — гражданин СССР. Число ученых в СССР удваивается каждые 7 лет и вдвое быстрее, чем в США. Советский Союз занимает первое место в мире по количеству создаваемых изобретений.

Первый спутник, первый космонавт, первая атомная электростанция. Советский Союз был одним из локомотивов научно-технического прогресса.

В середине 70-х годов в мире началась новая технологическая революция, основанная на новейших открытиях в науке и технике. Советский Союз недооценил значение новых направлений развития мировой науки и техники для народного хозяйства и усиления военного потенциала страны и, расходуя на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в 1,5–2 раза меньше, чем западные страны, стал постепенно отставать от них в развитии науки и техники. Особенно значительное отставание отмечается по таким определяющим научно-технический прогресс страны направлениям, как комплексная автоматизация и механизация производства (ручной труд только в промышленности достигает 40%), кибернетические методы управления и использования ЭВМ (стоимость используемых в США ЭВМ более чем в 8 раз превышает аналогичный показатель в СССР), электрификация, включая микропроцессорную технику и оптоэлектронику, биотехнология, атомная энергетика (мощность АЭС в СССР почти в 4 раза меньше, чем в США) и энергосберегающие технологии.

Кроме этого, негативное влияние на развитие научно-технического прогресса в СССР оказывает отсутствие в стране действенного механизма по скорейшему внедрению в народное хозяйство перспективных разработок и эффективных изобретений, а также материальной заинтересованности в их реализации. Развитие науки и техники в СССР происходит в условиях упорного сопротивления всей социально-экономической системы, которая „выталкивает“ попытки внедрения результатов научно-технического прогресса, как живой организм инородное тело.

Отставание СССР в развитии науки и техники стало хроническим, к нему привыкли, равно как и решать насущные проблемы экономического развития страны за счет импорта более передовой западной техники и технологии, включая строительство целых заводов „под ключ“, расплачиваясь при этом такими невосполнимыми национальными богатствами, как нефть, газ, руда, концентраты и другие по-

лезные ископаемые. Советский Союз живет сегодняшним днем, его руководители не думают о дне завтрашнем, не заботятся о будущем страны и его народа. „После меня хоть потоп“, — говорил Людовик XV, и придворные восхищались его „мудростью“. История повторяется в другой стране и другой исторической обстановке.

В этом году советский народ отметил знаменательную дату в своей истории — 40-летие Победы в Великой Отечественной войне. „Никто не забудет...“ — это слыше 20 млн. советских людей, отдавших свои жизни за Победу, „... ничто не забыто“ — это причины, которые привели к таким огромным людским потерям.

Анализ начального периода войны показывает, что основными причинами, поставившими Красную Армию и Советский Союз перед катастрофой, а советский народ — перед угрозой поражения, явились недооценка роли и места в современной войне авиации и механизированных соединений, практическое отсутствие в Красной Армии автоматического оружия, эффективных противотанковых средств, современных танков и самолетов, грубейший просчет высшего военно-политического руководства страны как в определении направления главного удара вооруженных сил Германии, так и в определении времени этого удара.

Советский Союз одержал всемирно-историческую Победу в Великой Отечественной войне, однако Победа советского народа могла бы быть одержана значительно меньшими людскими и материальными потерями и путь к Берлину не обязательно было начинать от Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Северного Кавказа.

Марксистско-ленинская наука определяет политику как концентрированное выражение экономики. Большой экономический организм вызывает неизбежное ослабление международных позиций страны.

Социалистический лагерь перестал быть единым и монолитным союзом братских стран. Руководящая роль Советского Союза среди социалистических стран значительно ослабла, и его авторитет находится на самом низком за всю историю советской страны уровне.

„Вечное и нерушимое“ социалистическое сотрудничество начинает разваливаться на глазах одного поколения. Социалистический лагерь покинули такие наши уже бывшие союзники, как Китай с его миллиардным населением, Югославия, Албания, КНДР. В „Троянский конь“ Запада в СЭВе и Варшавском договоре превратилась Румыния.

КПСС перестала быть признанным руководителем в мировом коммунистическом и рабочем движении, которое распалось на отдельные национальные и региональные отряды рабочего класса, не связанные между собой единым мировоззрением, общими организационно-партийными связями.

Лояльные Советскому Союзу социально-политические режимы в ГДР, Венгрии, Польше держатся

благодаря наличию на территории этих стран советских войск. Впервые в истории советского государства советские Вооруженные Силы ведут в Афганистане необъявленную и бесперспективную войну, которая не принесет славы ни Советскому Союзу, ни его Вооруженным Силам.

Серьезные неудачи потерпела советская внешняя политика в бывших зависимых и колониальных странах. Вложенные миллиардные средства в Индонезию, Египет, Алжир, Ливию, Ирак не принесли Советскому Союзу ни политических, ни экономических дивидендов.

После окончания 2-й мировой войны принципиальные разногласия между СССР и США по послевоенному политическому устройству мира и роли в нем сверхдержав привели к „холодной войне“, расколу мира на два враждебных военно-политических союза, к соперничеству между ними, распространяющемуся на все уголки земного шара, к небывалой по продолжительности, затраченным средствам гонке вооружений и огромному для мирного времени росту вооруженных сил.

Советская дипломатия не смогла предотвратить консолидацию военно-политического блока НАТО и создания на западе и востоке страны потенциальных очагов военной угрозы. Впервые за послевоенный период ряд государств открыто стал предъявлять к СССР территориальные претензии (ФРГ, Китай, Япония).

Советская внешняя политика основывается на ошибочных предпосылках о реальных причинах напряженности в мире (гонка вооружений) и преследует ложные цели (всеобщее и полное разоружение). Гонка вооружений является следствием, а не причиной международной напряженности, и для достижения целей всеобщего и полного разоружения необходимо искать пути ликвидации очагов международной напряженности, „горячих точек“ нашей планеты.

За прошедшие почти 70 лет существующая в Советском Союзе социально-политическая система не смогла добиться экономического превосходства над капиталистическими странами по уровню развития экономики, науки и техники, благосостоянию народа, гарантировать неприкосновенность государственных границ и безопасность советского народа, обеспечить подobaющий великой державе высокий международный авторитет.

За прошедшие почти 70 лет руководители советского государства неоднократно пытались поднять сельское хозяйство и обеспечить население страны необходимыми продуктами питания, а промышленность сырьем. Также неоднократно предполагалось улучшить работу промышленности и обеспечить население страны необходимыми товарами, а народное хозяйство — промышленной продукцией.

Еще на заре советской власти Ленин писал: „... Резолюций у нас накопилось столько, что их никто не только не прочтет, но и не соберет“. В последующие годы, особенно начиная с 60-х годов, поток резолю-

ций, решений и постановлений, не подкрепленных организационными мерами и выходящими за пределы экономических возможностей страны, зашел стнул советский государственный и партийный аппарат.

Так, в Программе КПСС, принятой в 1961 г., говорится, что в ближайшее десятилетие (1961–1970 гг.) Советский Союз превзойдет по производству продукции на душу населения США; всем трудящимся будет обеспечен материальный достаток; все колхозы и совхозы превратятся в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства; в основном будут удовлетворены потребности в благоустроенных жилищах; исчезнет тяжелый физический труд; СССР станет страной самого короткого рабочего дня. В итоге второго десятилетия (1970–1980 гг.) будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения; советское общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям. Таким образом, в СССР будет в основном построено коммунистическое общество. „Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!“

Только за последние 15 лет было принято свыше 30 постановлений ЦК КПСС и Совмина СССР по сельскому хозяйству, около 20 постановлений по увеличению производства товаров народного потребления и т. п. Трудно найти отрасль народного хозяйства, по которой не принимались постановления высших органов партии и исполнительной власти об улучшении работы. Однако все они остались обещаниями. Никто не был привлечен к партийной и государственной ответственности за их невыполнение. ЦК КПСС не доложил советскому народу и партии причин провала экономической политики на 20-летний период, принятый XXII съездом КПСС.

Продолжающееся ухудшение экономического положения страны и снижение жизненного уровня народа показывает, что принимаемые меры не могут подменить действие законов существующей экономической системы, которая наказывает инициативу, лишает членов социалистического общества заинтересованности в результатах своего труда, преграждает путь научно-техническому прогрессу, способствует очковитирательству, припискам, выпуску недоброкачественной, а в ряде случаев и никому не нужной продукции, искусственному созданию дефицитов и высоких, экономически не обоснованных розничных цен на товары и продукты первой необходимости, низкой производственной, трудовой и исполнительной дисциплине.

На XXVII съезде КПСС будет принята „новая редакция“ Программы КПСС на период до 2000 года, которая по экономическим показателям является огромным шагом назад в сравнении со „старой редакцией“. Она программирует дальнейшее отставание Советского Союза от передовых стран Запада

по уровню промышленного производства, жизненного уровня и производительности труда. Например, по производительности труда СССР в 2000 г. должен только сравняться в промышленности и достичь в сельском хозяйстве 50% уровня производительности труда в США в 1984 г.

Кризис экономической системы тесно переплетается с политическим кризисом, который касается таких основополагающих конституционных принципов социалистического государства, как свобода слова, печати, собраний, творчества, неприкосновенности личности, тайны переписки и телефонных переговоров, возможности свободно объединяться в общественные организации.

Углубляющийся с каждым годом политический кризис затрагивает основы социалистического государства, а не отдельные стороны его деятельности, касается фундамента здания социализма, а не той или иной его пристройки, не того или иного его этажа. И сколько бы ни завялялось о том, что все недостатки в жизни советского общества проистекают из-за отсутствия со стороны „отдельных лиц“ должной инициативы, требовательности, принципиальности, критики, самокритики и т. п., наличия „в отдельных местах, организациях“ случаев бюрократизма, волокиты, очковитирательства и т. п., несовершенства в „ряде случаев“ механизма управления хозяйством, неразвитости экономических методов, разбуждения управленческого аппарата и т. п., „излишней“ централизации или децентрализации и т. п., которые якобы никак не связаны с функционированием самого передового общественно-политического общества, никто не может указать эволюционного выхода из существующего кризиса. Более того, время для возможного выхода уже истекло.

Пока не поздно для страны и советского народа, необходимо принятие срочных и революционных по своему характеру мер по перестройке экономического фундамента здания социализма и внесения соответствующих изменений в его надстройку, которые могли бы вывести советское общество из тупиковой ситуации, сделать Советский Союз примером для других государств по уровню жизни народа, развитию промышленности, сельского хозяйства, науки и техники, гражданским свободам, вернуть высокий авторитет в мировом коммунистическом и рабочем движении и занять подобающее великой державе место в международном сообществе.

По глубокому убеждению ДСО к числу основных мер, которые необходимо предпринять в первую очередь, относятся:

1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕРЫ

1. Обеспечить свободу печати

„Уотергейтский скандал“ и отставка президента США Никсона, публикации журнала „Шпигель“ и уход с поста министра обороны ФРГ Штрауса, „дело

Локхид": отставка и суд над бывшим премьер-министром Японии Танакой, взрыв судна „Рейнбоу Уорриор“ и отставка министра обороны Франции Эрню, многие другие примеры показывают, что независимая от правительства и правящей партии пресса играет значительную роль в борьбе с коррупцией и нарушениями законности, даже если эти нарушения допускаются самими высокопоставленными государственными и политическими деятелями.

Создание независимой прессы позволит более эффективно бороться с нарушениями отдельными лицами, независимо от занимаемой должности в партии и государстве, существующих законов и норм поведения, более глубоко и всесторонне знакомить советских людей с жизнью внутри страны и за ее пределами, способствовать повышению информативности советских людей, формированию у них более объективных оценок происходящих событий и деятельности лиц государственного и партийного аппарата.

В проекте резолюции о печати Ленин писал:

„Рабочее и крестьянское государство под свободой печати понимает... предоставление каждой группе граждан, достигающей известной численности (например, 10000), равного права на пользование соответствующей долей запасов бумаги, соответственным количеством типографского труда“.

2. Прекратить преследования за политические и религиозные убеждения и обеспечить свободу слова

Существующий аппарат подавления и принимаемые по его линии меры ведут к созданию обстановки лицемерия, ханжества, беспринципности, раболепия. Советских граждан приучили жить двойной жизнью. Одна жизнь — в семье, среди друзей, где человек остается человеком со своими мыслями, идеями, мечтами, взглядами. Другая жизнь — в официальной обстановке, на собраниях, где человек вынужден быть куклой, запрограммированной официальной идеологией, которая должна говорить и действовать „как надо“ в соответствии с принятым трафаретом, повторять и развивать высказывания руководителей различного ранга, их идеи, их взгляды на все стороны человеческой деятельности от внешней политики и вопросов идеологии до ширины брюк и длины пиджака. Ответ на вопрос о причинах „неумения“ людей говорить на собраниях без „бумажки“ заключается в том, что советские люди вынуждены пересказывать чужие мысли.

В ряде случаев подавление свободы слова, печати вынуждает отдельных лиц идти на создание нелегальных и полуполигальных групп на политической или религиозной основе, в других случаях — к бегству отдельных представителей культуры, искусства, литературы и науки за рубеж и присоединяться к действующим антисоветским центрам, в третьих случаях, более тревожных и опасных для государ-

ства, — к организации вооруженных выступлений с политическими целями, как это имело место в Риге на одном из боевых кораблей Балтийского флота, или перехода на сторону противника ряда высокопоставленных сотрудников КГБ СССР.

Обеспечение свободы слова, печати оздоровит политическую обстановку в стране, укрепит морально-политическое единство советского народа, будет способствовать воспитанию советских людей в духе подлинного патриотизма и любви к своей Родине.

Без свободы слова и печати нет гласности. „Без гласности, — говорил Ленин, — смешно было бы говорить о демократизме...“

3. Обеспечить конституционные условия для возможного создания в стране альтернативных политических организаций

Действующая в стране однопартийная система была создана Лениным как политическое оформление диктатуры пролетариата для разрушения старого общественно-политического строя, подавления остатков эксплуататорских классов и построения в России нового социалистического общества. Обеспечив полную и окончательную победу социализма, диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию с точки зрения внутреннего развития и перестала быть необходимой в СССР.

В то же время государство, которое возникло как государство диктатуры пролетариата, превратилось в социалистическое общенародное государство, в политической структуре которого еще сохранилась однопартийная система как инструмент диктатуры пролетариата, исключающий плюралистическую политическую форму.

В капиталистическом обществе политическая воля господствующего класса осуществляется через буржуазный государственный механизм политической партии (союзом партий), которая в соперничестве с другими политическими партиями, включая коммунистические, выдвигает программу, наиболее соответствующую интересам своего класса на конкретном этапе исторического развития, и сможет доказать всему народу правильность своей программы в ходе выборов. Если победившая на выборах партия за время нахождения у власти не сможет выполнить данных обещаний, господствующий класс на очередных выборах окажет поддержку другой буржуазной партии.

Система сменяемости и соперничества нескольких политических партий по лучшей защите интересов господствующего класса и проведения в жизнь его политических и экономических установок способствует привлечению новых идей и новых людей к управлению государством, партий, созданию конституционного иммунитета против застоя, косности, консерватизма, бюрократизма, безответственности и бесконтрольности, злоупотребления властью и

других естественных и хронических болезней вечно правящей партии.

Создание в СССР различных политических организаций, ставящих конечной целью построение в стране социалистического общества и соревнование между ними за разработку лучшей программы действий в интересах нашего господствующего класса: рабочих, крестьян и интеллигенции, за право представлять их интересы в высших законодательных и исполнительных органах, и полная ответственность перед народом и под контролем народа (альтернативные политические организации, свобода слова, печати) за претворение в жизнь этой программы явились бы новым качественным этапом в дальнейшем совершенствовании и развитии советской демократии, фактическом и действительном вовлечении всех советских граждан в социалистическое самоуправление.

„Каждый гражданин, — писал Ленин, — должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь“.

II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ

1. Соблюдать объективно действующие экономические законы

В соответствии с марксистско-ленинским пониманием экономических процессов существуют общие для любой социально-экономической формации экономические законы, которые действуют объективно и не зависят от сознания и воли людей. Эти общие экономические законы — законы развития отношения производства, распределения, обмена и потребления так же объективны для любого способа производства, как законы математики, физики и других наук.

Отношения собственности (частная или общественная) на средства производства не отменяет действие этих законов, и их нарушение ведет к спадам и кризисам, к „пробуксовыванию“ экономического механизма и, в конечном итоге, к замедлению темпов экономического роста и отставанию в экономическом развитии. Наиболее характерными примерами игнорирования экономических законов в СССР и их подмены волевыми решениями могут служить ликвидация в стране ленинской политики государственного капитализма (НЭП) и коллективизация сельского хозяйства. За прошедшее время около 80% колхозов остаются нерентабельными, живут за счет государства (только в 1984 г. было импортировано около 50 млн. т зерна, т. е. 25% потребностей страны), а сфера услуг и производство товаров народного потребления в СССР сравнимы только с уровнем самой недоразвитой из развивающихся стран.

2. Расширить права предприятий на базе полного хозяйственного расчета

Расширение прав предприятия на базе полного хозрасчета должно осуществляться за счет децентрализации государственного планирования и управления, делегирования прав из центральных органов на места, где производятся материальные ценности. Предоставление предприятиям широкой инициативы необходимо сочетать с повышением их материальной ответственности как перед потребителями, так и перед предприятиями-смежниками. Экономическое стимулирование производственной деятельности, оплату труда рабочих и служащих следует поставить в большую зависимость от реализации произведенной продукции.

3. Предоставить возможность развития частной инициативы в сфере услуг и производства товаров народного потребления

Развитие частной инициативы по созданию отдельными гражданами (группами граждан) мелких предприятий по производству товаров народного потребления в сфере обслуживания и общественного питания, как показывает опыт НЭПа в Советской России, социалистических стран, ведет к значительному улучшению в кратчайшие сроки и без государственных капитальных вложений обслуживания населения товарами и продуктами первой необходимости, сокращению государственных расходов и созданию дополнительного источника поступления средств в государственный бюджет за счет налогообложения частника.

Еще в 1921 г. Ленин писал:

„Это (свобода развития капитализма. — Прим. авторов) нисколько не страшно для социализма, пока транспорт и крупная промышленность остаются в руках пролетариата“.

4. Разрешить советским гражданам арендовать государственные земли и сельскохозяйственную технику

Предоставить советским гражданам право арендовать государственные земли и сельскохозяйственную технику для ее обработки и расплачиваться с государством за аренду частью собранного урожая. Излишки сельскохозяйственной продукции являются собственностью арендатора и могут реализовываться через рынок.

Сравнение сельскохозяйственного производства в США и СССР показывает, что у арендаторов имеются огромные потенциальные резервы: в США средняя урожайность зерновых составляет 40 ц/га, в СССР — 15 ц/га. Кроме этого, на один центнер убранной в СССР пшеницы приходится в 7 раз больше трудозатрат, чем в США.

Система арендования земли и техники на базе полного хозрасчета за счет повышения урожайности, производительности труда и снижения трудозатрат,

а также экономической заинтересованности арендаторов в результате своего труда приведет к созданию в СССР высокопроизводительных хозяйств и обеспечит в конечном счете страну необходимой сельскохозяйственной продукцией. Не следует забывать, что Россия являлась экспортером зерновых.

5. Не препятствовать развитию личных приусадебных участков, садово-огородных, дачных кооперативов, продаже жителям городов неиспользуемых крестьянских домов

Дальнейшее развитие приусадебных участков и системы продажи их продукции через рыночную торговлю может значительно улучшить снабжение городов и сельского населения продуктами питания и привести к существенному снижению рыночных цен.

В настоящее время приусадебные участки занимают около 2% общей площади пашни страны, в то время как в этих хозяйствах — около 20% общесоюзного стада свиней, свыше 30% коров, участки дают в среднем около 30% мяса и молока, 35% овощей, 40% яиц, 60% картофеля, до 75% фруктов и овощей. При этом следует подчеркнуть, что государство в развитие участков не вкладывает никаких средств, не оплачивает труд владельцев и, в связи с отсутствием административного аппарата по руководству владельцами участков (партийные комитеты, исполкомы, РАПО и т. д.), не несет административных расходов.

6. Создать условия для развития частной торговли

Осуществление мер по активному использованию частной инициативы в интересах народа и социалистического государства невозможно без использования частной торговли, которая должна осуществлять экономическую связь между частными предприятиями, арендаторами, владельцами приусадебных участков и покупателем через рынок с его спросом и предложением. В этой связи развитие частной торговли через создание мелких торговых предприятий является экономически неизбежным для функционирования, по ленинскому определению, экономического механизма государственного капитализма.

„Товарообмен и свобода торговли означает, — писал Ленин, — неминуемо появление капиталистов и капиталистических отношений. Бояться этого нечего. Рабочее государство имеет в своих руках достаточно средств, чтобы лишь в меру допустить развитие этих отношений...”

Предлагаемая программа проведения политических и экономических преобразований является дальнейшим творческим развитием марксистско-ле-

нинского учения о государстве на базе имеющегося опыта социалистического строительства в СССР и других социалистических странах.

В политической области Программа исключает нарушения государственными и партийными органами Конституции СССР и обеспечивает гражданам СССР реальное предоставление таких конституционных прав, как свобода печати, слова, политической, творческой и религиозной деятельности, гарантирует независимость суда, подконтрольность и подотчетность правоохранительных органов перед советской властью.

Новая политическая структура позволит выделить основополагающее для социалистического государства ленинское требование о необходимости

„... разграничить гораздо точнее функции партии (и Цекое) и совласти, повысить ответственность и самостоятельность совработников и совучреждений...”

Новый политический порядок исключает возможность для случайных людей занимать высокие посты в партии и государстве, повторения таких аномалий социализма, как культ личности, волюнтаризм, силовые и волевые решения, инертность мышления и безответственность.

В экономической области Программа позволяет в ближайшие два-три года поднять в 2 раза производительность труда в промышленности, в 3 раза в сельском хозяйстве, значительно сократить импорт зерна и продовольствия, обеспечить все население страны основными продуктами питания, поднять до уровня цивилизованных стран торговлю, общественное питание и сферу обслуживания.

Принятие Программы будет способствовать освобождению огромных творческих и созидательных возможностей советских людей, советского строя, приведет к дальнейшему расцвету советской культуры, искусства, литературы, науки, значительному повышению благосостояния населения, росту экономического и военного могущества Советского Союза, сплочению и консолидации мировой социалистической системы.

„Движение социалистического обновления” призывает всех советских людей, независимо от их социального положения и партийности, возраста, пола и национальности, внимательно ознакомиться с Программой обновления социализма, принять активное участие в ее обсуждении в семье, среди друзей и знакомых, в коллективе, высказать свои замечания, предложения и в письменном виде направить их в редакции советских газет, журналов, на радио, телевидение.

„Движение социалистического обновления” выражает надежду, что советские средства массовой информации, призванные обеспечивать советским людям свободу слова, печати, выполняют свой долг перед народом и сделают все возможное, чтобы

«Наша родина подошла к последней черте...»

„...никто не может указать эволюционного выхода из существующего кризиса. Более того, время для возможного выхода уже истекло”. Эти слова из печатаемого в настоящем номере Обращения „К гражданам Советского Союза” свидетельствуют: в нашей стране существуют группы людей, понимающих, что на наших глазах происходит не только развал экономических и социальных основ партийной государственности, не только кризис коммунистических идеалов, но, прежде всего, политический кризис, затрагивающий основы социалистического государства. Иными словами авторы Обращения понимают, что кризис социализма — результат несостоятельности советской политической системы. И коль скоро так, выход из кризиса — в создании *иного государственно-го строя*.

Это понимание происходящего в стране резко отличается от оценки со стороны советского руководства, как дал ее 31 июля в Хабаровске генсек Горбачев: „...ответы на вопросы, поставленные жизнью, мы должны искать не за пределами социализма, а в рамках нашей системы”. Это понимание отличается и от основного требования правозащитного движения, выраженного лозунгом „Уважайте собственную Конституцию!” Оно приравнивается скорее к оценке Совета НТС:

„Монополия политической и хозяйственной власти в руках верхушки правящей партии, система директивной экономики препятствуют решению стоящих перед страной задач” (Резолюция „О политической активности граждан и формировании автономных общественно-политических сил” 1980 г.).

ознакомить общественность страны с Программой социалистического обновления, а советские правоохранительные органы, призванные защищать и гарантировать конституционные права граждан СССР, не будут преследовать советских граждан за их политические убеждения.

В случае публикации Программы в советской печати, руководство Движения готово выступить по Центральному телевидению с разъяснением по затронутым в Программе проблемам.

„*Движение социалистического обновления*”

21 ноября 1985 года
г. Ленинград

Осознание оппозиционной группой в Ленинграде несостоятельности советской политической системы, которая „не может указать эволюционного выхода из кризиса”, связанное с осознанием цейтнота советской власти: „время для возможного выхода уже истекло”, — говорит о возросшей политической зрелости оппозиционной мысли в стране. Отметим также важную особенность документа — авторы его обращаются не к власти, а к народу, противопоставляя его интересы в разных областях общественно-государственной жизни интересам „вечно правящей партии”.

И тут нельзя согласиться с оценкой некоторых западных советологов, считающих, что текст документа показывает, что он не содержит в себе ничего необычного, что как-либо отличало бы его от других документов самиздата такого рода („Гардиан” 22 июля и „Обсервер” 27 июля 1986 г.). Обращение перекликается только с одним (кстати, тоже ленинградским) документом — с вышедшей еще в 1969 году статьей Зорина и Алексеева „Время не ждет”.

Своеобразие, а на наш взгляд и существенное достоинство Обращения состоит не только в ярко выраженном *политическом его характере* и в содержащейся в нем программе демократизации жизни России, но и в *утверждении необходимости организационного начала*, выраженном в требовании создания „альтернативных политических организаций”, и в *призыве к действию*, направленному на осуществление права на гласность „всех советских людей” в обсуждении разных, а не только допущенных властью, политических программ и предложений.

Тут следует оговориться. Авторы документа совершенно правильно ставят вопрос о революционных преобразованиях в экономических, социальной и духовной сферах российского общества. Но они заблуждаются, — пусть условно, но допуская, будто эти преобразования можно провести только в рамках социализма, будто эти преобразования способна провести правящая ныне коммунистическая партия и будто они „вернут нашему государству высокий авторитет в мировом коммунистическом и рабочем движении”. Такая позиция противоречит требованиям преобразования и исторической оцен-

ки системы, изложенным в том же документе: будь то сознание, что колхозы надо упразднить, будь то понимание, что для „создания в стране альтернативных политических организаций” необходимы иные „конституционные условия”, будь то признание, что основные недочеты системы длятся 70 лет, то есть присущи самой созданной большевистской системе.

Мы думаем, что интересы властвующей коммунистической бюрократии не совпадают и не могут совпасть с интересами народа. И недаром партийное руководство боится выявления этого факта. Недаром, выступая перед активом Хабаровской партийной организации, Горбачев пожаловался:

„Из-за рубежа мы получаем много 'советов', как и куда нам идти дальше. Ведутся и различного рода провокационные передачи, публикуются статьи с целью бросить тень на происходящие в нашей стране перемены, вбить клин между руководством партии и народа”.

Приведем еще одно положение из Резолюции Совета НТС (1981 г.):

Куда же он движется?

А. ФЕДОСЕЕВ

Для подавляющего большинства публики очередная речь очередного вождя Горбачева на очередном партийном съезде сливается с общим фоном социалистической агитации и пропаганды в серое, бесформенное, нудное повторение давно известного и неинтересного.

А вся советская жизнь представляется большинству как сплошная трагедия и несчастье, свалившиеся на нашу голову в 1917 году, и с тех пор продолжающие коверкать нашу жизнь и наши души. И уже кажется, что нет этому несчастью ни начала, ни конца. Одна сплошная, бесформенная тоска и страдание. И нет ни желаний, ни сил всматриваться в этот серый бесконечный кошмар, чтобы попытаться разобраться, что, к чему и куда это все движется.

Между тем всмотреться все же следует. Жизнь в СССР не стоит на месте. Она движется и, главное, не туда, куда нужно социализму. Партия всегда старалась это скрыть и замаскировать партийным словоблудием. Однако шила в мешке не утаишь. Оказалось, что это движение не является просто поступательным. Оно имеет точки поворота и перелома.

„Обеспечение людей продовольствием, преодоление научно-технической отсталости, повышение производительности труда, создание достойных бытовых условий, охрана природных ресурсов страны — все это упирается в структуру власти, основанную на полном подавлении гражданских прав. Власть пытается решить все вопросы жизни директивами и насилием. Это не соответствует ни сложным формам современной общественно-хозяйственной деятельности, ни присущему природе человека стремлению к свободному развитию”.

Для нашей страны наступил переломный момент, который определит не только ее будущее, но — быть ей или не быть. Радикальные реформы и разрушение идейной, экономической и организационной монополии властвующей коммунистической партии — наиболее верный путь к ее спасению. Это понимают нарождающиеся политические силы, думающие о национально-государственных интересах страны. И Обращение „Движения социалистического обновления” — одно из веских тому доказательств.

Первый перелом и поворот

Первый поворот и перелом произошел, когда период гражданской войны и военного коммунизма завершился невероятным хаосом и полной разрухой 1919 года. Когда исчезли у вождей все надежды на то, что коммунизм (военный) автоматически и чудесным образом приведет к „светлому будущему”. Трудящиеся массы под руководством вождей в условиях гражданской войны и военного коммунизма могли заниматься, в основном, только разрушением, а не созиданием. А несмотря на уверения вождей в чудесах социализма и коммунизма, „светлое будущее” могли создать только сами трудящиеся своим собственным трудом. Никто другой за них это осуществить не в состоянии. Этому созиданию военный коммунизм совсем не способствовал. Пришлось вождям от него отказаться и начинать сначала.

Второй перелом и поворот

Нэп быстро исправил дело. „Почему-то” трудящиеся под игом эксплуататоров-нэпманов начали опять неплохо трудиться и сози-

дать вместо того, чтобы разрушать.

Затем нэп был ликвидирован и опять началась строительство социализма. Опять начались сплошные несчастья и теперь уже самые массовые истребления людей.

Захват и укрепление власти большевиков потребовали огромного числа политических убийств и террора. Однако самые грандиозные истребления и террор понадобились при систематическом строительстве социализма. Трудящиеся работали неплохо „на эксплуататоров”, а на строительство социализма либо не хотели, либо не умели. Пришлось трудящихся (инженеров, ученых, техников, рабочих, ремесленников, писателей, артистов и т. д. и т. п.) пропустить через социалистическое чистилище террора и истребить очень много их миллионов, оказавшихся или подозревавшихся в непригодности к социалистическому послушанию. Это вселило дикий ужас в остальных и принудило их работать на социализм.

Конечно, вся эта колоссальная чистка совершалась не самими вождями. Исполнителями были миллионы самих трудящихся под командой уполномоченных вождями „славных чекистов”. Кадры этих исполнителей уже существовали раньше.

Еще в ходе революции большевики сумели подкупить миллионы таких исполнителей-трудящихся приманкой вылезти из грязи в князи и иметь возможность неплохо пожить, не говоря уже о надеждах на „светлое будущее”. Это, конечно, не значит, что большевики были гениями, поворачивающими массы туда или сюда. Отнюдь нет. Просто эти самые поддавшиеся на приманку массы трудящихся всегда имели в душе этот грех желания вылезти не по заслугам из грязи в князи и пожить чужим добром...

Большевики использовали этот грех в полной мере.

После нэпа таких согрешивших масс было все еще предостаточно. Именно они и осуществили указанную выше чистку. По разным причинам было много и новых „грешников”. Словом, исполнителей у вождей хватало.

Вторая мировая война прибавила еще огромную дозу несчастий и страданий. Однако Гитлер сильно помог социализму и большевикам, и им не пришлось ни возвращаться к нэпу, ни предпринимать крутых поворотов или переломов в строительстве социализма.

Тем не менее, в среде масс трудящихся подспудно и непрерывно зрел новый перелом. Он зрел под воздействием сначала кровавых злоключений строительства социализма, а затем под воздействием шока от смены власти и официального осуждения и предыдущего вождя и проводившегося им террора. Трудящиеся во всей их массе полностью потеряли в конечном итоге и веру в вождей, и веру даже просто в лучшее будущее и полностью занялись искусством выживания в неблагоприятных условиях социализма.

В результате, рост благосостояния (с подьемами и спадами), обеспеченный трудом трудящихся под воздействием надежд на лучшее будущее и просто страха террора, пришел к концу. Ситуации не могли изменить ни репарации, полученные с Германии, ни помощь Запада. Развитие социализма достигло нового переломного периода: произошла *перемена направления развития социализма с условно положительного на безусловно отрицательное*. Хрущев оказался последним вождем, все еще искренне верившим в социализм. Смена Хрущева Брежневым совпала с этим вторым, как мне кажется, роковым в истории социализма в СССР переломом. Можно смело утверждать, что после Хрущева уже ни один вождь в социализм не верил.

Третий (нынешний) перелом

Вожди ничего не создают и не производят. Социализм может быть создан только самими трудящимися. А трудящиеся больше не хотят на социализм работать. Сила сотни миллионов их мозгов, изобретающих и осуществляющих миллионы способов выживать и работать на себя, а не на социализм, неодолима. Социализм, построенный под руководством Сталина послушными тогда миллионами трудящихся, начал теми же, но разочарованными миллионами потихоньку разрушаться. В конце брежневского периода уже ни одно постановление „партии и правительства” практически не выполнялось. Брежнев со злостью жаловался нашему министру А. И. Шокину, что его распоряжения не выполняются.

Трудящиеся, естественно, и сами начали чувствовать появление и распространение хаоса и общее ухудшение дел. Жизнь, и ранее не блестящая, становилась хуже, и трудящиеся чувствовали это на своей собственной шее. Трудящиеся жаловались на жизнь и

вспоминали твердую руку Сталина, который „умел“ заставить их всех работать. Вожди тоже вспоминали Сталина и хотели вернуть себе сталинское „умение“. Суть, однако, была не в сталинском умении, а, как и всегда и везде, в самих массах трудящихся, потерявших веру в лучшее будущее и в вождей. При Сталине были миллионы готовых добровольно исполнять приказы и, устрашая террором, заставляя и остальные миллионы работать. Да и те, которых заставляли, были тоже готовы работать и работали неплохо, надеясь на лучшее будущее, пусть и не очень „светлое“. Сейчас ни тех, ни других миллионов не стало. Подавляющее большинство населения потеряло прежний страх и все остатки желания работать на социализм, а не на себя. Вожди тоже потеряли свой прежний социалистический пыл и уверенность в себе. *В этой ситуации никакая „твердая рука“ невозможна. „Твердость“ — то эту, как и все остальное, тоже должны создавать сами трудящиеся.* Кроме того, одно дело вспоминать с одобрением „твердую руку“ Сталина, а другое — самому подвергнуться ее воздействию. Это никому не улыбается. „Сталинская твердая рука“ — дело невозвратимое.

Таким образом, после того, как социализм был при Сталине построен, почти сразу же, в конце хрущевского периода, он начал разваливаться. *В брежневский период все усилия вождей были направлены на задерживание развала. Остановить же его было невозможно.*

При Андропове уже было ясно, что социализм, как таковой, требует срочного ремонта, после которого можно было бы рассчитывать на то, что трудящиеся снова начнут работать на социализм, а не на себя.

К приходу Горбачева стало ясно, что требуется не просто срочный, но и капитальный ремонт. *Ремонт именно социализма, а не преодоления остатков капиталистического наследия.*

Суть нынешнего перелома и состоит в осознании того, что именно зрелый, реальный социализм не работает. Ситуация превосходно отражена в статье Анатолия Злобина в „Литературной газете“ от 31.7.1985 г.: „Протаким бизнес (левый. — А. Ф.) уже не скажешь: пережитки капитализма в сознании, это наши собственные нажитки, сами их создали, сами и возмись“*

* Все выделения в цитатах сделаны мною. — А. Ф.

Дальше автор дает убийственную характеристику социализму, не называя его, конечно, вытекающую из сопоставления социалистического и „левого“ труда (т. е. нормального человеческого труда, оказывающегося „левым“ только при социализме): „Признаюсь честно, я пользуюсь услугами левых бизнесменов. И между прочим, делаю это охотно. *Леваки, как правило, отменные мастера. Они не халтурят. У них в работе брака не бывает. Они работают с душой. И цены у них вполне божеские, по преysкранту“.*

Множество и других статей в советской прессе в первый горбачевский год дают не менее убийственную характеристику зрелому социализму во всех его проявлениях, но не называя его.

Эту убийственную критику завершает в своем докладе партийному съезду и сам Горбачев („Известия“, 26.2.86). По оценке Горбачева, данной им в докладе, абсолютно все в стране зрелого социализма не годится. Абсолютно все требует коренной перестройки. (Недаром весьма компетентный английский журнал „Экономист“ информирует, что по национальному доходу на душу населения СССР среди стран мира переместился с 56-го места в 1976 г. на 70-е в 1982 г. и оказался позади Ирландии, Греции, Испании, Венесуэлы и даже позади заштатного Пуэрто-Рико.)

Горбачев в своей критике перечисляет страшные болезни социализма, не называя его (правильнее было бы сказать не болезни, а свойства реального, а не воображаемого социализма): коррупция, взяточничество, кумовство, воровство государственного имущества, бюрократия, ведомственность, местничество, дефектность и системы государственного планирования и государственного управления на всех уровнях, неудовлетворительность системы образования, отсталость науки и техники, отсталая механизация и автоматизация, слишком большая доля ручного труда, недостаточность производства практически всех существенных товаров потребления, а особенно пищи и жилищ, дефицит элементарных услуг, широкое распространение алкоголизма и преступности и т. д. и т. п. По Горбачеву (фактически-то, еще хуже), нет ни одной отрасли социалистического хозяйства и жизни вообще, которая была бы в порядке.

На фоне этой уничтожающей критики социализма (без адреса) обязательное упоминание „достижений социализма“ за 68 лет совершенно не звучит.

В докладе Горбачев совершенно точно формулирует главную причину неуспеха социализма: „Что мы сами сделаем, то у нас и будет, так мы будем и жить. (Продолжительные аплодисменты.)” Он только не сказал, что при государственной собственности и государственном планировании эти самые „мы” не в состоянии проявить свой творческий, созидательный потенциал миллионов индивидуумов в миллионах индивидуальных обстоятельств, так как решают и управляют всеми делами не они, а государство.

Следует напомнить решения апрельского пленума ЦК 1985 г. (под руководством того же Горбачева). Пленум отметил (конечно, не в таких словах) полный провал идеологической работы по переделке сознания трудящихся (имеющей целью осуществление самоотверженного труда масс трудящихся на nive социализма). Более того, КПСС решила отказать от этой своей основной задачи и поручает ее решение юристам и экономистам. Пусть они изобретут такие (социалистические) экономические и законопринудительные меры, которые побудят или заставят трудящихся должным образом работать. При этом пленум отказывается от основного принципа социалистической государственности: государство — все, а личность — ничто. Пленум требует от юристов и экономистов создать такие меры, чтобы интересы государства, предприятия и отдельного трудящегося оказались бы совпадающими. (Спрашивается, какие же могут быть эти меры, если любой отдельный трудящийся, в конечном-то итоге, хочет побольше зарплаты и меньше работы, а государство и предприятие хотят получить больше работы и заплатить меньше зарплаты?) Выходит, что вождям стало по крайней мере ясно, что сознание человека не кассета магнитофона, которую можно в любой момент заменить, и что пропагандой его должным образом не переделаешь.

В своем докладе Горбачев ставит во главу угла хозрасчет и трудовую дисциплину, что делал непрерывно и с меньшей силой все вожди и до Горбачева. Спрашивается, почему на Западе эти вопросы, практически, не обсуждаются совсем, а при социализме они не сходят с повестки дня? Потому что основа хозрасчета — цены. Они же определяют реальное содержание зарплаты. А цены-то устанавливает Госкомцен произвольно, вернее, в соответствии с приоритетами государственного планирования. А зарплаты точно таким же способом устанавливает другой

комитет — Комитет по труду и зарплате. Таким образом и цены и зарплаты отражают в себе государственную экономическую политику на данный период, но не соответствуют ни потребительской ценности — цена, ни реальному трудовому вкладу — зарплата. Поэтому хозрасчет (капиталистическое понятие) при социализме невозможен. Трудовая дисциплина прямо связана со „справедливостью” зарплаты (по мнению трудящегося).

Отсутствие объективного соответствия зарплаты труду и ценам на предметы потребления при социализме, естественно, разрушает трудовую дисциплину. Настоящий хозрасчет и хорошая трудовая дисциплина невозможны без преобладания частной собственности и без свободного конкурентного рынка. И на Западе увеличение доли государственной и общественной (корпоративной) собственности и разрушение свободного рынка ростом монополий и гигантов приводит к тем же результатам: к ухудшению трудовой дисциплины и к утрате объективного соответствия между трудовым вкладом, зарплатой и ценой, т. е. к утрате возможности хозрасчета.

Для осуществления хозрасчета и хорошей трудовой дисциплины Горбачеву нужно ликвидировать социализм. Ясно, что Горбачев это делать не собирается. Вероятнее всего, он даже не догадывается о ситуации. Впрочем, кто знает?

Критика критикой, но нужно и показать, что делать. Какие цели нужно поставить перед страной. Горбачев развертывает весьма благородную и правильную программу, осуществление которой и сводится к коренной ликвидации именно тех бед, которые были предметом его вполне справедливой критики и были перечислены мною выше. По сути, вся программа сводится к одной коренной задаче — радикальному повышению производительности труда. В этом суть социалистической идеи, и Горбачев неоднократно подчеркивает свою верность принципам социализма: государственной собственности, централизованного единого государственного управления и государственного планирования. Догадывается ли он, что именно эти принципы социализма и делают его программу неосуществимой? Кто знает?

В результате, переходя к тому, как достигнуть поставленные цели, Горбачев бесильно, непоследовательно, нелогично мечется из стороны в сторону, отказываясь от четких и ясных формулировок, не в силах раз-

решить неустранимые противоречия социализма. Первые за всю историю социализма Горбачев, видимо, все же угадывает суть дела и высказывает невероятно крамольную мысль: „Практика показала несостоятельность представлений, согласно которым в социалистических условиях соответствует производственных отношений характеру производительных сил обеспечивается как бы автоматически”. Таким образом, Горбачев впервые не только в истории, но и впервые в мире, утверждает, что социализм, устранив капиталистическое противоречие, создает свое собственное. Как же это понимать? Это противоречие привело к смене феодализма на капитализм, а затем капитализма на социализм. О какой новой общественной формации, о каком новом государственном строе, который заменит собой социализм, он говорит? Этого он не объясняет. По-видимому, управители СССР во главе с Горбачевым находятся в полном теоретическом и практическом тупике. Если это высказывание Горбачева дойдет — что сомнительно — до сознания мировых социалистов и марксистов, у них должна закружиться голова.

Так или иначе, Горбачеву кажется, что он сможет вывести социализм из тупика и разрешить его коренное противоречие. Сравнительная молодость, малоопытность и большой запас энергии Горбачева представлял собой главную базу для его надежд и для надежд старой гвардии управителей, потерявшей веру не только в социализм, но и в собственные силы, не знающей, что делать. Это и объясняет взлет Горбачева, как спасителя советской власти.

Нетрудно заметить, что *речь идет не о спасении социализма, как такового, а о спасении власти управителей, которая целиком основана на социализме.* Поэтому Горбачев старается выговорить себе максимально свободу действий и агрессивно заявляет: „К сожалению, получила распространение позиция, когда в любом изменении хозяйственного механизма усматривают чуть ли не отступление от принципов социализма”. Он хочет сказать: „Если я буду предпринимать рискованные для социализма выкрутасы, не пугайтесь и не мешайте. Я ведь и сам держусь за власть. Сейчас не до жиру, быть бы живу”.

Горбачев явно отдает себе отчет, что все зависит от того, насколько трудящиеся массы ему поверят и насколько повысится их трудовая отдача. Между тем, трудящиеся

массы давно уже вождям (и в социализм не верят и работать „на дядю” не хотят. Поэтому старая гвардия во главе с Горбачевым *идет на чрезвычайную меру: принести в жертву достаточное число высших номенклатурщиков, чтобы трудящиеся массы поверили в серьезность намерений партии и правительства.* Это, — как ящерица, может оставить у вас в руках хвост, лишь бы самой освободиться.

Этим объясняется и „хождение вождей в народ”. Этим объясняются и громкие процессы над частью слишком прогнивших высших номенклатурщиков и массовая замена их на постах.

Можно без риска ошибиться сказать, что ни эти жертвы, ни „выкрутасы” помочь Горбачеву и старой гвардии не смогут: *они не устраняют этого самого противоречия между производительными силами и производственными отношениями.* При полном государственном управлении и планировании трудящиеся, если бы и захотели каким-то чудом трудиться на социализм, *они этого все равно сделать не смогут.* При государственном планировании — основе социализма — они лишены возможности реализовать свои огромные, в совокупности, творческие и создательные способности. Для этого они должны иметь возможность, которой у них нет, — самим решать в своих местных условиях и самим претворять эти решения в жизнь.

Всю совокупность „мер”, предлагаемых Горбачевым для достижения поставленных целей, можно разделить на две группы. Первая группа это меры, продолжающие „совершенствование” аппарата социализма. Главная и характернейшая из них — создание Агрпрома СССР. Идея эта очень проста: создать нечто вроде *огромного натурального хозяйства, то есть хозяйства, независимого от всех остальных, способного обеспечить себя самого всем, что нужно.* Это дальнейшее развитие систем объединений, имеющих ту же цель, но в еще много большем масштабе.

Главная беда государственного планирования, что оно не может (и это принципиально) *обеспечить взаимные поставки между предприятиями.* В результате, редкое предприятие получает вовремя, в должном количестве и качестве необходимые ему материалы и полуфабрикаты. Редкое предприятие не может не сыпаться при невыполнении плана на снабжение. *Для ликвидации такой ситуации и объединяют поставщиков с производителем под одним руководством в одну „фирму”.*

Сельское хозяйство, всегда находившееся в прорыве по причине поставок сельхозмашин, удобрений, частей и т. д. и т. п., и решено было объединить с поставщиками в колоссальный Агрпром. *Теперь, мол, сельское хозяйство само себя всем обеспечивает. Ссылаться не на кого.* Только работай. Надежды, конечно, напрасные. Все в стране взаимно связано и нет ни одной отрасли, которую можно было бы полностью изолировать от всех зависимостей. Кроме того, сам Горбачев представляет собой начальника такой „фирмы“ (СССР), которая все в себе объединяет и обеспечена всем, что нужно, для выполнения плана. А „успехи“ этой фирмы всем давно известны. Не думаю, что это Горбачеву непонятно. Но в этом и суть туловищной ситуации: приходится барахтаться.

Другая группа мер заключается в „выкрутасах“ с целью и невинность соблюсти и капитал приобрести, то есть сохранить достаточный контроль и власть над хозяйством и страной и одновременно дать хоть какую-то возможность трудящимся действовать самостоятельно, с каким-то интересом. Горбачеву ясно, что, дай полную самостоятельность — получишь много лучшие результаты, но потеряешь власть над ходом событий и тогда конец социализму. *И ясно, что уже нельзя будет вернуться, как это было можно Сталину.* Для Сталина это сделали тогда миллионы его помощников, которых сейчас нет. *Хорошо ГДР, Польше, Венгрии развлекаться нэпом под защитой мощи СССР. У СССР этого защитника нет, и положение его исключительно трудное.* Поэтому и „выкрутасы“.

Горбачев продолжает в этом плане превращение промышленных предприятий в нечто, подобное колхозам. Платить предприятиям за конечную продукцию: наработал больше — получи больше, а как будут распределяться эти доходы среди работников (вместо обычной зарплаты) — дело самого предприятия. *Это может быть и шагом к передаче предприятия „на откуп“ его работникам. Беда опять в потере государственного контроля и, конечно, в тех же проблемах снабжения.* Вы чувствуете, как система социализма сопротивляется любым разумным мерам: социализм и разумная человеческая деятельность несовместимы.

Все нэповские меры в докладе Горбачева представлены довольно туманно. „Литературная газета“ от 5 марта 1986 г. дает один

пример. Сапожная мастерская в эстонском городе Пайда. *Четыре сапожника в ней были превращены в „частников“, „конкурирующих“ между собой.* Потребитель может выбирать, к кому из них обратиться. Раньше сапожник за выполнение плана на 280 рублей получал зарплату 140 рублей. Теперь он обязан сдать в кассу 200 рублей, а всю остальную выручку (если она есть) оставить себе вместо зарплаты. Помещение, освещение, инструменты, материалы (средства производства) остаются государственными. Приемщицы заказов не стало, сократилась отчетность. *А если мастерская не обеспечит сапожников кожей, дратвой, ножами, — что им делать?* Это ведь часто происходит. Покупать на черном рынке за свои деньги или оставаться без заработка? Уйти из мастерской на другую работу? Опять социализм всему препятствие.

Трудная, по сути безнадежная, задача у Горбачева. Что бы вы ему посоветовали?

Из стихов Н. С. Гумилева

СЛОВО

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелие от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Задача дня – совместная борьба

В 1984 году независимый польский ежемесячник „Бюллетень Дольносленский” опубликовал полеченное им от группы членов НТС „Открытое письмо к польским друзьям” следующего содержания.

„Мы, члены российской политической организации НТС (Народно-Трудовой Союз российских солидаристов), хотели бы выразить благодарность тем польским оппозиционерам — и прежде всего членам „Солидарности” — которые помогают нам в создании внутривосточной политической оппозиции, в распространении информации среди граждан СССР. Благодарим за это Корнелия Моравецкого, редактора „Бюллетеня Дольносленского”, который в 1981 г. перепечатал и распространил листовку НТС к советским военнослужащим и теперь как руководитель „Борющейся Солидарности” составил свое обращение, распространяемое (в том числе и нами) среди русских. Благодарим за перепечатку и распространение наших листовок и материалов журнала „Посев” — самиздатские польские издания „Бюллетень Лодзьский”, журналы „Спотканья”, „Обуз”, орган „Солидарности” в Слупске и другие, не известные нам. Благодарим члена „Солидарности” Анджея Поморского (Варшава), издавшего в сотрудничестве с НТС и издательством „Посев” сборник „Солидарность” — о рабочем движении в Польше и о рабочем движении в России.

Обращаясь к нашим друзьям и единомышленникам в Польше с этим открытым письмом, мы хотели бы вынести на обсуждение в польском самиздате несколько вопросов, важных, по нашему мнению, для дальнейшего развития сотрудничества между русскими и поляками.

1. Возможна ли победа над коммунистическим режимом в одной, отдельно взятой стране, например, в Польше, без победы над этим режимом в России? Если да, то каковы возможные сценарии такого развития событий? Если нет, то какова должна быть тактика и стратегия сегодняшней борьбы поляков?

2. В чем основные трудности, которые нужно устранить для развития такого сотрудничества? Насколько серьезным препятствием является исторический груз прошлого; насколько сегодня сказывается недостаточная информация друг о друге, об освободительных процессах в наших странах?

3. Мы хотели бы услышать от польских друзей конкретные примеры и направления развития дальнейшего сотрудничества между нами.

4. Одной из важных проблем для российской оппозиции сегодня является разработка альтернатив существующему режиму в различных областях общественно-политического устройства России. Судя по многим материалам „Солидарности”, политическое мышление значительной части польской оппозиции лежит в том же идейно-политическом русле, что и мышление НТС. Это — солидаризм, христианское социальное учение. Мы были бы очень заинтересованы в обмене мнениями о путях построения по-

слекоммунистического будущего наших стран. С нашими предложениями и дискуссией по ним можно ознакомиться в журнале „Посев”, выходящем во Франкфурте-на-Майне, есть и специальные издания на отдельные темы.

Мы надеемся, что сможем получить от многих польских оппозиционеров ответы на эти вопросы и напечатать их в журнале „Посев”.

За вашу и нашу свободу!”

Как видно из его содержания, письмо касается вопросов сегодняшнего дня — то есть периода, труднейшего как в истории польского, так и нашего народов, периода, когда решается вопрос, быть ли нам свободными или продолжать прозябание под коммунистическим игмом.

В номере 1/59 за январь 1985 года „Бюллетень Дольносленский” в рубрике „Какой мир” опубликовал статью Яромира Билета „Какая Россия?”, отвечающего на письмо членов НТС. К сожалению, мы получаем польскую неподцензурную печать иногда с большим запазданием. Но не только это причина задержки публикации статьи Я. Билета. Во-первых, группа НТС обращалась к польским друзьям... Ответ же Я. Билета (хотя редакция бюллетеня от него отмежевывалась) мог у одних вызвать ироническую улыбку, а у других и более резкую реакцию — например, у членов НТС, попавших во время прошлой войны за свою политическую работу среди соотечественников в немецкие тюрьмы и лагеря и слышавших от следователей гестапо высказывания о России, к великому сожалению, схожие с некоторыми мыслями Я. Билета. И та, и другая реакции были бы прямо противоположны тому, чего мы добиваемся: мы стремимся к добрососедским отношениям с польским народом, а тем более с польской „Солидарностью”, поскольку называем себя солидаристами вот уже полстолетия. Мы стремимся еще больше развить совместную борьбу против тех, кто поработает Россию так же, как Польшу: никто нас не освободит, если мы не освободимся сами.

Статья Я. Билета поставила нас в трудное положение: любой ответ на нее был бы не тем, чего мы хотим уже потому, что автором его был бы русский. Мы же больше всего хотели показать нашим читателям, что вовсе не все поляки думают так, как Я. Билет. Следовательно, ему должен был бы отвечать поляк. И к нашей радости, — и без какой бы то ни было инициативы с нашей стороны — это желание исполнилось. В выходящем за рубежом польском журнале „Помост” появился ответ Я. Билету. Автор его — Э. Рураж, посол Польской Народной Республики в Японии, оставшийся на Западе. Его статья говорит сама за себя, и мы, публикуя статью Я. Билета и редакционное примечание к ней „Бюллетеня Дольносленского”, перепечатываем — с удовольствием и благодарностью — также и статью Э. Руража.

КАКОЙ МИР?

Я. БИЛЕТ

*Из неподцензурного ежемесечника
„Бюллетень Дольносенский”
№ 1/59 за январь 1985 г.*

В открытом письме к польским друзьям („БД” 454 за 1984 г.) редакция зарубежного журнала „Посев” обращается к польским читателям с вопросами, ответы на которые, с ее точки зрения, важны для дальнейшего сотрудничества оппозиционных движений Польши и СССР. Особенно важен второй вопрос, самая существенная часть которого гласит:

„В чем основные трудности, которые нужно устранить для развития такого сотрудничества? Насколько серьезным препятствием является исторический груз прошлого?”

Хорошо, что этот вопрос поставлен и так открыто сформулирован. Постараюсь столь же открыто на него ответить.

Действительно, нас — русских и поляков — разделяет громадная стена предрасудков, образовавшихся в результате нескольких сотен лет трагических событий, которыми богата история польско-русских отношений, в особенности новейшая (Вторая мировая война и так далее), но также и более отдаленная, относящаяся к докоммунистическому периоду. В результате создался стереотип русского-пороботителя, захватчика, глубоко проникший в сознание польского общества и сохранившийся по сей день. Этому способствует политика советской власти, в которой часть польского общества — необязательно правильно — склонна видеть империалистические стремления русского народа. Преодолено недоверия к русским не способствует точка зрения некоторых групп нынешней русской антикоммунистической оппозиции. Требуется немало искренности и смелости при обсуждении вопросов и тем, которые были или могут стать источником взаимного озлобления.

Список взаимных обвинений и претензий длинен и перечислять их было бы бессмысленно уже потому, что во многих случаях пришлось бы касаться вопросов, потерявших актуальность. Однако есть один вопрос, который нельзя обойти молчанием, поскольку он уже издавна был наиболее серьезным препятствием в польско-русских отноше-

ниях, и, вероятно, может усложнить эти отношения и в будущем. Вопрос этот касается политической организации земель, расположенных между Балтийским и Черным морями.

Как известно, русский и польский народы никогда непосредственно не соседствовали один с другим. Между территорией Польши и России расположена широкая полоса земли, на которой сегодня живут балтийские народы, эстонцы, белорусы и украинцы и которая в прошлом (с некоторыми промежуточками во времени) была частью многонационального польско-литовского государства. В течение уже нескольких сотен лет вопрос политического будущего этих территорий был основной причиной взаимной вражды между Польшей и Россией. Тут был главный источник всех конфликтов перед разделами Речи Посполитой и Великого княжества Московского и создавшейся из него царской Россией. Здесь также столкнулись политические интересы возрожденной в 1918 году Польши и новой коммунистической России (польско-большевистская война 1919-1920 годов). Идеологический аспект постоянно возникающих на этой почве споров представляется по-разному в разные исторические периоды. Польша старалась выступать в этих спорах в роли защитника свободы балтийских и русского народов, которые во время Ягеллонов вошли в добровольный государственный союз с королевством Польским. Московская сторона ссылалась то на политическое наследие Киевской Руси и на вытекавшие из этого якобы право на покровительство всем русским землям, то, в других случаях, на свое „исторически обоснованное” право на водительство всех славян, то, наконец, после большевистского переворота, на свою ведущую роль в международном коммунистическом движении. Но существо дела было всегда одним и тем же: кто и в духе каких культурных ценностей будет формировать политический облик восточной части Европы. Польско-русский спор о политическом облике Балтийско-черноморского междуморья был в сущности спором между двумя большими противоборствующими идеями: идеей индивидуального развития малых народов и идеей национальной унификации различных народов и культур.

Длившаяся несколько столетий драматическая борьба окончилась самым худшим из всех возможных вариантов. Формально

говоря, победила Москва, которой удалось лишить Польшу не только традиционного влияния в области междуморья, но и ее суверенности как государства. На деле же, с общественной точки зрения, в этом случае трудно говорить о какой бы то ни было победе, поскольку все заинтересованные народы понесли политическое поражение, попав под власть коммунистического тоталитаризма. Старый спор о политическом облике междуморья был разрешен не в пользу ни той, ни другой стороны. Можно лишь говорить, что он отложен на неопределенное время. В тот момент, когда произойдет крах коммунистического господства в Европе и все народы нашей части континента получат возможность самостоятельно решать свои судьбы, этот спор может разгореться снова.

Предмет этого спора имеет для нас перво-степенное политическое значение и, без сомнения, окажется тогда в центре интереса польского общественного мнения. Во-первых, потому, что это касается судьбы народов, с которыми нас объединила общность исторических судеб. Во-вторых, потому, что ставкой была бы здесь международная безопасность нашей страны. Возможное принципиальное различие взглядов между польской и русской сторонами могло бы в таком случае привести к возобновлению традиционных антагонизмов и разжиганию новых, опасных по своим последствиям, конфликтов. Одна из наиболее важных задач нынешнего оппозиционного движения в Польше и СССР — поиски таких политических решений, которые позволили бы нам избежать подобной опасности.

Наилучшим решением как с политической, так и с моральной точки зрения была бы передача судеб междуморья в руки самих жителей этой территории. Польша и Россия должны признать суверенные права живущих в нашем общем непосредственном соседстве народов и отказаться от всех претензий на населенные этими народами области. Балтийцы, эстонцы, белорусы и украинцы должны получить возможность свободного развития в рамках собственных независимых народных государств. Образование новых независимых государств на пространстве, отделяющем польские этнические территории от русских этнических территорий, положило бы конец традиционному польско-русскому антагонизму и дало бы возможность обеим нашим странам мирно сосуще-

ствовать. С точки зрения польских государственных интересов было бы лучше всего, если бы новообразованные балтийские государства, Украина и Белоруссия вошли в свободный союз с Польшей, основанный на принципах партнерства и взаимного сотрудничества в ключевых вопросах обороны, экономики и так далее (военный союз, таможенный союз и т. п.). За такое решение говорят не только традиции нескольких сотен лет совместной жизни в одном политическом организме, не только общекультурное наследство, схожее геополитическое положение и т. д. За это говорят также, в далекой перспективе, политические интересы всей Восточной Европы, включая и Россию.

Польша, насчитывающая 30 с лишним миллионов жителей, сравнительно небольшая страна, которая, находясь в одиночестве, была бы, как показывает история, подвержена серьезным опасностям извне. Таким же, если не худшим, представляется положение наших непосредственных восточных соседей: Украины, Литвы и других. Все эти страны, взятые в отдельности, слишком слабы для того, чтобы иметь гарантию постоянной международной безопасности. Союз свободных партнеров — Польши, Украины, Белоруссии и балтийских стран, мог бы стать солидной основой безопасности и прочного мира в Восточной Европе, способен был бы дать отпор угрозам извне. Такой основой была когда-то Речь Посполита Обоих Народов до раздела, пока внутривнутриполитический упадок не подтолкнул ее позиции на международной арене. В течение нескольких сотен лет она гарантировала постоянное международное равновесие сил в восточной части Европы. Совершенный в XVIII столетии раздел этого многонационального государства нанес серьезный ущерб не только его жителям, но и другим сообществам Европы. Это относится также и к русскому обществу. Захватив территорию балтийско-черноморского междуморья, Россия оказалась лицом к лицу с неуклонно набирающей силу Германией. Со временем это привело к Первой мировой войне со всеми ее трагическими последствиями — до появления большевистского режима включительно. Следующий раздел Польши, в 1939-1940 годах послужил началом Второй мировой войны, а затем нынешнему разделу земного шара на два противостоящих политико-военных блока. Все то, против чего сегодня должны бороться оппозиционные движения в

нашей стране и в самой России, — прямое следствие совершенного в прошлом разрушения политического союза Польши с народами балтийско-черноморской территории. Отстроить этот союз снова — в подлинно понимаемых интересах не только поляков, но и русских. Обновляя свои традиционные связи с балтийцами, украинцами и белорусами, поляки обеспечили бы лучшее будущее как для себя, так и для других сообществ Восточной и Центральной Европы. Вот почему мы должны решительно настаивать на независимости наших непосредственных восточных соседей и почему мы в этом вопросе не можем идти ни на какие политические уступки.

К сожалению, именно в этом вопросе мы далеки от тождества взглядов с русской антикоммунистической оппозицией. Несмотря на столь трагический исторический опыт, многие русские оппозиционеры по-прежнему стоят за идею многонациональной России, заключающей в своих границах не только русский народ, но и другие, нерусские народы Европы и Азии, проживающие сегодня на территории СССР. Подобную позицию занимают, между прочим, также и деятели НТС. В их органе („Посев” № 4 за 1982 г.) мы читаем:

„Будущую Россию мы хотели бы видеть как федерацию народов нашей страны, готовых к такому объединению в оборонных и экономических целях, и прежде всего — на основе культурно-религиозной и исторической общности. Действительную волю народов мы сможем узнать лишь в результате референдумов. Сейчас среди членов НТС — представители многих национальностей”.

Побуждения, которыми руководятся сторонники этих взглядов заслуживают того, чтобы к ним отнеслись с пониманием. По собственному опыту знаю, как трудно преодолеть груз многовековой политической традиции, эти побуждения можно даже оправдать. С самим существом же таких взглядов согласиться нельзя. Идея многонациональной русской федерации абсолютно неприемлема для государственных интересов Польши и при всей нашей симпатии к русским оппозиционерам, мы вынуждены открыто ей противостоять. Во-первых, потому, что она находится в прямом противоречии с идеей перестройки балтийско-черноморского междуморья на основе полной политической независимости сообществ этой террито-

рии. Во-вторых, потому что возможный опыт практического осуществления этой идеи мог бы повлечь за собой чрезвычайно опасные политические последствия, не только региональные, в районе междуморья, но и во всемирном масштабе.

Создание многонациональной федерации сообществ осуществимо лишь тогда, когда каждый партнер стартует с более или менее одинаковых позиций. В положении, когда одна из сторон определенно доминирует над остальными — в демографическом, экономическом и других отношениях — федерация, вне зависимости от намерений ее создателей, начнет постепенно эволюционировать по направлению к однонациональному государству. Более слабые партнеры попадают во все большую зависимость от доминирующей народности, нисходя к роли этнических меньшинств. Они обречены на постепенную потерю своей национальной самобытности, им угрожает экономический и культурный упадок и т. п. Это объективная социологическая истина, действующая независимо от самых благородных официальных политических деклараций. Многонациональная русская федерация, идею которой пропагандируют деятели НТС, рано или поздно должна была бы или разрушиться в результате центробежных стремлений народностей, защищающихся от денационализации и от роли граждан второй категории, или же, по принципу защиты от внутреннего разложения, должна была бы превратиться в тоталитарное или авторитарное государство, удерживающее свое политическое единство силой. Новая, некоммунистическая Россия, организованная в федерацию, была бы созданием в высшей степени нестабильным и в результате внутривнутриполитической эволюции, которую невозможно заранее предвидеть, могущим стать источником серьезной угрозы для всех соседствующих с ней стран, а в особенности для Польши. В раздираемом внутренними конфликтами многонациональном Российском государстве мог бы возникнуть режим, не менее опасный, чем тот, который возник в результате событий 1917-1922 годов. Забота о будущих судьбах нашей страны велит нам уже сегодня противостоять этой, пока лишь потенциальной опасности.

Совершенно неубедителен аргумент, что вопрос политического будущего нерусских народов СССР должен быть разрешен путем референдумов или плебисцитов. Ссылка на

результат референдумов может быть хорошим методом решения трудной политической проблемы при условии, что этот метод применяется в обществах с развитой политической жизнью и прочной внутренней структурой. К сожалению, в интересующем нас случае такие условия отсутствуют и, наверное, их еще долго не будет. Долголетняя нивелирующая политика сперва царской, а затем коммунистической России привела к тому, что у большинства входящих здесь в расчет народов отсутствует политическая мысль, у них нет собственной политической элиты и даже нет глубокого понимания своих собственных политических интересов. В таком положении им было бы затруднительно вполне осознанно высказаться по вопросу политического будущего своих стран — без предварительной и основательной политической подготовки, которую им могла бы обеспечить только временная народная власть. В весьма схожем положении была значительная часть польского общества на переломе XIX и XX столетий. И если бы тогда был проведен соответствующий референдум, — например, среди находившегося под Россией населения, состоявшего главным образом из политических непросвещенного крестьянства, — кто знает, не выяснилось ли бы, что большинство поляков вовсе не желает независимости, а наоборот, высказывается за дальнейший союз с Россией? К счастью, никто тогда о подобных экспериментах не думал. Так же мог бы и сейчас выглядеть вопрос референдума в Белоруссии, на Украине и т. д. И в первом, и во втором случае высказанная в референдуме „воля народа“ во многом бы не соответствовала подлинным интересам народов.

Проведение референдума среди жителей нерусских республик СССР было бы в высшей степени бесцельным, поскольку известно, что значительный процент населения этих республик состоит из пришлых элементов, осевших там вследствие сознательной политики советских властей, стремящихся к стиранию народной самобытности в отдельных частях государства (например, в Латвийской ССР коренные жители страны, латыши, составляют только 57% населения, а в Казахской ССР около 33% казахов и около 42% русских). „Воля народа“ при таких условиях никоим образом не может совпадать с волей наиболее заинтересованной народности

и трудно считать ее верной основой для серьезных политических решений.

Вместо того, чтобы подждать оказания для проведения референдума, деятели русского оппозиционного движения должны уже сегодня четко и без каких-либо оговорок высказаться за независимость всех нерусских республик СССР как европейских, так и азиатских. Там, где уровень народного сознания низок, следовало бы, исправляя результаты политики царских и коммунистических властей, стремиться к пробуждению этого сознания. Это — единственный выход из положения. Русская антикоммунистическая оппозиция должна, кроме того, официально высказаться за проведение всех мероприятий, необходимых для преодоления последствий унификационной политики национальной царской и коммунистической России. Дело касалось бы прежде всего проведения соответствующего обмена населением между Россией и нерусскими республиками нынешнего СССР. Проведение такого обмена упрочило бы внутреннее положение новозникших национальных государств и убергло бы их от ненужных конфликтов на национальной почве.

Проблема безопасности собственной страны вынуждает поляков решительно высказаться за независимость нерусских республик СССР, в особенности тех, которые находятся в непосредственном соседстве с нами. Если бы русская оппозиция приняла такую же точку зрения, то это в огромной степени облегчило бы наше сотрудничество как сегодня, так и в будущем. Как доказательство окончательного отказа от империалистических традиций царской и красной России, такой шаг в значительной степени способствовал бы преодолению взаимного недоверия и стиранию обид прошлого.

Русской оппозиции, вероятно, нелегко будет расстаться с идеей многонационального государства со столицей в Москве. Трудно рвать многосотлетнее политическое наследие, в особенности когда с ним связано ощущение силы и величия своей страны. Однако забота о лучшем будущем должна взять верх над привязанностью к прошлому.

Как польские, так и русские оппозиционеры должны постоянно помнить, что ведущая сейчас нами борьба против коммунистического тоталитаризма — не самоцель, а лишь средство для создания нового между-

Поляки и русские

Здислав Н. РУРАЖ

народного порядка. Такой порядок можно будет создать лишь тогда, когда все народы нашей части мира получат возможность свободного и самостоятельного развития. Недостаточно высказаться за независимую Польшу и внутренне-демократическую Россию. Без независимой Украины, Литвы, Белоруссии, Грузии, Армении и так далее — нельзя рассчитывать на постоянную свободу для Польши. Постигание этой истины должно быть исходным пунктом всех программ взаимного сотрудничества оппозиционных движений — как в СССР, так и в нашей стране.

Непосредственно после статьи Я. Билета редакция „Бюллетеня Дольносленского“ поместила следующее примечание.

Не со всеми политическими взглядами автора можно согласиться. Во-первых, референдум — наиболее зрелое, демократическое решение столь сложных национальных проблем, следует признать абсолютно необходимым, а его результат — обязательным. Никакие „польские соображения государственного порядка“ не помогут, если мнение самих заинтересованных будет иным. „Воля населения“ наверняка больше отвечает подлинным интересам соседних с нами народов, чем утверждения автора о „государственных интересах“ нашего и этих народов. Во-вторых, странным кажется суждение о стабильности политических союзов с Польшей и нестабильности Российской федерации. В-третьих, кто же согласится на „обмен населением“? Иное дело — свободное передвижение людей и идей*.

* В ответ на это примечание редакции „Бюллетеня Дольносленского“ Я. Билет ответил обширной статьей (опубликована в бюллетене за май-июнь 1985 г.), в которой соглашается с мнением редакции, что проведение референдума среди нерусского населения Советского Союза могло бы быть „весьма простым и очень демократическим способом разрешения трудных местных национальных проблем“. Однако в конце концов он остается при своем мнении и говорит следующее (этот текст в оригинале подчеркнут): „Коротко говоря, сначала следует дать заинтересованным народностям возможность политической самоорганизации и создания собственной политической жизни, а только потом требовать от них принятия четкого решения по отношению к русским (или польским, или иным) предложениям федерации“. — Р е д.

Лишь недавно я прочел в номере 1/59 „Бюллетеня Дольносленского“, независимого ежемесячника, датированного январем 1985 года, статью Я. Билета „Какой мир?“. Это ответ на „Открытое письмо“ русской эмигрантской организации НТС — Народно-Трудового Союза российских солидаристов с главной квартирой во Франкфурте-на-Майне. Письмо это, обращенное к полякам, было опубликовано в № 4 „Бюллетеня Дольносленского“ в апреле 1984 года. „Бюллетень“, пользующийся заслуженной репутацией, поскольку выходит, минуя цензуру, тиражем в 8000 экземпляров, уже с 1979 года — явление, среди подобных изданий редкое — одно из самых серьезных подпольных изданий в Польше. Бюллетень выступает также от имени организации „Борющаяся солидарность“, цели которой я разделяю.

К сожалению, статья, являющаяся ответом на упомянутое письмо, меня огорчила. Дело тут даже не в авторах письма, о которых существует мнение, что они правые националисты, хотя я не уверен, что это полностью именно так. Но зато я совершенно точно знаю, что против НТС упорно борется советская спецслужба. Дело дошло даже до того, что одного из их руководителей, Околовича, должен был убить КГБ несколько лет тому назад*. К счастью, Николай Хохлов — офицер, который должен был руководить этой операцией — попросил политическое убежище и живет сейчас в Соединенных Штатах. Насколько мне известно, НТС добился значительных успехов в деле борьбы против советской системы — более значительных, чем любая другая эмигрантская организация.

Но дело не в организации русских эмигрантов, а в польско-русских отношениях.

Я. Билет в упомянутой статье „Какой мир?“ представил польско-русские отношения таким образом, что это вызывает беспокойство. Если „Помост“ полностью публикует его статью, то это освободит меня от необходимости повторять то, что написал Я. Билет. Если же нет, то должен в нескольких словах напомнить, что Я. Билет предва-

* См. Хохлов Н. Право на совесть. — Франкфурт-на-Майне: „Посев“, 1957.

рительным условием ставит абсолютную свободу для всех народов СССР, то есть их отрыв от России, — вне зависимости от того, какой она станет в будущем. Он отбрасывает даже референдум по этому вопросу и даже федерацию свободных народов со свободной Россией. Ибо он считает, что рано или поздно, но и в таком положении наступила бы русификация этих народов, а это было бы угрозой для Польши, Украины, Белоруссии, Литвы. Отрыв от России был бы как бы противопоставлением русской экспансии.

Я с такими взглядами согласиться не могу и даже считаю, что если поляки их будут высказывать вслух, то это повредит польскому делу.

Но рассмотрим вопросы по очереди.

О русско-польских отношениях в прошлом, в настоящее время и даже в будущем, мы, поляки, говорим, естественно, гораздо больше, чем сами русские, для которых польско-русские отношения — один из многих вопросов, и вовсе не самый важный. Для нас же этот вопрос жизненно важен и каждый из нас ощущает это на собственной шкуре. Мой дед прослужил в царской армии в общей сложности, вероятно, около 16-ти лет, включая Русско-японскую и Первую мировую войны. Одна из моих бабушек родилась в Сибири — от сосланных родителей. Отец мой боролся сперва против царской, а затем против большевистской армии. Благодаря советским русским лично я оказался в эмиграции.

Таким образом есть о чем дискутировать. Но дискутировать надо с умом.

Что касается истории, то ее можно сразу забыть. Мы знаем все, или почти все. Можно без конца рассуждать, хорошо или плохо поступил Сигизмунд III, не посадив своего сына Владислава IV на московский престол, или возможно ли было не отдавать Украину России или нет — и так далее и тому подобное. И даже если бы мы пришли к заключению, что Польша могла бы стать теперешней Россией — из этого ничего бы не следовало, так как каждый знает, что это не так. Следовательно, в расчет берется существующее, и еще в большей степени — будущее.

Я не знаю, когда и как распадется СССР. Может быть и вообще не распадется, а еще больше увеличится. А может быть и так, что вопреки мнению Я. Билета, даже в момент

распада СССР многие народы не захотят отрываться от будущей России — демократической, фашистской, православной или еще какой-либо иной. Будь я лично на месте армян или грузин, я боялся бы независимости. Такие христианские народы могли бы утонуть в магометанском море, еще надежнее, чем в русском, поскольку с добытой ими независимостью никто бы просто не считался.

Я вовсе не уверен, хотят ли независимо, например, белорусы. Правда, есть несколько эмигрантов, говорящих о независимости, но ничего не слышно, чтобы в самой советской и уже весьма русифицированной Белоруссии были бы такие стремления.

Впрочем, что это была бы за страна? Не знаю, где было бы ей лучше — в федерации с Польшей или с Россией? И если сегодня белорусы русифицируются, то в другом случае они бы колонизировались. Чего они на самом деле хотят сами — я не знаю. Но Белоруссия как таковая вообще, вероятно, обречена на денационализацию — так или этак.

Экономических же выгод от связи с Польшей у нее было бы и того меньше. Что же мы им можем дать — или от них взять? Федерация „ценстоховских дедов” (т. е. нищих, — прим. пер.) никого не обогатит! Здесь играет роль не количество, а качество. Лично я предпочел бы заключить федерацию со Швейцарией, чем с Белоруссией. Хотя уверен, что шведы этого бы не захотели — и вовсе не удивился бы этому.

Независимость Литвы — вопрос другой. Хотя как обстояло бы тут дело насчет федерации с Польшей, тоже не знаю. В мае прошлого года я выступал в Нью-Йорке на общеамериканском съезде литовцев. Ну, и чего же они опасались? А вот чего — не отнимет ли Польша, перечеркнув Ялту (ох, оптимисты!) у них Вильню? Я клялся, что нет, но мне не верили. И ни о каком союзе с Польшей они даже и слушать не хотели, так как считают, что от такого союза денационализация им грозит больше, чем от союза с... Россией! Наиболее серьезно, однако, вопрос польско-украинских отношений. Нет никакого сомнения, что со времен бунта Хмельницкого в 1648 году, в причинах которого ни украинцы, ни поляки не слишком уверены, или же уверены слишком и ошибочно, — начался упадок „польской общности”, а Переяславльский договор в

1654 году связал Украину с Россией и был, пожалуй, самой крупной мирной победой в истории России, победой, способствующей усилению ее мощи до сегодняшнего дня.

Несмотря ни на что, несмотря на всю русификацию, Украина осталась до какой-то степени Украиной и вероятно можно говорить об украинском народе. Однако мы знаем, что Украине никогда не удалось существовать как независимому государству, если не говорить о Киевской Руси, которую в некотором смысле можно считать пра-Украиной. В 1917 году, были некоторые условия для создания Украинского государства; но ведь мы знаем, что сперва в этом вопросе существовали даже две тенденции, то есть, должны были существовать две Украины, — а может быть дело бы окончилось и еще большим количеством украинских государств.

Мы уже знаем, что из этого ничего не вышло, как ничего не получилось и во время Второй мировой войны. Украина — советская республика, в восточной своей части сильно русифицированная, главным образом в городах. Правда, украинцы гордятся тем, что их 50 миллионов, но в самой Украинской республике всего 70% чисто украинского населения. Остальные главным образом русские или же абсолютно русифицированные украинцы. А миллионы украинцев, разбросанных по другим советским республикам, украинского дела не улучшают. Я вовсе не уверен, вернулись ли бы они на коренную Украину.

Итак, в итоге украинцев более или менее столько же, как и поляков. Хотя поляки народ почти гомогенный, а украинцы нет. Примерно так же обстоит дело с религией, которая на Украине не гомогенна.

Но хуже всего то, что украинцы сами не очень уверены в том, хотят ли они независимой Украины. Те из старой, Западной Украины, которая никогда не была под Россией, хотят независимости больше всего. Но они особенно в расчет не идут. Сталин разогнал их по всему СССР и даже по Украине. Те же из них, кто находится в эмиграции, не выражают авторитетно подлинных желаний украинцев. Но предположим, даже, что выражают. В таком случае, что мы видим?

Вот передо мной несколько номеров „The Ukrainian Quarterly”, украинского квартальника, издающегося в Нью-Йорке Конгрес-

сом украинцев в США. Журнал даже называется журналом по вопросам Восточной Европы и Азии. Очень хорошо. Только под названием каждого номера квартальника на обложке помещена карта Украины. Не Украинской республики, а Украины. И что же мы видим? О территориальных претензиях украинцев к русским на востоке — ладно. Однако у них претензии и к белорусам на севере, включая Брест. Конечно, о Крыме, о том, что Крым был татарским и речи не может быть, его татарам никогда бы не вернули. Хотя Крым ведь „подарила” Украине Россия после Второй мировой войны во время господства Хрущева.

Что касается Польши, то карта претендует на то, что Хелм, Пшемьсль и даже места вблизи Варшавы — тоже украинские. Подобным же образом обстоит дело с Молдавией, то есть Восточной Румынией, к которой у них также имеются серьезные территориальные претензии.

Не будем обращаться тут к истории, так как это мало поможет, посмотрим на реальность нынешнего дня.

Я не знаю, как бы должна была выглядеть федерация Польши с Украиной при подобных условиях. В особенности, если еще учесть, что белорусы претендуют на Белосток, а литовцы — на территорию до самых Сувалок. Должны ли произойти в будущем в федерации „междуморья” территориальные перемены, я не знаю. Если да — к черту такую федерацию!

Но дело не в этом. Возможно, что такие территориальные перемены имели бы характер корректуры границ между воеводствами. Но тут, однако, есть и другие вопросы.

Нам, полякам, все время кажется, что в период между войнами от рук поляков погибло не то 9, не то 19 украинцев. К сожалению, упомянутый квартальник (весенний номер 1982 года), в статье доктора Лушкяна Крачко „An Outline of the Tragic Polish Ukrainian Relations”, напоминает (на стр. 42), ссылаясь на немецкую газету, издающуюся в Генеральном губернаторстве („Кракауер цейтунг”), что в Польше в период между войнами погибло ни больше ни меньше как 1 200 000 украинцев! Причем автор вовсе не анализирует эту цифру, а скорее принимает эту геббельсовскую клевету за чистую монету.

О других вопросах не стоит даже упоминать, так как незачем разжигать страсти.

Поэтому и не понятно, каким образом при наличии таких предубеждений могла бы образоваться какая-то польско-украинско-белорусско-литовская федерация? Правда, Украина — не этот кварталник. Я лично встречал много очень просвещенных украинцев, однако о федерации с Польшей они не говорили. Я им даже за это благодарен, поскольку мне такая федерация тоже не улыбается. Я предпочел бы, чтобы свободная Польша принадлежала к Европейскому экономическому сообществу, или к Европейскому союзу, чем к какой-то „Федерации Междуморья”. А то люди в Польше еще перепугают с Мендзыздрыми (курорт, — прим. пер.) и захотят ездить туда в отпуск...

Я лично желаю русским демократии. Этого вполне достаточно. У демократической России огромные возможности, — не только развития. Более того, она может стать таким же притягивающим магнитом для талантов всего мира, каким были и есть Соединенные Штаты. В Сибири и в других частях какой-либо русско-нероссийской федерации могут разместиться еще десятки, а может и сотни миллионов людей. Не тех, которых гонят в лагеря компания КГБ—МВД, а людей свободных, которые поедут туда так, как едут сегодня на Аляску или ехали раньше на Дикий Запад. Мы, поляки, легко найдем общий язык с русскими — такими, как благородный А. Сахаров. А русские пусть не спорят с украинцами о том, чем была Киевская Русь — пра-Россией или пра-Украиной. Впрочем, мне все равно, к каким они придут выводам, лишь были бы подлинными демократами. Демократы на других не нападают и никого не порабощают.

Существует ли опасность русификации малых народов — даже в демократической России? Существует. Ну, и что из этого? Соединенные Штаты тоже американизируют разные меньшинства — включая поляков. Я не вижу в этом ничего плохого, если только подобный процесс происходит без принуждения. Если поляк или украинец добровольно поедет в Сибирь, найдет себе там хорошую работу и русифицируется, то это будет подобно тому, как сегодня приезжают в США и американизируются.

К сожалению, против этого ничего не делаешь. Одни народы постепенно увеличиваются, другие исчезают. Мы, поляки, чуть не довели до исчезновения литовцев, хотя и

не насильно. И не видим в этом ничего плохого. Кроме разве того, что не довели это дело до конца. Почему же мы должны требовать от других чего-то иного?

Поэтому-то я считаю, что поляки не могут ставить русским никаких условий типа национальной независимости народов. Однако им можно ставить условие демократизации государства. Остальное — внутренние дела империи. Что до меня, то я даже думаю, что свободная Польша сможет легче договориться в будущем со свободной Россией, даже в ее нынешних, советских границах, чем, например, с Западной Европой. В настоящий момент, в чем мы еще никак не отдаем себе отчета, Польша стала уже органически ближе к России, чем к западной цивилизации. Мы можем протестовать, говорить, что это не так — но это так. Более того, Западной Европе для счастья никакая Польша не требуется, а демократическая Россия может быть очень заинтересована в тесных связях с демократической Польшей. Ибо некоторые из созданных взаимных связей существуют уже помимо государственных форм.

Поляки могут и должны бояться диктаторской России, будь то царской, будь то большевистской или иной. Демократической же России бояться нечего. Что больше поляков будет говорить по-русски, чем русских по-польски, это еще ничего не доказывает. По-английски, по-немецки или по-французски говорит больше поляков, чем англосаксов, немцев или французов по-польски. Ну и что? Разве мы денационализировались по этой причине? А если даже и так? Сколько поляков, пробыв всего несколько лет в США, говорят о своей стране „они”? И даже притворяются (ой, притворяются!), что больше уже не знают польского языка. Ну и что? И ничего. Поляков в Польше почти 38 миллионов. А этих в мире — несколько миллионов.

Может быть, впрочем, мы никогда не денационализиремся и не стоит бояться заранее. Лишь бы только нас не истребили. Демократии в соседних государствах нас наверняка не уничтожат. Если дела пойдут хорошо, то через 50 лет поляков будет даже больше, чем немцев. Русских же, вероятно, мы количественно не перегоним, и не надо, их почти в четыре раза больше, чем нас. Но все же маловато, чтобы нас денационализировать, тем более, что живем мы в компакт-

ной польской среде. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы русские демократы были в этом заинтересованы.

Но они могут нас не понять, если бы нам захотелось расчлнить их страну. А таковой они ее считают в нынешних границах СССР — невзирая на то, нравится ли нам это, или нет. Поэтому не стоит удивляться, что они ничего не хотели бы отдать добровольно. И мы ведь ничего не отдавали добровольно. И другие — тоже. Англичане дали деру из своих колоний по эгоистическим побуждениям: никакой пользы от этих колоний уже не было, а вкладывать в них англичане не хотели. Там же, где дело обстояло иначе, как на Фольклендских островах, англичане находятся до сих пор. Американцы тоже не отдадут своих южных штатов Мексике. Поэтому не будем удивляться поведению русских. Многие из них уже сегодня теряют сон, глядя на 8000-километровую границу с Китаем, за которой живет свыше миллиарда китайцев, количество которых все растет и растет.

России надо пожелать демократии и только демократии. От этого будет польза всем. Нам прежде всего. Другие вопросы — третьестепенны, если вообще существуют. Не будем пугать русских призраком развала их страны и не будем ломать себе голову, почему все вышло так, а не этак. Не стоит лечить весь мир, лучше подумать о своих собственных делах. Не будем ставить русским никаких условий, за исключением тех, которые бы их демократизировали. Демократизации, однако, могут помешать разные территориальные проблемы. Быть может получится так, что русские сами придут к выводу, что какие-то территории и живущие на них народы им не нужны, как к такому выводу пришла Франция в вопросе Алжира, хотя она там войну и выиграла.

Но это забота их, русских. Мы же, поляки, только выиграем, если не будем совать лягушачью лапу туда, где куют лошадей.

● КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, НАУКА

По поводу съезда советских писателей

Роман РЕДЛИХ

Без сомнения, VIII съезд советских писателей куда интереснее XXVII съезда КПСС. Интересна, конечно, не резолюция этого съезда и не обращение к писателям мира. И даже не работы комиссий по прозе, по поэзии, по литературной критике, драматургии и детской литературе. И не доклад первого секретаря правления СП СССР Г. М. Маркова. Нет, интересны отдельные выступления отдельных писателей, особенно там, где они касаются болевых точек нашего времени и выражают наиболее настоящие требования страны и народа. Интересны же они тем, что зачастую были сказаны не с привычной позиции: угадать, что хотела бы услышать партия.

Но, как отметил поэт Андрей Вознесенский:

...представляется, что наш съезд стал бы шире, ярче и многограннее, если бы в зале были Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Юрий Черныченко, Вячеслав Кондратьев, Давид Самойлов, Арсений Тарковский, драгоценнейший наш поэт. Нет в зале братьев Стругацких, нет сатириков Арканова, Гори-

на, Гаванецкого. Пьесы „Мы, нижеподписавшиеся” и „Премия” были первыми ласточками, с которых началась наша перестройка, но их автора нет в списке делегатов. Нет Рощина, нет Руслана Киреева, и еще, и еще...*

Конечно, можно сказать вслед за мандатной комиссией, что делегаты на съезд были избраны в соответствии с уставом Союза писателей тайным голосованием с соблюдением норм представительства. Ну, не выбрали Ахмадулину, так не выбрали, что тут поделаешь... Но ведь выборы выборов рознь...

Гласность — сестра литературы

Художники слова умеют находить формулировки. „Гласность — сестра литературы”, сказал в своем выступлении тот же Андрей Вознесенский. Но о гласности говорил не он один, и не всегда легко установить, кто имел

* Цитируем здесь и ниже по сокращенной стенограмме выступлений, как она передана в газете „Литературная Россия” № 27, 1986.

при этом в виду гласность по-Горбачеву, — как средство управления в замену отслужившей сталинской критики и самокритики, — а кому она виделась в первоизданной этической простоте, как Прокурину, сказавшему на съезде:

„Гласность не может быть регламентирована 'от и до', гласность или есть или ее вообще нет”.

Вознесенский был, конечно, прав, когда сказал, что „народ хочет гласности”, что „народ видит неправильное распределение благ”, что он знает правду о „чудовищной силе зла, беззакония, коррупции, лихоимства, фальши, двуличия”. Но об этом говорил ведь и Горбачев. И фраза, помещенная „Литературной Россией” как заключение выступления Вознесенского — „главный наш враг внутри — не острая книга, а чудовище бюрократизма и инерция старого мышления, тормозящие новое”, — тоже уже не нова.

Как и что говорят писатели между собой, не с трибуны, а в бесчисленных разговорах, в кулуарах съезда и не на съезде, и в какой степени требование гласности — наследствие демократического движения шестидесятых годов, можно догадываться. Но останемся на выступлениях с трибуны в том виде, в каком они представлены „Литературной Россией”. Не все, что произошло на съезде, стало достоянием гласности. Но требование гласности было поставлено на нем гласно, и в этом суть.

Больше того, хоть и не в полный голос, но достаточно ясно в нем можно было слышать и требование свободы и независимости печати, без которой деградировавшая, дозируемая гласность под управлением бюрократического аппарата окажется сестрой такой же литературы. Книгу, статью или очерк, любое литературное произведение надо не только написать, но и издать.

Узаконенный самиздат

О положении в книгоиздательском деле весьма ценную справку с трибуны съезда дал председатель Госкомиздата М. Ф. Ненашев. Согласно этой справке, за последнюю пятилетку издано 11 миллиардов книг и брошюр, что дает в среднем по 8 книг в год на душу населения. Это не мало, но недостаточно, причем дело не только в недостатке бумаги.

„За последние 10 лет, — заявил съезду Ненашев, — для Госкомиздата СССР не было построено и реконструировано ни одного крупного полиграфического предприятия. Сокращались из пятилетки в пятилетку капиталовложения на строительство и реконструкцию полиграфии. Значительная часть — почти 35 процентов парка печатных машин — сегодня морально и физически устарела, ибо имеет срок амортизации свыше 20 лет, а наши потребности в полиграфической технике машиностроителями удовлетворяются всего лишь на 50 процентов.

Объективно оценивая сложившееся положение, ЦК КПСС и Совет министров СССР год назад приняли специальное постановление, которое представляет собой целую программу мер по преодолению нашего отставания. Многие теперь зависят непосредственно от нас.

Многое, но далеко не все. Реализация намеченной программы встречает огромные, хочу прямо сказать, порой просто непреодолимые трудности”.

Ненашев ничего не сказал о том, сколько из изданных 11 миллиардов экземпляров книг и брошюр поступает во вторичную переработку. (Так, например, случилось с многомиллионными тиражами творений Сталина, Хрущева и Брежнева.) Но что желательно сократить нечитабельные издания, он видит ясно:

„Главным направлением здесь должна стать значительная демократизация — в духе принципов апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС — всей практики формирования издательских планов. Особенно полезным, по моему мнению, будет значительное расширение информации и гласности на всех уровнях принятия решений о выпуске тех или иных произведений: о потребностях и реальном спросе на литературу, текущих и перспективных планах издательства, о фактических остатках книг в торговой сети и их конкретных авторах”.

Без сомнения. Однако демократизировать бюрократический аппарат — дело заведомо безнадежное. Бюрократия строится по принципу подчинения распоряжениям вышестоящих инстанций; подчиненные выполняют в ней указания начальствующих лиц. Демократия же строится на гражданственности (в которую входит и добродетель гласности). Демократы хотели бы, чтобы каждый гражданин подчинялся только тем решениям, которые он сам находит правильными. Демократия — по меньшей мере в замысле — это самоуправление самостоятельных граждан. Демократизировать общество можно и должно, увеличивая в нем начала самоуправления. И говоря о гласности, целый ряд выступавших

на съезде с основанием поставили вопрос, который тот же Вознесенский сформулировал так:

„Почему бы нам не создать кооперативное издательство, во главе которого стал бы совет из 5-7 известных мастеров, таких как советь нашей интеллигенции — академик Д. С. Лихачев, В. Быков, Ч. Айтматов, Д. Гранин, В. Распутин, С. Залыгин? Читатель им доверять. Глядишь, и книги бы раскупали, и столы бы освободились”.

Идея самостоятельного кооперативного издательства — идея, бесспорно, демократическая. И возражений против нее мы не нашли ни в одном из опубликованных в „Литературной России” выступлений. Больше того, ее поддержал и первый секретарь ЦК ВЛКСМ М. В. М и ш и н, сказавший:

„Видимо, в издательском деле надо смелее искать и экспериментировать. Интересным мог бы стать эксперимент по изданию, скажем, небольших поэтических книг малыми тиражами для пробы молодого таланта 'на прочность'. Наверное, можно было бы их сделать безгонорарными или выпускать на кооперативных началах, как это делалось в 20-е годы”.

Почему бы и нет! Но на безгонорарных книжечках начинающих поэтов далеко не уедешь. Они и сейчас уже передаются из рук в руки по некооперативному, но вполне реальному самиздату. Нет уж, если по-серьезному говорить о демократизации издательского дела и расширении свободы печати (а ведь гласность предполагает расширение этой свободы), то надо ставить самостоятельное кооперативное издательство как законный коммерческий самиздат. Это предполагает, конечно, доверие к хотя бы названным Вознесенским авторитетным мастерам литературы, к их художественной и политической зрелости, к их такту и пониманию действительности и собственных возможностей в рамках этой действительности.

Что же касается самокупаемости такого издательства, то при сколько-нибудь расчетливом выборе издаваемых книг оно могло бы не только окупаться, но и приносить немалый доход. Академик Лихачев в своем выступлении перечислил, кого следовало бы издать. Ряд имен назвал и Д. Гранин. И не надо быть специалистом по советскому книжному рынку, чтобы знать, что издание Андрея Белого, Ремизова, Ахматовой, Гумилева, Пастернака, Василия Андреева, Добычина, Олейникова, Замятина, Введенского,

Кузмина не просто окупится, но при правильном расчете тиража и цены принесет и немалый доход, эту необходимую материальную базу подлинной самостоятельности. Освобожденное от бюрократического планирования, при котором „пробить” книгу к изданию зачастую отнюдь не легко, вольное кооперативное издательство могло бы стать добрым противовесом тому, на что так горько жаловался на съезде, например, М. С л у ц к и с (Литва), говоря, что

„...и уже совсем не нормален порядок, когда книга 1988 года, например, должна лежать на издательском столе уже с 1985 года. С учетом труда автора над рукописью получается необозримое временное пространство.

Конечно, книги выходят и быстрее, не обязательно 'поседевшие'. Всегда есть некоторый плановый резерв, делаются всякие исключения, но зачем, спрашивается, нормальные возводить в исключительное? Зачем годами держать писателя на плановой привязи, сковывая его поиски и фантазию?”

Вольное издательство могло бы снабжать читателя книгами, как колхозный рынок снабжает покупателя продуктами, которых недостает в государственных магазинах...

Голубая мечта! Ибо реализовать ее можно только в рамках статьи 6 действующей Конституции СССР с руководящим партийным ядром, прочно встроенным в бюрократический аппарат, доньяне именуемый коммунистической партией. Литература — это не морковь с приусадебного участка...

Не о литературе

„Перелом” в работе Союза писателей — точное отражение „перелома, намеченного XXVII съездом КПСС”. Пункт 1 „Резолюции съезда” гласит: „Одобрить деятельность Союза писателей СССР за отчетный период. Признать работу его правления удовлетворительной”. Острейшая критика установившихся в нем бюрократических порядков не помешала этому одобрению, а множество советов, пожеланий и даже требований навряд ли помешают ему работать столь же „удовлетворительно”.

К счастью, многие писатели на съезде говорили не только о литературе, и съезд послужил трибуной для обсуждения вопросов, наболевших не только у писателей, потому что не одни писатели видят, как безнадежно забюрократизированная страна идет к катастрофе. Прекрасно сказал об этом Ю. Б о н д а р е в:

„Можно ли согласиться с враждебным истинной науке фаталистическим оптимизмом, который после невеселой истории с Байкалом, с Ясной Поляной, спасаемой только вмешательством ЦК, после всех экологических проблем и недавней беды в Чернобыле принес не триумфальные победы, а стоил народу уже миллиарды рублей? В то же время наша мудрая надежда — наука, основа всей культуры, призванная в XX веке удерживать разумное равновесие между человеком и окружающей средой, порою оказываясь в руках лавкачев, обманывающих нас обещаниями, ластивых честолюбцев, вождельно мечтающих о славе, о следующей ступеньке служебного восхождения, — наука в руках таких людей гибнут, умерщвляется, превращает в сточную яму природу, а значит, и совершает убийство ее и человека.

Если мы не остановим разрушение памятников в архитектуре, если не остановим разрушение земли и насилие над реками, если не произойдет нравственный взрыв в науке, в критике, то в одно прекрасное утро, которое будет последним и погребальным, мы со своим неискаемым оптимизмом проснемся и пойдем, что стерта, навсегда исчезла, умерщвлена, навсегда погублена национальная культура огромной России, ее дух, ее любовь к отчей земле, ее красота, ее великая литература, живопись, философия, и мы, голые и нищие, сидим на лепелищах, вспоминая милую нашему сердцу свою родную азбуку, и не можем вспомнить, ибо исчезли и мысль, и чувство, и радость, и историческая память”.

Писатель безвластен. Особенно если и сам он так или иначе встроен в бюрократический аппарат, регулирующий его творчество и определяющий, что печатать, а что не печатать. На съезде выступили и те, кто уже годами пытаются остановить разграбление русской земли и удушение русской культуры, те, кто отражает и формирует подлинное общественное мнение. Послушаем их.

Академик Д. Л и х а ч е в :

„... Тех, у кого мы учимся, издаем мало и бессильно. Нет, например, полного собрания Лескова, этого замечательного учителя по языку... Нет даже полной библиографии его сочинений. Нет издания сочинений Аввакума.

Не приступили еще к изданию свода русского фольклора. То, что имеют все народы Советского Союза. Даже нет плана подобного издания. Нет академических изданий Лермонтова, Гоголя. Не издан Карамзин — его 'История'. А ведь это, помимо всего прочего, великолепно, огромное литературное произведение. Это произведение — подвиг. Особо стоит вопрос об издании русских писателей первой половины XX века...

Прекрасно, что наша писательская общественность взялась за хлопоты о литературных местах Москвы и Подмосквья, а наши газеты и журналы печатают эти материалы: 'Огонек', 'Наш современ-

ник', 'Москва', 'Нева', 'Север' и другие. Но надо, чтобы наши статьи приводили к определенным результатам.

Память должна быть действенной, памяти нужны пристанища, она не может быть бесприютной.

Если мы не будем по-настоящему чтить память наших духовных предков — забудут и нас”.

В. Р а с п у т и н :

„Гласность — дело замечательное, как мы имели за последние полтора года возможность убедиться, но, когда гласность существует только во имя гласности, а не во имя результатов и перемен, этого, разумеется, мало.

Сколько мы говорим о проблеме поворота рек, сколько пишем, сколько надорвали сердца, не написали поэм, романов и повестей, отдавая силы и время защите родной земли, — и никакого толку: нас слушают и делают по-своему.

Вот выписка из официального ответа первого заместителя председателя Госплана СССР тов. Паскаря на имя академика Яншина, письмо отправлено совсем недавно, 10 июня. Цитирую: 'В результате работы, проведенной многими научно-исследовательскими институтами АН СССР, Минводхоза СССР и других министерств и ведомств, подтверждена необходимость первого этапа переброски части стока северных рек в бассейн Волги в объеме 5,8 куб. км”.

Ю. Б о н д а р е в :

„Расширяя границы критики, не рано ли говорить о ее победном влиянии, если Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР после всей серьезнейшей критики в свой адрес накануне XXVII съезда партии продолжает негласно, тайно копать русло, то есть идет осуществление злуполучного проекта, известного под названием поворота части стока северных рек, — проекта, чрезвычайно плохо научно обоснованного, легкомысленного, если не вредного?”

С. З а л ы г и н :

„Дело в том, что государство, создавая то или иное ведомство, вырабатывает для него программу деятельности. Но ведомство сосредоточивает все свое внимание на некоторых пунктах этой программы, самых для него выгодных, напрочь пренебрегая всеми остальными. Вот и Министерство мелиорации и водного хозяйства действует таким образом. Три отделения АН СССР начисто опровергли необходимость переброски части стока северных рек, а из Госплана следует письмо, в котором говорится, что академия проект поддерживает и строительство, не в пример другим важнейшим объектам, форсируется, хотя проект и не утвержден в целом технической экспертизой...

И не потому ли торопится Минводхоз, что он должен государству миллиард и, чтобы погасить долг,

ему нужны кредиты под новые проекты, независимо от их целесообразности?"

Это только о повороте рек. А вот о гибели пахоты.

Г. Б а к л а н о в:

„О героях целины написаны песни, книги. Но наши города ползут на пахотные земли. Они бесценны, эти земли, кормившие не одно поколение, но они вроде бы ничего не стоят, их не покупают. И строителям — нелегальное дело! — выгодней строить на пахотных выровненных землях. Каждый год, по данным нашей печати, под строительство уходит 2 миллиона гектаров земель, и эти гектары не всегда обособлены. Значит, за прошедшие тридцать лет мы дважды лишились целины. Еще недавно на душу населения у нас приходилось 1,05 гектара пашни. Сегодня — 0,85. Шестую часть пашни мы потеряли — и не только потому, что росло население. А плодородие черноземов за последние 20 лет сократилось на 25–40 процентов“.

Ю. М у ш к е т и к (Украина):

„Как личным успехам, радуемся мы тысячам гектаров возделанной целины, стальным магистралям, новым городам и всенародным стройкам. Вместе с тем мы, писатели, в частности украинские, в ответе за тысячи гектаров засоленного чернозема на юге Украины и планируемое учеными строительство канала Дунай–Днепр, которое вызывает в ответственности республики обоснованное беспокойство, ибо сточные воды Европы, пропитанные солями лиманов, пойдут на поля Украины и в уже почти неподвижный Днепр, к тому же по плану отгораживаемый плотинами от Черного моря“.

П. П р о с к у р и н:

„Здесь уже упоминалось о черноземе, о знамени, о бесценном русском, по определению Докучаева, черноземе, половина мировых запасов которого приходилась именно на Россию. Надо думать, что не сибирское золото, не собольи меха, а именно этот чернозем во многом взрастил и организовал русский народный характер, и вот мы перед суровой и страшной картиной глобальной деградации русского чернозема. Он разрушен ныне более чем на 35 процентов. И сам русский народный характер претерпел, на мой взгляд, соответствующие изменения в аналогичной пропорции“.

Немного купуроведения

Юлиан Семенов:

„Практика нынешнего тиражирования книжной продукции стойко игнорирует читательский интерес. Всем известно, сколько нужно сдать макулатуры, чтобы получить книгу Ахматовой или Шукшина. Но макулатура продолжает издаваться!“

Эта цитата была бы очень на месте там, где мы, вслед за Мишиным и Вознесенским, говорили о желательности создания самостоятельного кооперативного издательства, об узаконении самиздата. Но в опубликованном „Литературной Россией“ тексте выступления Ю. Семенова, которым мы пользовались для настоящей статьи, это место отсутствует. Мы нашли его в „Литературной газете“ № 27/1986, где купюры делались иначе.*

Искусство делать купюры — интегральная часть литературного процесса в нашей стране. Дело важное и ответственное, к которому допускается не каждый. Анализ и оценки его — задача вспомогательной научной дисциплины: сравнительного купуроведения. Предмет этой науки — не то, что есть, а то, что приговаривается к исчезновению.

И здесь между „Литературной Россией“ и „Литературной газетой“ в интересующих нас местах мы заметили любопытные расхождения. Так, в цитируемом нами выступлении Вознесенского после выраженного им огорчения отсутствием ряда писателей „Литературная Россия“ купировала приведенные „Литературной газетой“ заключительные слова:

„После доклада ревизионной комиссии возникает вопрос — была ли истинная выборность в Московской писательской организации, которой руководит Ф. Кузнецов. Неужели так?“

И наоборот, „Литературная газета“ не только полностью изъяла из выступления Мишина предложение о выпуске книг на кооперативных началах, но и выступление Ненашева сильно сократила, начисто вычеркнув указание на „порой просто непреодолимые трудности“.

Полная стенограмма выступлений писателей на съезде не публикуется. Но даже немножко купуроведения подтверждает догадку, что в умах выступающих не всегда было то и не всегда было так, как это отразилось в печати. Последний пример: „Литературная Россия“ вырезала, а „Литературная газета“ напечатала слова Вознесенского:

„Не надо думать, что уже все сдвинулось и решено. Отечество наше может быть в опасности и сейчас, если не произойдет полная демократизация, перестройка, если не победит новое мышление“.

* „Литературная газета“ тоже ссылается на то, что „все выступления публикуются по сокращенной стенограмме“.

Хорошо, что хотя бы две газеты, хотя бы купюры делают каждая по-своему. Ибо это новое мышление, совершенно очевидно, должно быть альтернативным. Альтернатива бюрократической опеке — самостоятельность и самостоятельность. Альтернатива однопартийному унифицированному мнению — разнообразие собственных, пусть даже разноречивых мнений. Альтернатива государственному монополистическому хозяйству — индивидуальный и коллективный хозяйственный почин.

Но что же дальше?

В стране живут не винтики великого государственного механизма, а думающие люди; они тоже знают обстановку, и сами умеют критиковать. И они понимают, что даже самые убедительные призывы к добросовестному труду и самые энергичные перестройки бюрократического управления — заведомо обреченная на неудачу попытка изменить положение, по существу ничего не меняя. Гласность как способ давления на партийно-государственный аппарат (да еще регулируемая все той же партией) заведомо недостаточна.

В. Р а с п у т и н, писатель, на собственном опыте многолетней борьбы за спасение Байкальского озера убедившийся, что, „когда гласность существует только во имя гласности, а не во имя результатов и перемен, этого разумеется мало”, с горечью констатирует:

„Недавно я получил из Госплана проект нового положения, или закона по Байкалу. Вместо решительных и необходимых мер, которые позднее уже не помогут, в проекте все то же: усилить, потребовать, принять во внимание и т. д. Самое страшное для Байкала — целлюлозные комбинаты, приносящие к тому же вред и экономике нашей, — предлагается не трогать.

Главная мера, которая предлагается проектом, — опять изменить ПДК (предел допустимой концентрации) при очистке стоков. Должен сказать, что за 20 лет работы Байкальского комбината эти нормы изменялись 6 раз. Шесть раз! Это способно произвести впечатление на кого угодно. Произвело и на меня, когда я был у министра лесной и бумажной промышленности, в чьем ведении находится комбинат. Изменение норм очистки выдавалось за их ужесточение. Цифры ПДК только недавно с огромным трудом мне удалось посмотреть. И выяснилось, что никакого ужесточения норм не было, что, напротив, по основным загрязнениям они ослаблились, и толь-

ко поэтому число нарушений уменьшалось. Очередная перекройка норм будет очередным узаконенным продолжающимся отравлением Байкала”.

Яснее не скажешь. Но что же дальше? Вразумительного ответа не дал XXVII съезд КПСС, не смогли или, если хотите, лишь в виде намеков наметили его наши писатели. А в сущности, он совсем прост: либо сохранение бюрократических монополий однопартийного государства в области политики, экономики и идейного окормления населения — иначе говоря, сохранение существующих порядков с прогрессирующим разрушением среды обитания и физического и нравственного здоровья обитателей нашей страны, — либо коренная перестройка с однозначной решительной ставкой на демократическую самостоятельность граждан.

Из стихов Н. С. Гумилева

СОЛНЦЕ ДУХА

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокоучей трубе побед.

Как могли мы... но еще не поздно,
Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму:
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

В дикой прелести степных раздолий,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души.

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

Возвращение поэзии Гумилева

Роман РЕДЛИХ

I

“Возвращение поэзии Гумилева”. Так озаглавлена статья Евгения Евтушенко в рубрике “Наследие и наследники” “Литературной газеты” № 20 1986 года. Превосходно написанная “двоемысленная” статья, с одной стороны, аккуратно укладываемаяся в современную литературу политику советской власти, с другой — именно этим подготавливающая издание стихов Гумилева в большой серии “Библиотеки поэта”. Только это будет не возвращение, а лишь снятие потерявшего силу партийного запрета, лишь признание значения Гумилева в русской литературе, сопровождаемое попыткой поступить с ним, как с Бунинным, подгримировать его, если не под сторонника, то все же хоть не врага большевиков.

С 1921 года, после расстрела Гумилева, стихи его перепечатывались только за рубежом. Но забыт он не был. Я помню, как в единой трудовой школе в Москве, когда на уроках литературы мы прорабатывали роман Чернышевского “Что делать?”, наш преподаватель математики, Петр Андреевич, зная мои наклонности, дал мне однажды маленький, очень изящно изданный сборник стихов: “Вот, выпиши себе, что захочешь, и верни мне завтра до уроков”. Этот сборник был изданный в Берлине “Огненный столп” Гумилева. Я переписал тогда его весь.

Евтушенко правильно отмечает, что “для многих сегодняшних молодых читателей это имя (имя Гумилева. — Р. Р.) окутано дымкой полуслухов-полулегенд” и что “из рук в руки гуляют заботливо, а иногда и небрежно перепечатываемые на машинке гумилевские стихи”. Словечки “самиздат” и “тамиздат” появились гораздо позже, но явления, обозначаемые этими словечками существуют в России с самого начала советской власти, сохраняя для будущих поколений художественное наследие, которое большевики хотели было, да так и не смогли выбросить из нашей культуры.

“Возвращение поэзии Гумилева” — повторы еще раз — никакое не возвращение. Это Хрущев хотел было возвратиться к поэзии Демьяна Бедного, да не вышло. Поэзию Гумилева наново открывает для себя каждый, кто с ней знакомится, независимо от того когда и при каких обстоятельствах происходит это знакомство. Я хорошо помню, как открывали для себя Гумилева люди в оккупированных немцами областях России, как ценились изданные в эмиграции сборники его стихов. Передо мной и сейчас лежит переизданная в лагере для перемещенных лиц карманного формата книжечка: “Николай Гумилев. Собрание сочинений в четырех томах. Стихотворения. Том первый. Ренсбург 1947”. В так называемых “ДиПи-лагерях”, в которых формировалась “вторая эмиграция”, именно Гумилева перепечатывали своими силами, наряду с букварями и учебниками по вождению и уходу за автомобилем.

Гумилев был поэтическим кумиром не только для выросшей за границей молодежи из “первой” или “старой” эмиграции. Он стал кумиром и для многих тогда еще “новых” эмигрантов. Стихи Гумилева выучивали наизусть, им подражали в плохих и неплохих юношеских и неюношеских стихотворениях. В Гумилеве любили “избранника свободы, мореплавателя и стрелка”. У Гумилева учились храбрости, самообладанию, мужеству, благородству и столь редкому ныне чувству чести. У него учились “как не бояться, не бояться и делать, что надо”, учились стоять на своем, рисковать и быть верными “нашей планете, сильной, веселой и злой”. Учились любить жизнь и любить женщин исчезнувшей ныне романтической рыцарской любовью и принимать назначенную каждому судьбу:

И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: я не люблю вас,
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти и не возвращаться больше.

Стихи Гумилева уводят от расхожих идеалов всеобщей пользы и всеобщего благополучия, уча как

... войти не во всем открытый
Протестантский прибранный рай,
А туда, где разбойник, млытарь
И блудница крикнут "вставай!"

По мнению Евтушенко "весь романтический флер, сквозь который Гумилев старался смотреть на реальность, смешивая ее с ирреальностью, окупается такими двумя строфами, изумительными по пластике, звукописи и завораживающей изобразительности:

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт.

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыплется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет".

Для Евтушенко, а точнее для МНЕНИЯ, которое он выражает, "в этих строках, да и в самом Гумилеве, есть что-то неистребимо мальчишеское от тех гимназистов, которые, начитавшись Майн Рида и Фенимора Купера, пытались бежать внутрь книг от жизни, совсем непохожей на книги. На фотографиях, где он то во фраке, то в форме прапорщика, Гумилев все равно выглядит мальчишкой, страшно старающимся быть взрослым, усиленно мужественным, важным. Наверное, именно это мальчишество и толкало его то в Африку, то под пули первой мировой, то на трибуну литературных дискуссий с громкими, хотя иногда по-детски наивно-напыщенными манифестами..."

Можно и так читать Гумилева. Но это лишь внешнее, поверхностное чтение. Ведь дело не в пластике, не в ботфортах и не в манжетах. В поэзии Гумилева есть куда более глубокий слой, и Евтушенко подходит к нему почти вплотную, когда приводит полностью "Шестое чувство" и цитирует заключительные строфы "Слова":

Но забыли мы, что осияно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Привести эти две строфы в стране мертвых слов, да еще указав, что "здесь в Гумилеве — тютчевская, почти пушкинская сила" ...

Очевидно, что Евтушенко понял в русском литературном наследии больше, чем Ленин, когда тот бичевал "архискверное подражание архискверному Достоевскому" (Соч., 4-е изд., т. 35, с. 107).

II

Евтушенко без сомнения стоит за издание стихов Гумилева в серии "Библиотека поэта", и он без сомнения знает, как его нужно гримировать, чтобы открыть дорогу этому изданию. Здесь характерно уже то списывание на "романтический флер", "смещение реальности с ирреальностью" и "неистребимо мальчишеское" позерство "вечного подростка" Гумилева, на которое именно "списываются" не только его поездки в Африку, но и два Георгиевских креста, полученные за храбрость (первый за разведку в тылу противника, второй — за спасение пулемета под артиллерийским огнем), а, по той же логике, и участие в контрреволюционном заговоре.

Правда в этом есть, но ее ровно столько же, сколько "мальчишества" в любом романтическом жизнерадостии. Списывать же личную храбрость на мальчишескую рисовку оскорбительно для памяти человека, мужественно рисковавшего жизнью и в конце концов потерявшего ее за верность своим убеждениям.

Да, Гумилев увлекался Африкой, и наша российская "особенная статья" не отразилась в его поэзии. Но на войну он пошел добровольцем, и о войне за Россию им написано "Наступление", которое позволил себе привести здесь полностью:

Та страна, что могла быть раем.
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот странный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрей взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

Что в ночь с 3 на 4 августа 1921 года Гумилев был арестован петроградской ЧК по обвинению в участии в заговоре профессора Таганцева и 25 августа расстрелян — исторический факт. К нему Евтушенко, однако, считает нужным добавить: "Нет никаких свидетельств того, что Гумилев был замешан в боевых контрреволюционных действиях. Одна эмигрантская поэтесса в своих мемуарах сообщает, что Гумилев показывал ей револьвер и пачки денег — это слишком по-мальчишески для профессионального конспиратора". Добавим и мы: эмигрантскую поэтессу зовут Ирина Одоевцева; в 1918—21 годах она жила в Петрограде и училась у Гумилева писать стихи. Мемуары ее называются "На берегах Невы" и вышли в Америке в 1967 году. О пачках денег там сказано так:

"В конце апреля (1921 г. — Р. Р.) я сидела в кабинете Гумилева перед его письменным столом, а он, удобно расположившись на зеленом клеенчатом диване, водворенном по случаю окончания зимы из прихожей обратно в кабинет, читал мне переплетенные в красный сафьян "Максимы" Военарга...

Я, как я это часто делала слушая то, что меня не особенно интересовало, слегка вдвигала и выдвигала ящик его письменного стола. Я совершенно не умела сидеть спокойно и слушать, сложа руки.

Не рассчитав движения, я вдруг совсем выдвинула ящик и громко ахнула. Он был туго набит пачками кредиток.

— Николай Степанович, какой вы богатый! Откуда у вас столько денег? — крикнула я, перебивая чтение.

Гумилев вскочил с дивана, шагнул ко мне и с греском задвинул ящик, чуть не прищемив мне пальцы.

Он стоял передо мной бледный, сжав челюсти, с таким странным выражением лица, что я растерялась. Боже, что я наделала!

— Простите, — забормотала я, — я нечаянно... Я не хотела... Не сердитесь...

Он как будто не слышал меня, а я все продолжала растерянно извиняться.

— Перестаньте, — он положил мне руку на плечо. — Вы ни в чем не виноваты. Виноват я, что не запер ящик на ключ. Ведь мне известна ваша манера вечно все трогать. — Он помолчал немного и продолжал, уже овладев собой. — Конечно, неприятно, но ничего непоправимого не произошло. Я в вас уверен. Я вам вполне доверяю... Так вот...

И он, взяв с меня клятву молчать, рассказал мне, что участвует в заговоре. Это не его деньги, а деньги для спасения России. Он стоит во главе ячейки и раздает их членам своей ячейки".

Можно, конечно, не верить Одоевцевой. Но как советский гражданин и коммунист Евтушенко, нам кажется, не должен был бы ставить под сомнение расследование петроградской ЧК. В заговоре Гумилев участвовал, но профессиональным конспиратором, увы, не был. Профессионал, во-первых, не держал бы кредитки в ящике письменного стола, а, рискуя положить их туда, — допустим временно, — не забыл бы замаскировать их и запереть на ключ. А во-вторых, когда Одоевцева их случайно обнаружила, не брал бы с нее никаких клятв и ничего не сказал бы ей о заговоре, а выложил бы безопасную легенду о происхождении и назначении этих денег. Хуже того, — выписываю из той же книги Одоевцевой, но это могла наблюдать в революционном Петрограде отнюдь не она одна, и уж наверное наблюдала ЧК: "Проходя мимо церкви, Гумилев всегда останавливался, снимал свою оленью ушастую шапку и истово осенял себя крестным знамением 'на страх врагам' ". Хорош "профессиональный конспиратор", демонстрировавший свою контрреволюционность!

Евтушенко пишет еще, что ему "не известно ни одно монархическое высказывание Гумилева и вообще монархизм в его кругу считался дурным тоном". Да, хвалебных од царствующему императорскому до-

му Гумилев не писал. Но матросам революционного Балтфлота он читал свои африканские стихи и не пропускал строк:

Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя,

а стихотворение "Воин Агамемнона" оканчивается словами:

Тягостен, тягостен этот позор
Жить, потерявши царя.

III

Но довольно о статье Евтушенко. Привести для советской власти поэтическое наследие Гумилева — задача вряд ли разрешимая. Но изгнать его из русской литературы большевикам не удалось и теперь наверняка уже не удастся. Закончим отзывом о нем его ученика и последователя Георгия Иванова из предисловия к переизданному в Париже в 1936 году сборнику его стихов "Чужое небо".

Из стихов Н. С. Гумилева

МОИ ЧИТАТЕЛИ

Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне черного копыеносца
С приветом, составленным из моих стихов.
Лейтенант, водивший канонерки
Под огнем неприятельских батарей,
Целую ночь над южным морем
Читал мне на память мои стихи.
Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подожел пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.

Много их, сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на крошке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, веселой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.

"Разумеется, судьба Гумилева могла быть иной. Его земное странствие могло не оборваться посредине. Он мог дожить до восьмидесяти лет, стать академиком и умереть окруженным почетом "при нотариусе и враче" в собственной постели. Но такой конец рисовался Гумилеву только, как заслуженный отдых после жизни, полной опасностей, борьбы, всяческого риска. Так, иногда, кончат свои дни ветеран, уцелевший в кровопролитных походах. Другой жизни, другой судьбы Гумилев для себя не представлял и, страстно любя жизнь, он олицетворял ее с предельной готовностью пожертвовать ею. Все другое, в том числе, конечно, и обычная судьба "писателя", "литератора" представлялось ему жалким прозябаньем, недостойным человека и особенно недостойным поэта.

В этом соединении взглядов на жизнь, как на битву, от которой позорно уклониться, и на звание поэта, как на самое высокое и ответственное из человеческих званий, — ключ к поэзии Гумилева, к его личности и к его судьбе".

Я не оскорбляю их невращенцей,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выеденного яйца.
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.
И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: «Я не люблю вас», —
Я учу их, как улыбнуться
И уйти, и не возвращаться больше.

А когда придет их последний час,
Ровный красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокою, милую жизнь,
Всю родную, странную землю,
И, представ перед лицом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда.

«Вестник РХД» и Россия

Интервью с проф. Н. А. Струве,
главным редактором «Вестника» РХД и директором изд-ва ИМКА-Пресс

— Никита Алексеевич, Вы редактор старейшего в Зарубежье русского журнала «Вестник РХД», основанного еще задолго до Второй мировой войны. Прежде всего — несколько слов о его истории...

— Действительно, «Вестник русского студенческого христианского движения» возник очень давно: шестьдесят с лишним лет назад — в 1925 году. Тогда это был скорее связующий бюллетень новой эмигрантской православной молодежной организации, которая в 20-х и в начале 30-х годов получила широкое распространение и жила напряженной духовной жизнью.

Но в те годы существовали и другие религиозно-философские журналы, например, знаменитый «Путь», редактировавшийся Николаем Бердяевым, позже — «Новый град», созданный Г. Федотовым. Тогда «Вестник», в основном, ограничивался вопросами, волновавшими именно РСХД. Поэтому, вместе с определенным ослаблением этой организации, наступил и кризис журнала, закрывшегося в 1935 году. Однако его издание возобновилось — на этот раз в Прибалтике — в 1937-ом, где Русское христианское движение не только студенческое, но и рабочее и крестьянское продолжало жить интенсивно. Редактором возобновленного «Вестника» стал В. В. Зеньковский, принявший священство в 1942 году. (Проф. Зеньковский с 1926 г. до своей кончины в 1962 г. был бессменным председателем РСХД.)

Война, советская и немецкая оккупации прибалтийских стран оборвали деятельность «Вестника», вновь начавшего выходить уже после войны. Журнал возник в 1948 году синхронно — в Мюнхене под редакцией о. А. Киселева и — в Париже под руководством И. В. Морозова. Новое возобновление «Вестника» было опять же связано с оживлением РСХД в послевоенный период. В связи с отъездом о. А. Киселева в Америку центром издания журнала стал Париж, где он продолжал выходить под редакторством И. Морозова.

В послевоенные годы в редакционную коллегию вошли, в частности, будущие про-

тоиереи Александр Шмеман и Иоанн Мейендорф. Следует сказать, что неоценимую помощь работе журнала тогда оказывал о. Василий Зеньковский, поначалу в редколлегиях не входивший. И я, с благодарностью к нему, вспоминаю то время, — как легко и дружно было мне, тогда человеку еще весьма молодому, с ним сотрудничать (мы писали передовицы поочередно...).

Мое собственное участие в работе журнала началось, если угодно, случайно. В 1951 году, прочитав очередной номер, я сделал в нем множество карандашных пометок, будучи недоволен тем, как журнал составлен. Свои замечания я послал в редакцию и в ответ пришло предложение о сотрудничестве. Единственным редактором я стал в 1969 году.

С 1974 года, после того как журнал получил признание в России, он начал выходить под названием «Вестник русского христианского движения», — слово «студенческий» было опущено.

— С чего началась Ваша работа над обновлением журнала?

— Вначале было по целому ряду причин трудно сделать из «Вестника» крупный и значительный журнальный орган. Трудности были прежде всего финансовые. Сказывался, конечно, и недостаток опыта. Ведь, фактически, это было возобновлением журнала после десятилетнего перерыва. Тем не менее,

начиная с 1952 года, мы старались оживить журнал передовицами и публикациями не-изданных текстов таких философов, как Л. Шестов, С. Франк и др. Помню, например, что я вступил в переписку с Иваном Александровичем Ильиным, предоставившим журналу главу из еще не опубликованных „Аксиом религиозного опыта“. В 60-е годы „Вестник“ стал набирать, так сказать, „скорость“ и превращаться в нечто более веское и живое.

— Как повлиял на работу „Вестника“ приток материалов из России? Что внесли они нового?

— Конечно, в условиях замкнутой в себе эмиграции „Вестник“ никогда бы не получил надлежащего развития. Но все же — уже изначально он нес в себе несомненно ценностное зерно и имел важную целевую духовную установку. Ведь тогда в числе наших соотрудников были Шмеман, Флоровский, Смолич, Афанасьев и другие крупные имена.

Но вот некоторые номера весьма скромного тогда „Вестника“ попали в Россию и нашли там удивительный для нас отклик. В 1968 году мы получили из России открытое письмо в редакцию, которое закрепило связь: установка „Вестника“ совпала с духовными запросами определенной части интеллигентной молодежи в СССР (см. № 89-90). „Вестник“ стал регулярно получать из России отклики, моральное подспорье и материалы для публикаций.

Журнал ведь хорош только тогда, когда находит отклик и возникает взаимная „реакция“. И она возникла — подвижная и живая... На страницах „Вестника“ зазвучали голоса из России! Вначале еще слабые, робкие. Но вот, в начале семидесятых, редакция получила из России сплотку статей, объединенных общей идеей: они были опубликованы в № 97. Это был своеобразный сборник на тему: куда идет религиозное возрождение, какие оно носит черты, как соотносятся коммунизм и Россия, православиe и марксизм. Эти столь жгучие и коренные вопросы для судеб России были поставлены ребром, остро и полемично. „Вестник“ превратился как бы в голос России. И это получило значительный резонанс не только на Западе, но и в Советском Союзе: ответом на публикацию в „Вестнике“ № 97 был сборник „Из-под глыб“ под ред. А. И. Солженицына, написавшего для него три ярких статьи.

— Как отразилась полемика „Из-под глыб“ на концепции журнала в дальнейшем?

— Некоторые статьи „Из-под глыб“ действительно полемичны. Но публикация статей из России, в 97 номере, не означала обязательно полного согласия с ними. Об этом, кстати, я упомянул в редакторской передовой к 97-му номеру.

Вы сказали „концепция“, но „концепция“ — понятие отвлеченное, для журнала больше подходит слово *направление*, *облик* и *к*. И вот постепенно, далеко не сразу, стал вырисовываться облик „Вестника РХД“, независимо от полемики и споров на его страницах. Вот об этом облике журнала и стоит поговорить.

Вы упомянули, что „Вестник“ старейший журнал русского Зарубежья. Некоторые считают его и лучшим, хотя сама я совершенно не обошлась на этот счет. Я бы сказал так: „Вестник“ имеет четкое духовное направление, у него есть точка отсчета. Все вопросы — богословские, философские, историко-философские и литературные — подчинены главному: *христианскому пониманию мира*. „Вестник“ не литературный журнал, — но и не чисто богословский. Он нечто своеобразное, до него не существовавшее. Но в нем прослеживаются традиции религиозно-философского возрождения начала нашего века, основной пафос которого был направлен на соединение творчества и Спасения, мира и Церкви, лучшего, что есть в мире, — с религиозным преданием. Этот основной пафос религиозного возрождения, это направление мы и стараемся продолжить в „Вестнике“.

„Вестник“, начиная с № 100, стал толстым журналом, даже немного тяжеловесным. Материал дается плотно, подчас на трехстах страницах, потому и выходит ныне лишь три номера в год вместо обещанных четырех. Но дело, конечно, не в толщине журнала, а в том, что, впервые в истории русской журналистики, мы имеем дело с журналом, сочетающим, на равных началах, три отдела: богословско-философский, литературный и общественно-публицистический. В каком-то смысле мы имеем три журнала в одном. Такое построение, на первый взгляд, может показаться искусственным. Но именно в том мы и видим свою задачу: читатель должен ощутить *взаимопроникновение* всех сфер культуры, *восходящих* в итоге к *трансцендентному*, к религии, к культуре (слово куль-

тура — производное от культа). Ведь и наша гражданская, секуляризованная история входит в историю, которую Бог задумал о человеке и которую человек творит, подчиняясь высшим ценностям или от них отходя.

— Какие надежды Вы возлагали на русское религиозное возрождение в 70-х годах?

— Видите, это были не надежды, это было удивительное открытие. То, чем мы жили тут, чем жила русская, пришедшая к религии интеллигенция до войны, до революции и, затем, в эмиграции, — вдруг нашло живой отклик в современной России.

В начале 60-х годов я написал, по-французски, книгу о положении христиан в Советском Союзе и, изучая источники, тогда уже пришел к выводу, что, несмотря на попытку полного уничтожения, Церковь выжила, и выжила не так ущербно, как можно было опасаться. И все же, когда я почувствовал, услышал этот отклик молодежи на „Вестник“, на о. Сергия Булгакова, Бердяева, на всех корифеев русской духовной жизни нашего века, я отнесся к этому как к настоящему чуду, как к оправданию „сидения“ в эмиграции, а для детей эмиграции, их каким я принадлежу, — к оправданию их верности духовным идеалам дореволюционной России. Сам факт жизни Церкви, неумирания религиозного поиска — был для нас стимулом к деятельности и оправданием нашего бытия.

— На кого Вы внутренне ориентируетесь, готовя очередной номер: на потенциального читателя в России или на подписчика здесь?

— Очевидно, когда, например, писатель пишет книгу, он одновременно видит перед собой и некоего гипотетического читателя — нет. Так и с журналом: невозможно ориентироваться на читателя вообще. Журнал скорее имеет дело со своими сотрудниками, а вернее, с поступающим материалом, который нуждается в соответствующей „режиссуре“. Потому не могу сказать, что редакция „Вестника“ имеет в виду конкретного читателя тут или там. На самом деле, интересное здесь должно интересовать и Россию и, наоборот: ценное в России — ценно и здесь. Но даже и менее ценное в России, но приходящее из нее к нам — здесь выигрывает в ценности, ибо освещает нам происходящее в далекой и закрытой стране. В этом смысле выбор „для кого“ перед нами не стоит.

— С конца 60-х годов „Вестник“ стал много внимания уделять А. И. Солженищину, его творчеству, мировоззрению, публицистике. Тогда Солженищину жил еще в СССР. И вот — он на Западе. Таким ли Вы его себе представляли?

— Таким ли я себе представлял Солженищину? Когда я встретился в Париже с Ахматовой, она спросила: „А Вы думали, что Ахматова такая?“. На этот вопрос мне было трудно ответить однозначно — конечно, я знал, что встрече великого поэта, и тем не менее встреча превзошла мои ожидания. Нечто сходное я могу сказать про встречу и про уже 12-летнее сотрудничество с Александром Исаевичем. С одной стороны, всем его творчеством я был подготовлен к его образу, к его видению мира. С другой стороны, — и с ним личная встреча превзошла все предварительные представления.

Конечно, „Вестник“ может только гордиться, что Александр Исаевич с ним сотрудничал, находясь еще в России, а, приехав сюда, решил сотрудничать регулярно. Начиная со 111-го номера (а сейчас вышел уже 146-й), в каждом номере журнала появляются или неизданная глава из „Узлов“ его „Красного колеса“, или публицистическая статья, или им произнесенная речь... В последние годы на страницах „Вестника“ опубликованы такие блестящие полемические эссе Солженищина, как „Наши плюралисты“ и „...Колелет твой треножник“. На страницах „Вестника“ наша место и полемика с Солженищным: достаточно вспомнить статью о Александре Шмемана о старообрядчестве, я писал о понимании Солженищным авторитарного строя, далеко не всегда соглашаясь с его критикой демократии.

— Никита Алексеевич, Вы не только редактор „Вестника“, но и директор издательства ИМКА-Пресс. Что делает Ваше издательство, чтобы разрушить леволиберальные клише, навешанные на нашу историю?

— Видите, леволиберальное искажение русской истории получило весьма значительный корректив еще в начале века в самой России, а потом — в эмиграции. Совокупность книг, изданных ИМКА-Пресс между двумя войнами, а потом после Второй мировой войны, на мой взгляд, как раз — свидетельство о России подлинной, без предвзятого мнения, которое так мешает, в частности, людям на Западе, понять процессы, происходящие в России и с Россией.

Для верного понимания России также чрезвычайно важно издание книг, не могущих увидеть свет в Советском Союзе. Я счастлив, что в нашем издательстве впервые вышло и переиздавалось „Собаچه сердце“ Михаила Булгакова. Хотя Булгаков реабилитирован и книги его издаются, — „Собаچه сердце“ в его официальной биографии даже не упоминается. Я также счастлив, что мы издали книгу А. Платонова „Чевенгур“, публикация которой в СССР пока маловероятна; вышли романы Домбровского, „Записки об Ахматовой“ Л. Чуковской, „Воспоминания“ Надежды Мандельштам. Всякое цельное, подлинное, сильное литературное слово направлено на восстановление культурной и исторической памяти. Я уже не говорю об „Архипелаге ГУЛаг“ и томах „Узлов“ — все творчество Солженицына направлено на восполнение тех, порожденных революцией, пробелов, с помощью которых идеократия сознательно и насильно искажает представление о России.

Эта работа продолжается рядом исторических серий, в самом непосредственном смысле задуманных и выполняемых Солженицыным. В серии „Исследования новейшей русской истории“ вышло уже пять книг, среди них Леонтовича „История либерализма в России“, Каткова „Февральская революция“. Серия „Всероссийская мемуарная библиотека“ возникла в ответ на призыв Солженицына к русской эмиграции рассказать о пережитом. В этой серии вышло также пять книг, живые свидетельства того, чем была Россия до революции.

— Насколько известно, приток свежего творчества из России сейчас весьма сократился. Где найти выход, чтобы „Вестник“ не превратился в некий культурно-религиозный реликт, чтобы он по-прежнему оставался живым и злободневным?

— Смею надеяться, что омертвения не случится. Трудно себе представить, что всякая связь с Россией иссякнет, как это было при сталинизме. Кажется, что это теперь и психологически невозможно. Конечно, если вновь упадет железобетонный занавес, — эмигрантская жизнь делается ущербной. Этого не произошло в тридцатых годах — русская эмиграция была еще сильна старыми традициями. В ее среде были выдающиеся мыслители, писатели. Это было большое общество, жившее своей внутренней жизнью, но и она пошла на убыль в конце 30-х годов. Для нас же этот вопрос очень серьезный, но хочется

верить, что к страшным временам, уже искалечившим Россию, теперь нет возврата.

— Мой последний вопрос, так сказать, футурологический. Верите ли Вы в освобождение России от тоталитарного ига и, если да, то в какие сроки и каким образом оно может произойти?

— В этом вопросе скрещиваются два пути возможного освобождения. Один — полное освобождение и от коммунистической власти, и от того гнета — духовного, умственного, морального, уже не говоря о политическом, — который власть наложила на Россию и на все народы, населяющие СССР. Такое полное, политическое освобождение, мне кажется, увы, в ближайшем будущем маловероятным. Оно может произойти лишь в результате потрясений. Естественно, что внешнее потрясение, есть война, никто не желает. А внутри — потрясения не допустят власти. Если начать чисто экономические, но радикальные реформы, то они неизбежно приведут к падению коммунизма. И потому реформы, вероятно, не будут проведены еще долго.

Но есть другой путь освобождения — более тайный, внутренний, медленный, но и верный: освобождение умов и сердец. Такое освобождение никогда и не прекращалось — оно было и в лагерях, и в подполье, и в слюях „внутренних эмигрантов“. Спротивление существовало даже в самые страшные годы. В хрущевские времена началось стихийное освобождение умов от идеологического гнета. Но тогда же усилился гнет власти над русской Церковью. С падением Хрущева внешне приостановилась стихийность, но не само освобождение. Несмотря ни на что, религиозное возрождение продолжается. Культура становится независимее и глубже. Причем этот процесс протекает вовсе не в одном самиздате, он виден и в официальных публикациях: выходят книги, совершенно свободные от марксизма и пропаганды. От вульгарного социологизма 30-х годов не осталось камня на камне. Все это несомненно свидетельствует о том, что значительная часть мыслящей интеллигенции освободилась от гнета коммунизма или высвобождается из-под него.

Идеологическая пропаганда власти — лишь политическая шапка и не ею определяется сегодня духовная жизнь страны.

Интервью взял Ю. Кублановский.

«Побеждать злую разобщенность мира сего» (II)

Заметки о социальном учении и практике христианской Церкви

Прот. К. ФОТИЕВ

Всякое развитие христианской — в том числе и социальной — богословской мысли было насильственно прервано в России октябрьской революцией по крайней мере в том смысле, что издание богословских книг и журналов стало невозможным. Отдельные богословы и мыслители религиозного направления продолжали писать, но без надежды, что написанное ими будет опубликовано. Лишь сравнительно недавно смогли мы прочесть в издаваемых Московской Патриархией "Богословских трудах" часть того, что, до своего ареста в 1933 г., смог написать великий православный богослов о. Павел Флоренский. В этом же издании была опубликована написанная в эмиграции книга В. Н. Лосского "Мистическое богословие восточной Церкви".

Но тема социального учения Церкви была и остается в Советском Союзе под запретом уже потому, что это учение с неизбежностью вступило бы в конфликт с марксистским учением об обществе.

О социальном аспекте христианского вероучения продолжали думать и писать православные богословы-эмигранты. В начале 30-х годов в Париже начал выходить журнал "Новый Град", его издание было прервано лишь нацистской оккупацией Парижа в 1940 г. Вдохновителем и главным редактором этого журнала был историк-медиевист и православный богослов Г. П. Федотов: в Св. Сергиевской Духовной Академии в Париже Федотов преподавал историю Западной Церкви и агиологию — науку о прославленных Церковью святых.

По своим политическим убеждениям Г. П. Федотов был христианским социалистом*. Он неоднократно указывал на то, что лишь в силу злой случайности социализм

в истории оказался связанным с экономическим материализмом. У Маркса и Ленина этот экономический материализм нашел свое предельное выражение в идее классовой борьбы. У Гитлера — согласно Федотову — тот же экономический материализм (и ненависть к христианству как "еврейской религии") сочетался с идеей расового превосходства немецкой нации над всеми остальными. Г. П. Федотов и его единомышленники — такие, как философ и социолог Ф. А. Степун и, отчасти, Н. А. Бердяев и Б. П. Вышеславцев, также писавшие в журнале "Новый Град" — решительно отвергали не самую идею социализма, а лишь искажение этой идеи у Маркса, Ленина и Гитлера. Федотову принадлежит изречение, в котором нашла свое выражение стержневая идея его христианской социальной философии: "спасти правду социализма правдой духа, и правдой социализма спасти мир".

В журнале Федотова "Новый Град" мы находим подробный анализ всех социальных движений между Первой и Второй мировыми войнами. Можно без колебания сказать, что большинство этих оценок остаются актуальными и поныне. Как Сталин, так и Гитлер — говорит Федотов — незаконно присвоили себе право называться социалистами. Социализм, как его понимали Федотов и его единомышленники, неотделим от принципов открытого, демократического общества и правового государства. Социализма нет там, где нет четкого разделения между властями законодательной, исполнительной и судебной, где нет свободы совести и независимой от правительства печати. Указывал Г. П. Федотов и на то, что новые элементы социального мышления проникают и в законодательство даже такой страны классического капитализма, как Соединенные Штаты. К этим элементам Федотов относит введенное при президенте Рузвельте обязательное по закону социальное страхование. Тот же Рузвельт, преодолев сильнейшее сопротивление в Конгрессе и Сенате США, провел

* Статьи Г. П. Федотова, уже после его кончины (он умер в США в 1951 г.) были изданы его дочерью Н. Г. Рожанковской: "Лицо России" (1967 г.), "Россия, Европа и мы" (1973 г.) и "Тяжба о России" (1982 г.) — все в ИМКА-Пресс, Париж.

закон, согласно которому экономически слабые части страны получали финансовую помощь на свое развитие не только из штатных, но и из федеральных средств. Еще до Рузвельта, сразу же после Первой мировой войны, в Соединенных Штатах был введен прогрессивный подоходный налог — при этой системе налогообложения стала невозможной концентрация огромных капиталов в руках отдельных промышленников.

В журнале "Новый Град" мы находим также подробный анализ новейших течений в области социальной мысли римо-католической Церкви, которая тогда, как и сейчас, призвала к законодательному ограничению классического капитализма и к развитию христианских профсоюзов.

Исторические обстоятельства, в которых вынуждены были существовать православные Церкви восточной Европы и Ближнего Востока, никак не способствовали тому, чтобы христиане этих стран могли оказывать свое положительное влияние на установление более справедливого социального порядка. В коммунистических странах сегодня даже простая церковная благотворительность запрещена законом. Христиане могут помогать страждущим и обездоленным только тайно, общественного звучания их голос не имеет.

Христианские школы, больницы и приюты на Ближнем Востоке либо разрушены в гражданской междоусобице, либо бездействуют.

В лучшем положении, из числа православных стран, находится Греция. Эта страна всегда была беднее других стран западной и центральной Европы. Греция очень пострадала в годы Второй мировой и гражданской войн, пережила тяжелейший экономический кризис и из монархии превратилась в республику. В настоящее время Грецией правят социалисты, которые стремятся отделить Церковь от государства, а в конечном итоге — вытеснить Церковь в область "частного дела". Но даже при недавней диктатуре "черных полковников" государственная власть в Греции не пыталась притеснять Церковь и христиане могли свободно действовать в культурной и социальной сферах. Еще до Второй мировой войны в Греции возникли две организации православных мирян — "Зои", что значит по-гречески "Жизнь", и "Апостолики диакония" — "Апостольское служение". Уставы этих орга-

низаций утверждены иерархией православной Церкви Эллады и духовенство оказывает их деятельности благодетельную поддержку. Но главную роль в деятельности этих организаций играют активные и преданные Церкви миряне. "Апостолики диакония" занята, в первую очередь, внутренней христианской миссией среди греческого населения, а "Зои" и тесно связанные с ней христианские профсоюзы преследуют, в первую очередь, социальные цели. Через парламент они добиваются более справедливого социального законодательства, от муниципалитетов они требуют создания новых больниц и питательных пунктов для немущих. В Греции довольно часто бывают землетрясения — летучие отряды братства "Зои" первыми спешат на место очередной катастрофы для оказания помощи пострадавшим.

В журналах и книгах, которые издает братство "Зои", постоянно проводится мысль, что социальное служение и воздействие на законодательную и исполнительную власть — дело мирян, а не духовенства, задача которого — прежде всего пастырское служение.

В других православных странах Балканского полуострова, которые находятся под коммунистическим владычеством, возможности христиан заниматься делом социального служения предельно урезаны.

Но только в Советском Союзе — да еще в "первом атеистическом государстве мира", в Албании — эти возможности практически сведены к нулю. Больше того — власти в Советском Союзе навязывают представителям православной Церкви высказывания, в которых начисто отрицается сам факт, что христиане призваны к активному социальному служению людям.

Вскоре после окончания Второй мировой войны, в 1948 г., в Москве была созвана церковная конференция, в работе которой приняли участие и православные иерархи и богословы из других стран. Московский священник Разумовский выступил на этой конференции с докладом, который можно рассматривать как первое проявление той "программы действия", которую советская власть хотела навязать Церкви. Если Церковь невозможно уничтожить, то нужно ее использовать в интересах власти — в первую очередь в смысле пропагандного воздействия на общественное мнение западного мира. После тех страшных гонений, которым

подверглась Церковь в последние годы правления Хрущева, власть снова вернулась к этой изначальной политике.

Свое выступление священник Разумовский начал с указания на то, что для христианина нет и не может быть более высокого авторитета, чем евангельское учение. Но тут же он добавил: "но это относится лишь к области души и духа, а вся ответственность за материальную сторону жизни принадлежит государству, которое в своих действиях несет ответственность перед Богом". Поистине — странное утверждение, если вспомнить, что речь, в данном случае, идет о государстве не только атеистическом, но и воинственно безбожном! Но сам замысел ясен — в "материальную сферу" с христианскими принципами соваться нельзя: эта область принадлежит "кесарю" и только ему. Но, как правильно отметил Н. А. Бердяев, к экономической области принадлежит лишь вопрос "*хлеба для меня*" — а область "*хлеба для других*" есть уже вопрос не экономический только, а нравственный, т. е. принадлежащий к сфере духовной. В своем дальнейшем изложении священник Разумовский договаривается даже до того, что понятия справедливости, равенства, свободы — не христианские понятия по самой своей природе. Они, якобы, до конца принадлежат к области светской культуры и, если верить священнику Разумовскому, даже не подлежат нравственному суду Церкви. Христианин призван, согласно этим рассуждениям, не к тому, чтобы бороться с несправедливостью — ибо все равно "мир лежит во зле" — а лишь к тому, чтобы творить добро.

Нет нужды говорить, что подобное утверждение есть насилие над благой вестью Евангелия. Враги Церкви, воинствующие безбожники, стремятся не только к тому, чтобы, в конечном итоге, задушить Церковь. Они хотят, для начала, чтобы Церковь потеряла внутреннюю силу, утратила свое воздействие на судьбу и нравственный облик людей, превратилась в религию, занятую исключительно только "спасением души" и равнодушную к судьбе общества.

Однако лукавая "аргументация", которую безбожная власть вкладывает в уста служителей Церкви, этим не исчерпывается. В своем докладе священник Разумовский утверждает далее, что Христос послал Своих учеников проповедовать всему миру — но благая весть, которую им оставил и завещал

их Учитель, обращена, якобы, лишь к народам, а никак не к правителям народов. Говорит священник Разумовский также, что Христос завещал Своим апостолам и последователям уклоняться от всякого зла и делает из этого вывод: "если социальная несправедливость есть зло — потому, что мир, как таковой, лежит во зле — то уже одно это указывает на то, что социальная несправедливость не относится к той сфере, которой призвана заниматься Церковь". Эта загадочная фраза, которую я привожу дословно, содержит в себе не только противоречие по отношению к евангельскому учению. Она путает карты и в области того пропагандного воздействия на общественное мнение Запада, которое советская власть навязывает Церкви. Если социальная несправедливость есть область для Церкви чуждая, ибо мир все равно "лежит во зле", то почему же церковные иерархи вынуждены выступать в защиту негров в Южной Африке и в Соединенных Штатах или гневно вещать о судьбе безработных "в странах капитала"? Очевидно, что настоятельный призыв не касаться вопросов социальной несправедливости относится лишь к положению в Советском Союзе. Ведь еще Сталин авторитетно пояснил: противоречия в советском обществе "имеют место", но они — мирные по самой своей природе, антагонистическими они быть не могут. Почему? Да вот так — не могут.

В заключительной части своего доклада священник Разумовский вынужден говорить уже совсем странные вещи. Он заявляет, что улучшение социальных условий, в которых живут люди, как и экономическая обеспеченность людей имеют весьма сомнительную ценность с точки зрения христианского нравственного учения. Ибо, если повсюду будут царить справедливость и экономическое благополучие, то, как дословно говорит священник Разумовский: "не останется уже места для жертвенной любви, к которой столь настоятельно призывает нас Христос". А последний вывод, к которому он приходит, звучит уже совсем чудовищно: так как мир все равно "лежит во зле", то нет нужды пытаться победить такие явления, как жадность и зависть, которые падшему человеку присущи.

Подробно излагая содержание доклада священника Разумовского, я отнюдь не хочу бросить камень в православного пастыря —

тем более, что, весьма возможно, его уже нет в живых. Пусть Бог на Своем суде вспомнит его пастырское служение, а не те "словеса лукавствия", которые он вынужден был произносить. Но то, что ему вложили в уста враги и гонители Церкви, не может остаться без возражения.

Вернемся к столь ясному и недвусмысленному тексту Евангелия. Христос в Своей проповеди не только возвещает людям новую жизнь Царства Божьего, но и сурово осуждает всех тех, кто, в черствости сердца, противится тем истинам, которые составляют сущность этого Царства. В своих гневных обличениях Христос обращается, в первую очередь, к верхушке современного Ему общества — к богатым, к книжникам и фарисеям, надменно убежденным в том, что Сам Бог призвал их быть вождями Своего народа. Посылая Своих учеников на проповедь, Христос повелевает им "учить все народы" — в евангелии от Марка сказано даже, что они должны "проповедовать Евангелие всей твари". Мы нигде в Евангелии не найдем указания на то, что к "правителям народов" эта проповедь — и тот суд, который она в себе содержит — не относится. Христос уклонился от того, чтобы возлагать борьбу евреев за освобождение от римского владычества и столь явственно свидетельствовал, что худшая из всех возможных

форм рабства — власть греха и порожденной им смерти. Апостолы Христа готовы были признавать любую власть — сторонниками анархии или чисто политической борьбы они не были. Но они возвышали свой голос против всех владык — иудейских и римских — если те противились проповеди Евангелия и пытались распространению этой "благой вести" помешать.

По этому же пути шли великие христианские иерархи древности. Св. Афанасий Великий семь раз подвергался ссылке. Св. Иоанн Златоуст и отцы Церкви, которые боролись с императорами-иконоборцами и обличали всех земных властителей, терпели за эти обличения тюрьму, пытки и ссылку. *Иного пути не было и у исповедников Русской православной Церкви в XX веке, начиная с патриарха Тихона.* О них не мог не знать священник Разумовский, но ему и его собратьям в Советском Союзе запрещено о них вспоминать.

Попытку изобразить Церковь как нечто, стоящее вне всех мирских дел, опровергает, как я уже говорил выше, и судьба священнослужителей всех вероисповеданий в Советском Союзе. Они вынуждены постоянно высказываться по вопросам политическим и социальным, но только в угодном для богоробоческой власти духе.

● СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

П. А. Столыпин

75 ЛЕТ СО ДНЯ УБИЙСТВА

Петр Аркадьевич Столыпин, председатель Совета министров русского правительства в 1906–1911 гг., был смертельно ранен выстрелом эсера Богрова; скончался 5 (18) сентября 1911 г. и похоронен в Киево-Печерской Лавре близ Успенского собора.

Покушение на Столыпина произошло 1 (14) сентября в киевском театре, где присутствовал государь Николай II и ставилась опера „Жизнь за царя“ („Иван Сусанин“). Пел Шаляпин. В Киеве проходили торжества — открытие памятника Александру II в связи с 50-летием начала его реформ.

А. Солженицын в „Красном колесе“ („Повесть о выживших в отмеренных сроках“, как он

его называет), в Узле I — „Август четырнадцатого“, много страниц посвятил личности и реформам Столыпина, их значению для России, его политическому одиночеству в придворном Петербурге, его кончине. И лучшей передачей трагизма обстановки и убийства Столыпина мы не знаем:

„Доставало ему о чем подумать в эти нелепо теряемые для работы дни, в первый день рабочего сентября, осени, в которую должна была решиться его Реформа.

Во втором антракте к нему подошел попрощаться Коковцов — он, счастливый, уезжал в Петербург, в министерство.

— Возьмите меня с собой, — пошутил Столыпин грустно. — Мне тут нехорошо. Мы с вами тут лишние, прекрасно обошлось бы и без нас.

Всегда это был — капризный, упрямый министр, которого надо было постоянно улаживать, потому что он видел роль министра финансов не в развороте бюджета для могучего хода России, а в задержке грат, в сохранении денег. Но сейчас так освежительно было видеть делового человека.

И в этом антракте Столыпин тоже не вышел из душоного зала, да некуда было идти. Он стал у барьера оркестра, локтями назад на него опершись, грудью к проходу. Он был в облегченном белом сортуке (а как бы стиснуто и жарко в броне!).

В зале оставались немногие, проход был пуст до самого конца. По нему шел, как извивался, узкий длинный, во фраке, черный, отдельный от этого летнего собрания, сильно не похожий на всю публику здесь.

Столыпин стоял беседовал с пустым камергером, который не считал потерей еще беседовать и рядом стоять с этим премьер-министром, никто более важных не подошел.

Они оба — угадали одновременно преступника на его последних шагах! Это был долголиций, сильно настороженный и остроумный — такие бывают остроумными — молодой еврей.

Угадали — и камергер бросился в сторону, спасая себя.

А Столыпин — снял локти с барьера — вперед! — руки вперед и броситься вперед, самому перехватить террориста, как он перехватывал прежде!

А тот уже открыл наставленный черный браунинг — и что-то косо дернулось в его лице — не торжество, не удивление, а как бы невысказанная острота.

Ожог — и толчок назад, опять спиной к барьеру.

И — второй ожог и толчок.

Как будто выстрелами пришли Столыпина к барьеру — он теперь свободно стоял.

Террорист, змеясь черной спиной, убежал.

И никто за ним не гнался.

Кто-то крикнул: „Держите его!“ — кажется, да, это был надтреснутый голос Фредерикса, близко тут.

Столыпин стоял. Подвинуться он не мог, а стоял легко.

Сколько охотились — все-таки достали.

Он еще не почувствовал ничего, стоял как нетронутый, а уже знал и понял: смерть.

Ранило еще и само выражение тонкого убийцы.

Столыпин стоял все один.

Подбежал профессор Рейн.

Да, вот, расплывалась и густела кровь по белому сортуку справа, большим пятном.

А под пятном, в этом месте, было тепло.

Столыпин поднял глаза вправо, выше над собою он чувствовал там или помнил и теперь искал.

Вот Он: стоял у барьера ложи и с удивлением смотрел сюда.

Что же будет с...?

Столыпин хотел его перекрестить, но правая рука не взялась, отказалась подняться. Злополучная, давно больная правая рука, теперь пробитая снова.

Что же будет с Россией?..

Тогда Столыпин поднял левую руку — и ею, мерно, истово, не торопясь, перекрестил Государя.

Уже и — не стоялось.

Выстрел — для русской истории несколько не новый.

Но такой обещающий для всего XX века.

Царь — ни в ту минуту, ни позже — не спустился, не подошел к раненому.

Не пришел. Не подошел.

А ведь этими пулями была убита уже — династия.

Первые пули из екатеринбургских”.

(А. Солженицын. Собр. соч. т. 12, сс. 248—250)

Этими выстрелами, как некогда убийством Александра II, были прерваны столь необходимые для преобразования и укрепления России реформы. И так же, как незавершенные реформы XIX века создали предпосылки для революции 1905 года, так и убийство Столыпина открыло путь к революции 1917 года. Столыпин понимал, что ему противостоят силы, желающие развала российской государственности, чтобы „на этих развалинах строить неведомое нам отечество”. Но Столыпин верил в правильность своего пути, начав реформы, пока еще бушевал революционный разгул: „Еще 10—15 лет, и революционеры уже ничего в России не возьмут”.

Он хотел не сословные, а гражданские нововывы и взаимоотношения в государстве:

„В тесном сближении земств, городов и правительства я вижу будущее России”.

Обращаясь к Думе, он говорил:

„Нельзя только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы, мы призваны освободить наш народ — от нищеты, от невежества, от бесправия!”

Он думал о широком преобразовании во всех отраслях общественной и государственной жизни — укрепление земств, народное образование, религиозные свободы, освоение Сибири, международное сотрудничество, самостоятельность Польши, и многое другое. Реорганизацией полиции он должен был заняться после возвращения из Киева.

П. А. Столыпин

Начал Столыпин с крестьянской реформы. В ней он видел основу всех намеченных им преобразований, считая необходимым сделать крестьянина равноправным гражданином и экономически независимым хозяином своей земли и труда. Он хотел:

„Поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю. Земля – это залог нашей силы в будущем. Земля – это Россия!”

И поэтому:

„Правительство желает видеть крестьянина богатым, достаточным, а где недостаток – там и просвещение, там и настоящая свобода. Для этого надо дать возможность способному трудолюбивому крестьянину, соли земли русской, освободиться от нынешних тисков, избавить его от кабалы отживающего обшного строя, дать ему власть над землей”.

Над программой переустройства России Столыпин усиленно работал, предполагая, что она будет осуществляться ступенчато и

переустройство завершится к 1927-1932 годам. Но российская государственность рухнула в октябре 1917 года, и те, о которых Столыпин пророчески сказал –

„Им нужны – великие потрясения, нам нужна – великая Россия”, –

начали осуществлять свою программу, приведшую страну в состояние ползучей рухуи.

В 1911 году, после убийства Столыпина, разработанная им программа была увезена правительственной комиссией. И, надо полагать, вместе с архивами царского правительства попала в архивы советские. Так не пора ли ее рассекретить и сделать достоянием сегодняшнего нашего общества, бьющегося в тисках и ищущего выхода в реформах?

И не пора ли, вместе с восстановлением разрушенного собора Успения Пресвятой Богородицы, восстановить и могилу Столыпина?

Е. М.

В ПЕЧАТИ

А. П. Столыпин

НА СЛУЖБЕ РОССИИ

Известный публицист, сын премьер-министра П. А. Столыпина, А. П. Столыпин написал интересную книгу. Это – мемуарные очерки о жизни эмиграции, о России, о интересных людях – политических и общественных деятелях. Книга эта и о зарождении НТС как национально-патриотического объединения молодежи в условиях российского Зарубежья, о развитии НТС, его деятельности, направленной на поддержку освободительной борьбы в России. Полувековой путь НТС – уникальное, уже по своей «долгожительности», явление для политической эмиграции вообще, российской в частности.

В хорошо документированной книге автор живым языком ведет рассказ о малоизвестной в России частичке ее истории.

1986

304 с.

33 нм

Власовские руководители перед судом

Сорок лет назад, в августе 1946 года в Москве были осуждены и казнены руководители массового антикоммунистического Российского освободительного движения времен Второй мировой войны, возглавленного генералом А. А. Власовым. Какими путями они оказались в руках советских карательных органов?

В конце войны, при разгроме Германии, руководители движения пытались спасти кадры российских антикоммунистических борцов, предлагая западным демократическим державам интернировать их в качестве особой группы военнопленных. Судьбы их, однако, были решены иначе. Массы людей были выданы на расправу сталинским палачам. И в первую очередь этот трагический путь прошли руководители движения.

Одни из них были захвачены, тем или иным путем, советскими карательными органами на чешской территории, которую американцы уступили советским войскам, преградив пути ухода на запад (захвачены А. А. Власов, Ф. И. Трухин, С. К. Буянченко, Г. А. Зверев). Другие направились на переговоры с американским командованием, но были арестованы и потом выданы советским властям (выданы В. Ф. Малышкин, Г. Н. Жиленков). В. И. Мальцев, вместе с его Школой летчиков взятый в плен американцами, был американской разведкой передан советской разведке, увезен в советский лагерь Борегар во Франции и оттуда отправлен в Москву. М. А. Меандров оставался со вверенной ему Офицерской школой на юге Германии, откуда в феврале 1946 года весь оставшийся состав лагеря (Платлинг) отправили на восток насильственным путем, с избиениями и кровавыми расправами (не считая попыток самоубийства). О судьбах других подсудимых нельзя сказать что-либо определенное.

Политическая наивность и близорукость правителей западных демократических государств, а также сознательная коллаборация со сталинской тиранией в их аппарате создали трагедию, последствия которой трагичны для нашего народа, для демократических стран, для всего мира. (Подробнее о Власовском движении см. в „Посеве“ №№ 4 и 5 за 1985 год: А. Артемов. „НТС и Освободительное движение времен войны“.)

2 августа 1946 года в газете „Известия“ № 181 было опубликовано следующее Сообщение ТАСС:

„От Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

На днях Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело Власова А. А., Малышкина В. Ф., Жиленкова Г. Н., Трухина Ф. И., Закутного Д. Е., Благовещенского И. А., Меандрова М. А., Мальцева В. И., Буянченко С. К., Зверева Г. А., Корбукова В. Д., Шатова Н. С. по обвинению в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза, то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58–1, 58–8, 58–9, 58–10 и 58–11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Все обвиняемые признали себя виновными в смысле предъявленных им обвинений.

В соответствии с пунктом I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых

Власова, Малышкина, Жиленкова, Трухина, Закутного, Благовещенского, Меандрова, Мальцева, Буянченко, Зверева, Корбукова и Шатова к смертной казни через повешение.

Приговор приведен в исполнение“.

Не говоря уже о Хабаровском процессе японских военных, который проводился открыто (в декабре 1949 года, после длительного выяснения всех обстоятельств),

даже в приговоре той же Военной Коллегии по делу военачальников казачьих частей („Правда“ 17.1.47) было сказано, что судили и осудили не просто „агентов германской разведки“, но „главарей вооруженных белогвардейских частей в период гражданской войны“ атамана Краснова П. Н., генералов Белой армии Шкуро А. Г., Султан-Гирея, Краснова С. Н., Доманова Т. И. и генерала германской армии фон-Панвиц Г. — за то, что они, помимо „активной шпионско-диверсионной и террористической деятельности против СССР“, в период войны „вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза“.

Из обвиняемых на суде 1946 года советские граждане могли знать лишь Власова — советского генерала, защитника Киева и Москвы. Остальные фамилии с инициалами не были широко известны, и в чем, конкретно и полностью, этих людей обвиняли по перечисленным статьям, в Сообщении ТАСС не говорилось. Но советские граждане в сталинские времена хорошо знали, что такое вообще статья 58, которая включала в себя политическую агитацию, пропаганду и организационную деятельность с целью свержения существующего строя.

*Руководители КОНР на суде (в первом ряду слева направо):
А.А. Власов, В.Ф. Малышкин, Ф.И. Трухин, Г.Н. Жиленков
(Из книги „Советская прокуратура“, Москва, 1982)*

В действительности это были руководители Освободительного движения народов России, возглавленного генералом Власовым:

советский генерал-лейтенант Власов Андрей Андреевич — председатель Комитета освобождения народов России (КОНР);

генерал-майор Малышкин Василий Федорович — заместитель Власова, начальник Главного организационного управления КОНР;

генерал-лейтенант Жиленков Георгий Николаевич — начальник Главного управления пропаганды;

генерал-майор Трухин Федор Иванович — начальник Штаба Вооруженных сил КОНР;

генерал-майор Закутный Дмитрий Ефимович — начальник Главного гражданского управления;

генерал-майор Благовещенский Иван Алексеевич — первый начальник Школы пропаганды, потом комендант штаба КОНР;

полковник Меандров Михаил Алексеевич — начальник Офицерской школы;

полковник Мальцев Виктор Иванович — начальник Военно-воздушных сил КОНР;

полковник Буняченко Сергей Кузьмич — командир Первой дивизии;

полковник Зверев Григорий Александрович — командир Второй дивизии;

подполковник Корбуков Владимир Денисович — начальник отдела связи ВС КОНР;

подполковник Шатов Николай Степанович — инспектор по вооружению.

Привлечение последних двух, видимо, свидетельствует, что более высоких руководи-

телей в руках советских карательных органов тогда не было.

Все эти люди — из советских граждан, и далеко не из простых. Вот их послужные данные:

Власов (1900 г. р.) — участник гражданской войны, быстро выдвинулся в “красные офицеры”, в мирное время был преподавателем военных школ, командиром полков, военным советником Чан Кай-ши в Китае, потом, по возвращении, командовал, в звании генерала, 99-й стрелковой дивизией, ставшей при нем образцовой, награжден орденом Ленина, о нем пишут в газетах, перед войной назначен командиром 4-го мотомеханизированного корпуса (Львов), принявшего на себя первые удары немецких бронетанковых частей.

Малышкин — начальник штаба 19-й армии.

Жиленков — армейский комиссар и член Военного совета 32-й армии, в прошлом секретарь Ростокинского райкома партии в Москве.

Трухин — профессор Академии Генерального штаба, затем начальник операционного отдела в штабе Балтийского особого военного округа.

Закутный — преподаватель в Академии Генерального штаба, потом командир 21-го стрелкового корпуса.

Благовещенский — командир бригады.

Меандров — начальник операционного отдела 6-й армии.

Мальцев — командующий воздушными силами Сибирского военного округа.

Буняченко — командир 389-й стрелковой дивизии.

Зверев — командир дивизии, военный комендант Харькова.

Корбуков, Шатов — штабные офицеры Красной армии.

О самом судебном процессе советская печать хранила молчание в течение 27 лет; лишь в 1973 году в журнале “Советское государство и право” (№2) появилась статья А. В. Тишкова “Предатель перед советским судом” (под рубрикой “Страницы истории”), где, в препарированном виде, раскрываются некоторые подробности.

Тишков сообщает, что “более года продолжалось выявление свидетелей и розыск документов”, что суд начался 30 июля 1946 года, приговор вынесен 1 августа, а стало

быть, казнь совершена в течение ближайших часов.

В описании процесса автору приходится вертеться в тисках простой, но политически острой дилеммы: объясняется измена государству у обвиняемых жалкой трусостью или враждебными убеждениями. Если трусостью, то почему они опять рвутся в бой, а не "спасают шкуру" и дальше, в рабочих командах (речь ведь идет о временах далеко за пределами страшной первой зимы)? А если это убежденные враги "советской власти", то каковы их убеждения: что они отрицают и что утверждают?

Эквилибристика начинается с первых строк. На суде Власов отвечает председательствующему, почему он сдался ("добровольно, согласно вашим убеждениям, или как?"), коротко и просто: "Смалодушничал". Однако уже в следующем абзаце описывается, как на предварительном следствии свою сдачу в плен Власов объяснял тем, что он "враждебно относился к политике Советского правительства". Но ведь это разные вещи: малодушие при защите своего государства или враждебное отношение к существующему режиму, отрицание того, что приказано защищать.

И это противопоставление признаний на суде и показаний под следствием, ах, как хорошо знакомо советским гражданам на протяжении долгих десятилетий коммунистической диктатуры. Известными "методами" следствия даже вождей партии доводили до нужных "признаний".

И так на протяжении всего повествования. Трухин на суде говорит: "Я струсил", а на следствии объяснял, что из-за репрессивных мер властей "испытывал недовольство Советской властью" и это "привело меня к открытой борьбе". Малышкин "сдался в плен из-за трусости", но он "на протяжении ряда лет относился враждебно к Советской власти". Мальцев "уклонился от эвакуации из Ялты... руководствуясь чувством ненависти к Советской власти". Примерно так и у других.

Но, может быть, это единицы, хотя и высоких рангов? Да нет: еще до их политического выступления стихийно формировались добровольческие "роты и батальоны" в составе германской армии, которых стали обозначать "Русской освободительной армией", когда Власов и Малышкин выступи-

ли с обращением "Русского комитета" в декабре 1942 года.

Тишков пишет: "Между тем, из материалов дела видно, что никакого "Русского комитета" как такового фактически не было. Это была фикция, легенда, придуманная фашистами для обмана советских людей". Пусть так, но что отсюда следует, в чем заключается "обман советских людей"? Да в том, что "советские люди" жаждали подлинных национальных, то есть антикоммунистических, образований: собственного политического центра и собственных вооруженных сил. И таких "изменников" можно было считать миллионами.

И-за нацистской политики, настоящий политический центр — Комитет освобождения народов России (КОНР) стало возможным создать слишком поздно, в ноябре 1944 года, но и тогда формировались целые дивизии из добровольцев.

Тишков перечисляет пропагандно-программные документы, которые "находились в распоряжении суда", включая Пражский манифест КОНР. Все это у него подается как "смесь" национал-социализма, черносотенных лозунгов и "программы белоэмигрантского НТСНП". Но цитат нет. Сказано только, что "все это было "причесано" под предполагаемое восприятие современного советского гражданина". А как "причесано"?

Да вот главным лозунгом было: "За новую Россию без большевиков и капиталистов!" — пишет Тишков и тут же добавляет, что "последнее — ложь". "Последнее" — это про капиталистов, потому что предусматривалось "восстановление частной собственности в сельском хозяйстве и промышленности". Но в Манифесте КОНР говорилось о ликвидации колхозов и передаче земли крестьянам, о восстановлении торговли, ремесел, кустарного промысла, о привлечении частной инициативы к участию в хозяйственной жизни страны; "капитализма" тут крохи.

Но это — "последнее" в лозунге, о капиталистах. А "без большевиков"? Молчание — поскольку это и есть "борьба против Советской власти". Но ведь речь шла о "причесывании" под восприятие советских граждан! И, конечно, в Освободительное движение массы людей привлекались идеями устранения большевистской диктатуры, ликвидации колхозов, передачи земли крестьянам, рас-

крепощения хозяйственной инициативы граждан. Об этом советские историки и пропагандисты распространяться не могут.

В заключение Тишков пишет, что в своем последнем слове на суде "признавая свою вину, о прощении просили все обвиняемые. И чем больше они цеплялись за свою жизнь, тем больше старались топить друг друга". Суд был сталинско-бериевским, да к тому же закрытым, объективных наблюдений не было, а потому и писанина эта никакой ценности не имеет. Но есть иные свидетельства о поведении руководителей Власовского движения при подготовке процесса. Генерал П. Г. Григоренко, ныне находящийся в эмиграции, в своих воспоминаниях¹ пишет о том, что рассказал ему знакомый офицер:

"К открытому суду готовились, но поведение власовцев все испортило. Они отказались признать себя виновными в измене Родине. Все они — главные руководители движения — заявили, что боролись против сталинского террористического режима. Хотели освободить свой народ от этого режима. И потому они не изменники, а российские патриоты. Их подвергли пыткам, но ничего не добились. Тогда придумали "подсадить" к каждому их приятелей по прежней жизни... Перед нами была поставлена только одна задача — уговорить Власова и его соратников признать свою вину в измене Родине и ничего не говорить против Сталина. За такое поведение было обещано сохранить жизнь... Не помогли наши обещания жизненных благ. Не помогли и наши устрашающие рассказы. Мы говорили, что если они не согласятся, то судить их не будут, а запытают до смерти. Власов на эти угрозы сказал: "Я знаю. И мне страшно. Но еще страшнее оклеветать себя. А муки наши даром не пропадут. Придет время, и народ добрым словом нас помянет" ... И открытого суда не получилось".

На суде были представлены центральное руководство и ряд важнейших служб Освободительного движения. КОНР, в силу обстановки, еще далеко не достиг той полноты распоряжения, к которой он стремился в своем развитии как высшая, всеобъемлющая организационно-политическая инстанция. Однако тенденции и перспективы в реализации его суверенности определялись довольно четко. Вот что пишет в заключении своей книги "История Власовской армии" немецкий историк и политолог Йоахим Гофман²:

"Власти и учреждения КОНР-а, быстро развившиеся, за короткий срок своего существования

стали договорной стороной, которую надо было уважать и нельзя было больше игнорировать. Немцы, привыкшие до сих пор бесцеремонно обращаться с миллионной массой русских под их владычеством, сразу оказались перед инстанцией, которая ограничивала их власть и с которой приходилось считаться. А у русских, прежде почти бесправных и лишь эксплуатируемых, внезапно возник влиятельный защитник и представитель их жизненных интересов. Тем самым образовывались совершенно новые условия".

Таким образом, с первых шагов при первой возможности, политическое руководство Освободительного движения решительно выявляло себя как независимый, суверенный в потенции, российский национально-государственный фактор. "Русское Освободительное Движение в целом", как определяла резолюция съезда Совета НТС в июле 1946 года, "оформило и организовало в единственно тогда возможных формах широкое, массовое антибольшевистское движение на территории Германии и оккупированных областей. В этом историческое оправдание его"³.

А. Колин

1. П. Григоренко. "В подполье можно встретить только крыс". Нью-Йорк, "Детинец", 1981. См. с. 216.
2. Joachim Hoffmann. "Die Geschichte der Wlassow-Armee". Freiburg im Breisgau, Rombach-Verlag, 1984. Seite 419.
3. "Сборник решений Совета НТС". Франкфурт-на-Майне, "Посев", 1958. См. с. 19.

«ВАХТА»

Газета для моряков торгового и рыболовного флота, портовых рабочих и служащих морских профессий

„ВАХТА“ предназначена для распространения среди советских моряков в западных портах. Издатель газеты — Комитет трудовой солидарности, созданный по инициативе НТС. В Комитет входят и советские моряки — как попавшие в эмиграцию, так и плавающие под советским флагом. Цель газеты — гласно добиться улучшения материального и правового положения моряков советского флота.

Адрес редакции „ВАХТЫ“:

Postfach 1735, D-6380 Bad Homburg, West Germany.

Для распространения газеты просим заказывать у А. А. Кандаурова по адресу издательства „Посев“.

Письмо генерала Меандрова

В начале мая 1945 года Офицерская школа РОА, которой командовал генерал М. А. Меандров, двигалась походным порядком на Прагу. После капитуляции Третьего Рейха (9 мая), узнав об участии Первой дивизии РОА в пражском восстании против немцев, а затем о занятии Праги советскими войсками, ген. Меандров спешно перевел школу в Чешский Крумлов и сдался американцам.

Поскольку война окончилась, ген. Меандров, который был не только начальником Офицерской школы, но и подпольным руководителем находившейся в ней группы курсантов-членов НТС, решил, что теперь следует переходить к политическим действиям и что для этого необходимо наладить связь с руководством НТС. Он вызвал двух членов НТС и распорядился отправиться на поиски руководства НТС.

Идея ген. Меандрова, которую он просил изложить руководству НТС, заключалась в следующем: служащим РОА бежать из американского и английского плена не следует. Впервые после гражданской войны русским удалось создать вооруженный кулак для борьбы против большевиков и надо приложить все усилия, чтобы его сохранить, пусть даже в плену. Американцы и англичане — народы культурные и цивилизованные, и он, Меандров, исключает возможность насильственной выдачи власовцев Сталину. Более того, союз демократов американцев и англичан с диктатором Сталиным — противоестествен и не может не закончиться конфликтом в обозримое время. Руководство НТС должно разъяснить западным союзникам, что собою представляет РОА и что его контакты с немцами были продиктованы создавшейся обстановкой („были бы вместо них французы, мы бы пытались получить помощь от французов”), и что в будущем неизбежном конфликте союзников с большевиками РОА сможет сыграть решающую роль.

Ответ НТС, изложенный курьеру Председателем НТС Байдалаковым, который тогда находился в Фюссене, был короток: немедленно возвращайся и скажи Меандрову, что союзники его планов осуществлять не будут, что будут насильственно выдавать людей Сталину. Пусть, пока возможно, разбегаются, передеваются, скрываются.

Передать это сообщение удалось не сразу, поскольку власовские части из Чехословакии были уже перевезены в лагерь в Баварию. Но и оттуда можно было бежать, хотя и не так легко. Ген. Меандрову в лагерь передали гражданскую одежду. Однако уходить он не захотел. И публикуемое ниже письмо — это ответ не только на запросы его друзей и бывших подчиненных, но и как члена НТС — руководству организации.

Почему я не убегаю из американского лагеря для военнопленных?

Этот вопрос неоднократно задавали мне многие, и я решил обстоятельно на него ответить.

Еще до окончания войны наши войска добровольно перешли на сторону американских войск. Мы верили, что великая демократическая нация в лице американского командования даст нам политический приют. Мы вверили свою судьбу американцам, и, я полагаю, надо быть последовательным и добиться благоприятного решения вопроса о нашей судьбе.

Еще могут возразить, что прошло уже больше восьми месяцев, и наша судьба не решена. Более того, были случаи насильственной репатриации. Да, единичные случаи были, но общего решения о русских невольничествах еще нет. Его нужно ждать. Долго ли? Не знаю, но глубоко убежден, что спокойствие, выдержка, организованность нам помогут больше, нежели индивидуальные попытки побегов из лагерей и нелегальная жизнь на свободе. Наоборот, это ухудшит

судьбу многих. Медленное разрешение нашей судьбы является следствием нашей вины. Вины руководителей движения. Они не смогли поставить в известность правительства и общественность демократических стран о нашем политическом движении, зародившемся в стране врага. Если бы о нас знали, хотя бы в период Ялтинской конференции, ее решения о репатриации, вероятно, были бы иными.

Чтобы правильно решить нашу судьбу, необходимо глубоко и всесторонне изучить наше движение и нас самих. Поверхностное и формальное решение было бы ошибочным и, следовательно, роковым для нас.

Наше политическое движение стремилось дать нашему народу ту социальную справедливость, ту правду народную, к которой извечно стремился наш многострадальный народ. Он боролся за нее и в период княжеских междоусобиц, во время монгольского ига, и в Смутное время, и при крепостном праве. Ознакомьтесь с русским эпосом и фольклором, и вы услышите в былинах, сказаниях и сказках, в поговорках, в пословицах и песнях народных тяжесть судьбы народной и стремление найти выход в победе правды над кривдой.

Письмо это было опубликовано в журнале „Посев” № 46, 15 ноября 1959 г.

Наше движение зародилось стихийно. Тысячи и десятки тысяч людей, без всякого руководства, движимые собственным сознанием неправды своего бытия, выступили на борьбу против власти, которую они считали не народной, несправедливой.

Если нас можно обвинять, то разве в том, что мы поздно, слишком поздно, приступили к организации этого стихийного народного протеста. Им воспользовались немцы в своих захватнических целях, и русский народ без руководства, слепо, обманутый лозунгами германской пропаганды, проливал братскую кровь. Мало, очень мало вырвали мы из рук немцев русских людей, позволили им обманывать их.

Я сделал это отступление от поставленного мною вопроса для того, чтобы подчеркнуть исторические традиции борьбы русского народа за правду, и стихийность, доподлинно народный характер нашего движения. В то же самое время это свидетельствует о том, что мы не изменники Родины, а участники политического движения за лучшее будущее русского народа.

Из-под стражи бегут люди, осужденные или боящиеся правосудия. За нами же нет вины, и мы готовы выступить перед правосудием доподлинно демократических стран. И мы будем оправданы.

Нужно ли в этих условиях бежать из лагеря и скрываться от законного преследования американской полиции? Конечно, нет.

Я полагаю, что своим побегом я добьюсь только обратного. Я докажу, что считаю себя виновным и бегу от наказания.

Представьте себе, что могло получиться, если бы все солдаты и офицеры РОА разбежались из лагерей. Специальными полицейскими мерами они рано или поздно были бы возвращены в лагерь с более строгим режимом. При этом пострадали бы и те, кто сейчас на свободе, законно пользуется ею. На всех нас, русских, стали бы смотреть, как на преступников. Положение было бы более, чем трагическим.

Представьте себе, что убежали бы в основном офицеры и в первую очередь старших и высших должностей. Как реагировали бы на это солдаты? Они бы сказали: „Нас бросили на произвол судьбы. Руководители убежали спасать свою жизнь. Выхода нет ни тут и ни там“. Решения их были бы различными, но все они для нас и для нашего движения бы-

ли бы позорными. И этот позор заклеил бы тех, кто в тяжелую минуту бросил своих подчиненных.

Наше движение постигла неудача. Мы не собираемся продолжать борьбу, но мы обязаны выйти из этой борьбы с честью. Это наш святой долг. Выход должен быть честным, правдивым, какими были и наши идеи.

Я жду с твердой надеждой, что наша судьба разрешится в конце концов благополучно для нас. Но если эти надежды не оправдаются, я предпочту достойно умереть за нашу идею, которая будет жить в нашем народе и, глубоко верю, — победит.

Я, как и большинство, честно служил русскому народу. Это обязывает быть честным до конца.

Я надеюсь, что многие поймут меня правильно.

Подписано: Меандров.

Из стихов Н. С. Гумилева

СМЕРТЬ

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерти,
Лишь под пулями в рвах спокойных
Верить в знамя Господне, твердь.

И за это знаешь так ясно,
Что в единственный, строгий час,
В час, когда, словно облак красный,
Милый день уплывет из глаз,

Свод небесный будет раздвинут
Пред душою, и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту.

Там Начальник в ярком доспехе,
В грозном племе звездных лучей,
И к старинной, бранной потехе
Отнекрытых зов трубачей.

Но и здесь на земле не хуже
Та же смерть — ясна и проста:
Здесь товарищ над павшим тужит
И целует его в уста.

Здесь священник в рясе дырявой
Умиленно поет псалом,
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом.

Борьба против большевиков в 1921 году

В 1984 году Московским Государственным университетом тиражом в 2000 экземпляров была издана книга *Юрия Александровича Щетинова „Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920—1921 г.)”*.

Весьма досадно, что лишь немногие читатели в Советском Союзе смогли (и смогут) ознакомиться с этим интересным трудом, изданным почти символическим тиражом. Безусловно, автор освещает вопрос восстаний против советской власти в 1920 году со вполне ортодоксальных идеологических позиций. Но, во-первых, он использует ряд до сих пор неизданных архивных материалов, часто позволяющих нетрудное „чтение меж строк”, во-вторых, он стоит на интересной и достаточно редкой у советских историков позиции отрицания преобладающего значения в событиях 1921 года внешних антикоммунистических сил и признания решающей роли внутренних процессов, приведших широкие слои российского общества к неприятию советской власти.

Конечно, Щетинов не мог в своих, несколько необычных для советского автора, взглядах зайти слишком далеко. Он уделяет значительное место в своей книге описанию антикоммунистической эмиграции, подчеркивая ее „массовый характер” и высокую „степень политической и военной организации” в начале 1920-х годов. Тогда в зарубежье возникло несколько организаций, стоящих на умеренных политических позициях, целью которых было создание в самой России групп, готовых к активной борьбе против советской власти. Среди них три, видимо, представляли наибольшее значение: „Национальный Центр” и „Центр Действия”, в которых участвовали видные политические деятели, как Петр Струве, Антон Карташев и Николай Чайковский, и „Народный союз защиты родины и свободы” под руководством Бориса Савинкова, в прошлом возглавителя боевой эсеровской организации и члена Временного правительства.

Но из книги Щетинова ясно видно, что хотя эти организации и достигли некоторых успехов в создании своих групп в России, не они организовали и руководили восстания-

ми, вспыхнувшими в конце 1920 и в 1921 году.

Невиновны также в „антисоветских мятежах” и „империалистических державы”. Щетинов не скрывает от читателя, что в европейских государствах тогда мало кто верил в возможность успеха антикоммунистических движений в Советской России и предпочитали, как правило, искать формы сосуществования с новым, коммунистическим государством. Автор приводит в книге известное высказывание английского премьера Ллойд-Джорджа: „Нам не удалось восстановить Россию с помощью силы. Я верю, что мы сможем это сделать с помощью торговли”. Он указывает также на весьма знаменательный факт: первый советско-английский торговый договор был подписан 14 марта 1921 года — за четыре дня до овладения красными силами мятежного Кронштадта и начала зверской расправы над его защитниками. Не одни англичане не желали тогда обострения своих отношений с Советской Россией: под давлением своего восточного соседа, например, польские власти в октябре 1921 года выслали из страны Бориса Савинкова и его ближайших сотрудников.

Итак, опираясь, как водится, на подходящую к случаю цитату Ленина, Щетинов приходит к заключению, что у „мелкобуржуазной контрреволюции” в 1921 году главные причины были не внешние, а внутренние. Немалую роль в подготовительных процессах, приведших к восстаниям, уделяет Щетинов деятельности русских демократических партий.

Он справедливо показывает, что кадетская партия (стоящая на умеренно-либеральной позиции) не обладала уже в России многочисленными активными кадрами. Но слабые право-демократического лагеря автор противопоставляет относительную мощь тех партий, которые он называет „мелкобуржуазными” — от меньшевиков и эсеров до анархистов. Любопытна таблица на 40-й стр. книги. По ее данным видно, что в начале 1920 года в стране было, например, 42 правозесеровских организации, 28 меньшевистских и 24 левозесеровских. А ведь ЧК вела беспо-

щадную борьбу против российских социалистов еще с лета 1918 года...

Щетинов подчеркивает отдельные моменты программ российских социалистов. Меньшевики, например, предлагали „в целях оздоровления экономики страны немедленно приступить к денационализации промышленности, оставив в руках [...] государства только часть важнейших средств производства”. Эсеры же выдвигали „идею социализации промышленности, распространяя ее на отрасли, которые не переходили в распоряжение 'частной предприимчивости'. И те и другие требовали 'уравнительного землепользования' и 'чтобы государство отказалось от предоставления совхозам и коммунам определенных преимуществ [...] полностью приравняв их к единоличному хозяйству'”. Российские социалисты требовали ликвидации диктатуры коммунистической партии, „уравнять в избирательных правах рабочих и крестьян, провести перевыборы всех Советов тайным голосованием под лозунгами 'Вся власть Советам, а не партиям', 'За свободные Советы'. Эти требования наш автор критикует с возмущением, считая, что „широкие слои трудящихся” их решительно отвергали...

Не надо искать в книге Щетинова объективного анализа причин антикоммунистических народных восстаний. Не пишет он и о том, что карательная деятельность чекистов или продразверстка были сами по себе причинами восстаний, а не одни лишь эксцессы, иногда их сопровождающие. Зато в книге подчеркивается преемственная связь „руководящих органов мятежей” с подпольными антикоммунистическими организациями и активнее в них участие представителей „свергнутых эксплуататорских классов”. Это последнее утверждение опровергается хорошо и давно известными фактами: ни Антонов, возглавитель тамбовских повстанцев, ни моряки, руководящие кронштадтцами, не только к этим классам не принадлежали, но и всегда сознательно избегали предоставлять руководящие должности их представителям. Таким образом, как, впрочем, указывает сам автор, в ревком кронштадцев не попал ни один из многочисленных офицеров, поддерживавших восстание.

Автор стремится создать впечатление, что восставшие в Западной Сибири и на Тамбовщине крестьяне не выражали чаяний широких масс местного населения, что их руково-

дители силой заставляли колеблющихся поддерживать повстанцев, но многие из фактов, приведенных самим автором, полностью опровергают такую установку; например, указание цифры (правда, заниженной) участников вооруженной борьбы против коммунистической власти: 30 000 — в Тамбовской губернии и 70 000 — в Западной Сибири.

Некоторое внимание уделяет Щетинов и политическим взглядам восставших. Он указывает, что у них была хорошо поставлена система пропаганды. Штабы восставших крестьян и кронштадтцев распространяли среди населения листовки и воззвания, а в Тобольске и Кронштадте даже наладили издание своих газет — „Голос Народной Армии” и „Известия Кронштадтского Ревкома”.

Программу кронштадтцев автор характеризует следующим образом: „перевыборы Советов тайным голосованием; освобождение политзаключенных социалистических партий; ликвидация политделов в Красной Армии и флоте; снятие заградительных отрядов; предоставление крестьянам ведения хозяйства по их усмотрению; пересоздание казенных профсоюзов в вольные объединения рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции”.

А программа тобольского Союза трудового крестьянства включала: „созыв Учредительного собрания по принципу всеобщего, прямого, равного голосования, политическое равенство всех граждан, не разделяя на классы”, „свободу слова, совести, печати, союзов и собраний”, социализацию земли, „частичную национализацию фабрик и заводов, рабочий контроль и государственный надзор над производством, удовлетворение предметами первой необходимости, в первую очередь продовольствием, населения города и деревни через кооперативы”. Программа же тамбовцев, отмечает Щетинов, мало отличалась от программы западносибирских повстанцев.

Подробное описание программных установок повстанцев 1921 года не часто встречается у советских историков. У Щетинова оно — не случайно, входит необходимой основой в подкрепление аргументации главного замысла автора: показать связь между событиями 1921 года и „провалившимися контрреволюционными выступлениями” в Венгрии в 1956 году, в Чехословакии в 1968 и в Польше в 1981-ом. Как и тогда, „мелкобуржуазная контрреволюция” — большая опасность

для советской власти. Беспощадное подавление моряков и крестьянских повстанцев должно служить „грозным предупреждением всем тем слоям населения, которые /.../ колеблются, поддерживают различные модели 'улучшенного', смягченного социализма“.

„Иллюзорны и полностью бесперспективны для трудящихся, — предупреждает Шети-

нов с металлом в голосе, — все попытки найти некий 'третий путь' в социалистической революции и строительстве новой жизни, избрать среднюю линию — между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии“.

Николай Р о с с

«Расставание» Л. Бородина

Каждая значительная книга, написанная автором, живущим сейчас в Советском Союзе, — событие, подробно обсуждающееся на Западе. Дело даже не в границе и крепком ее замке, а в том, что некоторых современных русских писателей можно считать самыми надежными посредниками между нами и страной, которую мы должны были покинуть. Они показывают нам облик „нового мира“, построенного новыми людьми, их „собственной рукой“. С этой точки зрения роман Л. Бородина „Расставание“* (третья книга писателя, вышедшая на Западе) представляет для нас особый интерес.

С первых же страниц чувствуется, что у этого писателя есть неистребимое в русском характере стремление к осознанию смысла жизни, желание сделать свои поступки справедливыми, поиск духовного начала путем обращения к Богу и религии. А „в нашем мире пустых телодвижений Его быть не может, наш мир надежно защищен от Него, мы живем в хитро устроенном б о г о у б е ж и щ е!“ — говорит автор словами своего главного героя (с. 105).

Бородин описывает общество, в котором пытались заменить веру в Высшее и Разумное Начало верой в горьковского „человека с большой буквы“. Однако, как мы видим, учение неверию в Бога обернулось презрением к человеку. И действительно, он, лишенный Божественного внимания, т. е. высшей защиты, награды или наказания, потерял глубину мысли и чувства, потерял понятие о человеческом достоинстве.

Главный герой романа Геннадий, от имени которого ведется повествование, человек раздвоенный, неудовлетворенный, ищущий выход из тупика современной жизни. Он занят сложным самоанализом, не доверяет своим помышлениям и действиям, осуждает

свои привычки, сознавая их порочность — в разуме, высшем понимании человеческого бытия. Окружающее не соответствует его внутренней настроенности.

Прекрасно, с ценными стилистическими находками, и без всяких модных ныне эскессов описана жизнь большого современного города — Москвы. Показан быт людей в основном привилегированных, но совершенно различных по характеру. Нездоровая атмосфера большого города с его беспоконным ритмом, где думать приходится в метро или в такси, а дома люди хватаются за телефонную трубку — почти единственный сегодня способ общения, „совершенно новый вид искусства, порождение второй половины двадцатого века“ (с. 27). Очень хорошо дан тип современного советского делового человека и одновременно гедониста, комфортабельно „выживающего“ в любых условиях. „Я, старик, живу полностью в свое удовольствие. У меня хватает энергии и ума, чтобы добиваться всего, что пожелает моя прихотливая душа“ (с. 59). Житель большого города „приспособлен к машинному перегару, он действует на меня как степной ветер на сына степей“ (с. 122). К тому же он умеет все высмеять или передразнить.

Семья Геннадия живет в двух отдельных квартирах в полной дисгармонии — каждый своей жизнью, непонятной и неприемлемой для другого. Удобная философия отца: „Существующее разумно“. Странное диссидентство сестры — скорее эмоциональное, чем разумное, полная неспособность матери понять и помочь своим детям — все это постоянно сталкивается с внутренней неустроенностью Геннадия в его заколдованном круге неразрешимых проблем. Кажется, что на этом фоне невозможна большая жертва во имя чего бы то ни было.

В любви к дочери священника, живущей с отцом где-то в далекой глуши, видит Ген-

* Л. Бородин. Расставание. Изд. „Посев“, 1984.

надей свое спасение. Она должна помочь ему уйти от обычного, но внутренне чуждого ему окружения. Ее мир представляется Геннадю неким Градом Китежем, где все справедливо и красиво. Автор не дает нам увидеть, что было бы от столкновения этих двух, совершенно различных и даже враждебных друг другу миров. Но мечте не суждено осуществиться. Геннадий пожертвовал своей любовью, с помощью которой надеялся он начать новую жизнь.

В конце книги описывается невеселое веселье. „Мы же, честные советские люди, погружаемся в веселье, как в хмель, как в наркотик, половинчатые радости нас не устроят, не удовлетворят, от половинчатости мы впадаем либо в хандру, либо в буйство” (с. 212). Далее идет изображение гротескного современного танца — некое „музыкально-хореографическое хлыстовство”, на которое с удивлением и ужасом смотрит дьяк Володя, напоминающий Алешу Карамазова. Дьяк Володя приехал из того далекого мира, к которому так хотел приспособиться главный герой романа.

Человек тяжелой судьбы, отбывающий срок в советских лагерях, Леонид Иванович Бородин и в этой книге не только зоркий и талантливый писатель. Он мыслитель. Его, несколько сардонический, ум заставляет оглянуться вокруг — увидеть, осознать, почувствовать. Многое осудить. И многому обрадоваться.

Валентина Синкевич

Беззащитность

Перевернута последняя страница книги Леонида Бородина — „Расставание”. И передо мной, как в калейдоскопе: люди, слова, события, а в ушах — все звучит призыв о помощи. В нем ужас и надежда, жажда жизни и обреченность, и обнаженная беззащитность.

Почему слышу я, волею судьбы оказавшийся так далеко от родных мест, этот призыв? Почему там этот вопль истерзанной души теряется в пустоте, почему глухи к нему те, кого он ищет, что оглушило их, этих „простых советских людей”?

„Социализм победил полностью тем, что переработал душу...”, говорит отец Жени, главного героя книги Бородина. Беспощадный цинизм или горькая реальность? Но, вспомните, объявила ведь партия о том, что

создан — будто гибрид — новый тип человека, с новым кодексом морали, лишенной самого главного — умения сострадать. А, впрочем, нужно ли сострадание там, где каждый получает свою, точно дозированную часть счастья еще с рождения? Тут уж не сострадать — завидовать надо, а завидуя, пытаться урвать для себя побольше, отобрать у другого. В такой круговерти нет времени на размышления — вмиг в сторону отнесет, а там уже на виду, на подозрении, а там уже или кнутом или пряником: система замкнута, центростремительна с четко очерченными границами, с охранниками и охраняемыми грамотами.

Вот захотела Люська, сестра героя, немножко больше, чем разрешено, и уже — социальна опасна, уже меры приняты. Тут ведь что настораживает власть предрержащих: не для себя захотела — для других. И чего для других хочет — сво-бо-ды. Пока лишь душой принимает это слово; душой? Это и страшно, умом — так то пожалуйста: думать можешь, можешь даже потреть языкком, но вот, когда душа начинает болеть, — тут „лечение” необходимо, в профилактическом порядке.

Словно паук, система соткала огромную сеть из слов, и в ячейках сети барахтаются, захлебываясь словами, ее служители, и нет времени думать, действовать, когда каждый час, каждый миг отданы лишь одному — усилиям достать, провернуть, кому-то что-то сунуть и получить что-то взамен, словом, только бы уцелеть, не запутаться в сети — выжить.

Спешит автор, гонит своего героя, и мы мчимся вслед, встречаясь с мирком людей из среды московской интеллигенции: тут и „марксoidsный папа” со своей „двуспальной коллегой”, тут и „диссидентствующие элементы”, и скурихины, а главное, встречаем мы новый, нарождающийся еще только, социальный тип — Женьку „Полузтого”. Самый потрясающий рассказ в книге, на мой взгляд, — судьба бывшего разведчика, игравшего много раз со смертью, один на один, а ныне заурядного забулдыгу Андрея Семеновича. На его плечах, плечах сотен тысяч таких, как он, устояла Россия, а потом, на этих же плечах, выросли забывшие о родстве „полузти”... Этим уже не нужна опора, потому как сами они — очередной слой, пригодный лишь для того, чтобы выросли на нем иные — неужели более гадкие? — побег.

А где-то рядом, словно родник на пути мутного потока, течет другая жизнь. О ней — всего несколько страниц, оттуда — всего три человека, священник, его дочь и дьяк. Но как печально-прекрасна и эта жизнь, и эти люди, и тот мир, в котором умеют чувствовать чужую боль и прощать, где нет лжи. Но, думается мне, и не уведит автор своего героя в чудо-царство потому, что он, взрощенный на иной почве, напичканный до предела различной информацией, перепутавший все понятия о добре и зле, боится этого мира. Для него — уйти туда, все одно, что отказаться от какой-то борьбы. За что? Ну, хотя бы за свое существование. Типичный интеллигент, герой повести вмиг обжигается, лишь мимолетно коснувшись нового мира, и ведь сгорит, если останется там. В том и беда, вероятно, многих поколений русских интеллигентов, что, отказавшись от Бога, они ничего не обрели взамен. И если еще была идея у декабристов, народовольцев — ради нее на смерть, на каторгу шли, то сегодняшние, ку-

паясь в безыдейной пустоте, лишь ворошат слова, а чуть повиснет над головой „карающий меч“, — вмиг забудут то, что было, и вспомнят то, чего не было.

И очень немногие, и Бородин из их числа, сумели преодолеть эту пустоту инерции, вырвались из ячеистой сети, понимая, как прочна сеть, как невероятно тяжело вырваться из нее, отдавая себе отчет, что только за одну попытку можно хлебнуть вдосталь. Но — попытались, чтобы быть просто человеком, а значит личностью, свободным.

„Расставание“ — назвал Леонид Бородин свою книгу. Так и не придя в тот мир, где „не судят“, герой его повести вряд ли обретет покой души там, где живет. Но, возможно, один раз сделал маленький глоток родниковой жизни, уже не забудет вкуса, уже не сможет жить по неправде. Возможно, чем больше будет таких — вкусивших, заболевших духовным непокоем, тем сильнее надежда — будет Русь!

Э. Букринский

● РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬ

Подготовка празднования 1000-летия Крещения Руси

Как мы уже сообщали, 8 марта 1986 г. в Париже состоялось первое собрание Западноевропейского комитета ознаменования тысячелетия Крещения Руси (“Посев” № 5, 1986). Второе собрание Комитета состоялось 26 июня 1986 г. в церковном доме при соборе св. Александра Невского в Париже. Ниже мы публикуем сообщение Комитета, в котором излагаются как цели, так и намеченная программа его деятельности.

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ КОМИТЕТ ОЗНАМЕНОВАНИЯ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

К предстоящему в 1988 году Тысячелетию Крещения Руси в Париже образовался Комитет, в который вошли представители от Западно-Европейской Русской Православной Архиепископии, от Западно-Европейской Епархии Русской Зарубежной Церкви и от 32 русских общественных и бытовых организаций Франции, Бельгии и Германии.

Задачей Комитета является устройство в июне 1988 года чествования этого великого события русской истории, положившего начало русской культуре и русскому государству и указавшего ему высокий и верный путь.

Русские люди на родине лишены возможности свободно высказываться и достойно отметить этот юбилей. На нас поэтому лежит особая ответственность — мы должны возможно лучше, полнее и ярче осветить это исключительное по своей важности событие.

В связи с этим Комитет выработал следующую программу:

— В воскресенье 12 июня 1988 г., в День Всех Святых, в Земле Российской просиявших, в Париже и других центрах русского рассеяния в Западной Европе будет отслужен молебен.

— В тот же день в Париже устраивается торжественное собрание, на котором будут сделаны два доклада, из которых один прочтет известный писатель В. Волков; кроме того выступит хор Юношеских организаций.

— В эти же дни в одном из парижских музеев устраивается большая выставка, посвященная теме “Влияние Крещения Руси на русскую культуру”.

— На парижском Монетном дворе чеканится памятная бронзовая медаль по проекту А. Б. Сереб-

рякова, которая поступит в продажу в сентябре этого года.

— Юношеским организациям предложено устроить совместно двухдневный съезд с программой, составленной так, чтобы возможно большее число нашей молодежи прониклось значением отмечаемого события.

— Предполагается издать юбилейную памятку с описанием того, где и как происходили празднования этого юбилея.

Для осуществления этой программы создано несколько комиссий, которые уже приступили к работе. Но требуются еще люди, могущие помочь, а главное, необходимы денежные средства. Поэтому Комитет обращается к русским людям и ко всем тем, кто понимает значение этого юбилея, с просьбой откликнуться и принять участие в этом общем для нас русском деле.

*Председатель Комитета
Князь С. С. ОБОЛЕНСКИЙ*

Comité pour la commémoration du millénaire
du Baptême de la Russie (988—1988)
10, Square de Côtillon, 75014 Paris.

В защиту Ирины Ратушинской

Международная писательская организация ПЕН-клуб провела ряд мероприятий в защиту заключенной в Мордовских лагерях Ирины Ратушинской. В Нью-Йорке, Чикаго и Лондоне были проведены 24 мая 1986 г. открытые собрания с чтением ее стихов. В Нью-Йорке чтения проходили вблизи советской миссии при ООН на углу Лексингтон авеню и 67-й улицы. Американский ПЕН-клуб составил декларацию, которую подписали 35 американских писателя, среди них Артур Миллер, У. Стайрон и К. Воннегут.

Французский статс-секретарь по правам человека Клод Малюре принял 6 июня 1986 г. президента международного ПЕН-клуба, английского прозаика и критика, Фрэнсиса Кинга и президента французской секции ПЕН-клуба Рене Тавернье. На этой встрече представители ПЕН-клуба обратились к французскому правительству с просьбой выступить в защиту Ирины Ратушинской, русской поэтессы, отбывающей заключение в условиях жестокого произвола, угрожающего ее жизни.

В русском зарубежном издательстве "Посев" готовится к печати сборник стихов Ирины Ратушинской "Вне Лимита".

● ПРИЛОЖЕНИЕ

Как это уже делалось неоднократно, иногда в ежеквартальных сборниках „Посева“ мы публикуем в виде приложения материалы из других русских органов печати. На этот раз мы сочли необходимым перепечатать пришедшее в последнюю минуту сообщение об освобождении И. Ратушинской (из газеты „Русская мысль“), а также письма из России (из Инф. бюллетеня НТС „Встречи“).

Ирина Ратушинская — первые дни на свободе

Утром 10 октября на Западе было получено сообщение, что поэтесса Ирина Ратушинская освобождена из киевской тюрьмы, куда ее в июле этого года привезли «на перевоспитание». Ратушинская и ее муж сразу же позвонили друзьям на Западе, чтобы сообщить радостную весть о неожиданном освобождении.

Как стало известно из этого и последующих телефонных разговоров с Ратушинской и Игорем Герашенко, освобождение происходило так. Во второй половине дня 9 октября Ратушинскую вызвали к тюремному начальству, где ей сообщили, что она освобождена Указом Президиума Верховного Совета СССР. Копию указа Ирине не дали, а она, по ее словам, была настолько ошеломлена, что толком не разобрала все формулировки. Ни

Ирина, ни ее родственники не ходатайствовали о помиловании. Наоборот, они отказывались просить о нем, несмотря на все уговоры властей.

«Затем, — рассказывает Ирина, — меня моментально собрали и отвезли домой. Я даже опомниться не успела...» Ратушинской даже предложили заехать за мужем на работу, но она не смогла воспользоваться этой «любезностью», так как не знала точно, куда Игорь Герашенко устроился работать, пока она была в лагере.

Итак, почти через четыре года после того, как Ратушинскую арестовали и увезли на белой «Волге», ее в «Волге» же доставили обратно домой. Правда, на сей раз в черной...

В беседах с друзьями после освобождения Ратушинская постоянно

подчеркивала, что, несмотря на то, что с июля режим ее содержания (питание и общие условия) был несравненно лучше лагерного, она сейчас очень слаба и нуждается в лечении. Больше всего ее волнует вопрос — сможет ли она иметь детей, так как после сильного воспаления придатков, которое было у нее в лагере, лагерный врач сказал, что она никогда не сможет родить ребенка. «Это действительно волнует меня в первую очередь, — говорит Ратушинская, — все остальное: боли в сердце, почки, головные боли (последствия сотрясения мозга) — беспокоит меня гораздо меньше». Не зная диагнозов, Ирина не берет-ся определить, что надо будет лечить в первую очередь. «Я вошла в тюрьму здоровым человеком, поэтому единственное, что мне понятно, что все это — последствия заклю-

чения. Но я не могу с уверенностью сказать, насколько они серьезные и необратимы, надо ли мне просто отдохнуть или необходимо серьезно лечиться. Да и насколько будет вообще возможность вылечиться...» Рассказывая об этом, она добавляет с иронией, что пока «учится ходить»: проходить расстояние больше, чем ее комната или коридор.

В этих телефонных разговорах Ратушинская неоднократно высказывала глубокую благодарность всем, кто выступал в ее защиту. Она уверена, что ее освобождение — прямое следствие кампании на Западе. Она говорит, что чувствовала это и в лагере и это помогало ей переносить все лишения. «Даже в те длительные периоды, когда у меня не было никаких известий, да и сама я не могла ничего о себе сообщить, даже тогда я — и все мои соузницы — ощущали любовь и заботу почти физически. Трудно объяснить, как это происходит. Видимо, напряженность этого поля доброты и заботы, которое мы знали это, верили в это) окружало нас, становилось осязаемой заочной поддержкой. Даже тогда, когда не было никаких материальных доказательств, власти всячески внушали, что о нас все забыли и никто нами не интересуется».

Самой Ратушинской помогло и другое. «Я знала своего мужа, знала, что он готов разделить со мной все, что нас невозможно шантажировать. А вдвоем гораздо легче не бояться».

Ратушинская подтвердила, что женщинам-политзаключенным

приходится в лагере несравненно тяжелее, чем «бытовикам», потому что власти должны их перевозить. От них все время чего-то требуют. При этом, несмотря на бесконечные зыскания по любому поводу, лагерная администрация «проявляла и некую настоятельность в обращении с политзаключенными, даже, можно сказать, некоторый пиетет». И все-таки называли политзаключенных гораздо жестче. Так, однодневная голодовка неоднократно стоила Ири-не 15 суток ШИЗО, а на голодовки женщин-уголовниц никто просто не обращает внимания.

Ратушинская говорит, что гласность, несомненно, необходима, но надо отдавать себе отчет в том, что временами она может привести к временному ухудшению положения заключенного. «Мы часто замечали приливы и отливы в отношении к нам, и по тяжести репрессий могли вычислить, что происходит. У нас ведь не было практически никакой информации из свободного мира. Письма не доходят или не уходят, а чаще всего и то, и другое. Так вот, и по этому признаку можно было вычислить: переписку на какое-то время перекрыли, значит, что-то там происходит. Или, прошла половина обьсков: значит, что-то там, на воле, происходит. Но я не могу сказать, что мне лично даже временно от гласности бывало хуже: а в результате оказалось, что именно благодаря этому я жива и на свободе. К промежуточным неприятным моментам я была готова, в конце концов я знала, на что иду».

Ратушинская продолжала писать в лагере стихи, и это очень ей помогло. «Не знаю, кто кого вытравивал, — говорит она, — я — мои стихи или они — меня. Скорее всего, правлен последний вариант. Премущество поэта ведь состоит в том, что ему ничего не надо для работы. Можно даже обойтись без бумаги и карандаша, в ШИЗО они не положены. Но удавалось писать стихи и в ШИЗО. Они не проза, легко запоминаются. Я вообще помню все свои стихи».

Ирина Ратушинская намеревается посвятить следующий сборник стихов своим подругам по «малой зоне» лагеря в Барашево. «Они постоянно присутствуют в моих мыслях, — говорит она, — это — родные мне люди, я все время беспокоюсь об их судьбе».

Сейчас Ирина Ратушинская и Игорь Герасценко подали заявление на гостевую визу по полученным из Англии приглашениям. В Англии Ирина предлагает пройти полное медицинское обследование и необходимый курс лечения. Никто не сможет вернуть ей вырванные из ее жизни жестокие годы. Но все-таки ее освободили без каких бы то ни было условий и обязательств и вернули паспорт без пометок о судимости, и это позволяет надеяться, что советские власти дадут ей возможность хотя бы восстановить подорванное здоровье.

АЛЕНА КОЖЕВНИКОВА

«Русская мысль»

31 октября 1986

=====
П И С Ъ М А И З Р О С С И И
=====

"... В прошлом году я был в Москве, где встречался со старым знакомым, с которым мы не виделись, как пересчитали, лет десять и поэтому засиделись до петухов. На меня большое впечатление произвела серьезная переоценка, проделанная им, роли христианства в развитии нашего общества. Из наших бесед я понял, что он не одинок, у него есть друзья, разделяющие его взгляды. Он ознакомил меня с весьма любопытным документом. Он состоит из нескольких разделов, в которых говорится об экономических проблемах, о культуре, о политическом устройстве общества на основе христианско-демократических начал. И каждый раздел попадает в точку. Все это объединено духом соборности и артельности на исконно русской основе. Есть там и созвучие вашим "альтернативным решениям", и образ "Великой России", и я сейчас в серьезном смятении: открываться ли моему другу? Ведь проблемы, изложенные в документе, могут предопределять многое, быть может даже нашу дальнейшую судьбу... Ф.С., июнь 1986 г."

==XHX==

"... Очень рад, что в вашем лице нашел единомышленников, беспокоящихся о судьбе России. В вашем письме все довольно верно, только, к

сожалению, информация ваша часто запаздывает. Периодически по радио приходит свежая информация, правда она не так подробно и остра...

У нас сейчас вся информационная машина раскручивает "новую волну" великой перестройки. А на деле страна на грани катастрофы. Новое руководство, новые обещания, новые требования, а изменений нет. За всю "систему" отдувается народ. Так было и при Сталине, и при его приемниках. Еще многие верят красивым обещаниям, срабатывает рефлекс на "больших людей". А в итоге ничего, кроме отсталости, скуки, "таракановой" жизни...

Ваша работа, даже из зарубежа, приносит большую пользу. Ведь ясно, что сидя в четырех стенах и считая себя борцом за идею хорошего не добиться и каких-либо радикальных изменений не совершить. Но при разговоре с друзьями я замечаю, что мои суждения не так уж и одиноки; очень многие, если не большинство, понимают, что все эти "новые" перестройки опять лягут тяжелым бременем на народ, опять начнется палочная система в отношении интеллигенции, честных и умных, передовых людей. Но с каждым новым генсеком все меньше людей верят кремлевским мечтателям. И это уже большое дело. Это уже расквачка машины. Верно, что и эта последняя кампания даст нужные нам плоды и ряды наших людей не только увеличатся, но и сплотятся. Станет единый выбор: или - или, середины не будет...

В вашей информации заинтересованы многие. Уверю, что еще при нашей жизни вы услышите спасибо от народов сегодняшнего СССР...

П.П., июль 1986 г.

===xHx===

"... Ситуация в нашем обществе в последнее время заметно изменилась, что связано с крупными изменениями в высшем эшелоне, недавно прошедшим съездом и поворотом во внутреннем курсе, по крайней мере в лозунгах. Если экономическая политика не останется на бумаге, то это нечто притягательное для масс, хотя по большому счету все это сильно смахивает на полумеры и прожекторство.

Не так просто втиснуть в голову тех, кого развратила бесхозяйственность, что нужно развернуться на 180 градусов и работать по новому. Наше предприятие в этом аспекте может быть более благополучное, чем иные другие, - у нас хотя бы существует дисциплина производства, но и здесь на каждом шагу видны и безголовость руководителей и незаинтересованность рабочих. Что тогда можно сказать об обстановке на какомнибудь мелком заводике, где экономическая безалаберность глубоко въелась в плоть и кровь каждого? Санкциями сверху здесь дела не решить, а чтобы наладить его на удовлетворительном уровне, нужна личная заинтересованность и полная самостоятельность действий на местах.

Так думается мне и так думается большинству тех, с кем приходится общаться. Поэтому есть уверенность, что наше дело строится не на песке и имеет право на жизнь. И это помогает нам преодолевать трудности и переживать неприятности...

К.М., июль 1986 г."

===xHx===

"... Ознакомившись с присланным вами материалом, пришел к выводу, что аварию на Чернобыльской АЭС на Западе несколько преувеличивают. Хотя наш город находится не далее 500 км от Чернобыля, у нас все нормально, волосы ни у кого не выпадают. Никаких препаратов в нашем городе население не принимало. Действительно, из опасной зоны люди эвакуированы, часть детей размещены в пионерских лагерях нашей области. Есть и взрослое население, которое живет и трудоустроено у нас. По этому

вопросу систематически читаю прессу, она настраивает на оптимизм. Хотя на этот счет у меня есть своя точка зрения...

Н.В., июль 1986 г."

===xXx===

"... Спасибо за вашу посылку. Особенно сильное впечатление на меня произвела своевременная и точная информация о трагедии в Чернобыле. По-моему, значение этой публикации для русского читателя трудно переоценить - оно огромное. Я постараюсь ее распространить в наиболее короткий срок и по возможности с наибольшим эффектом, чтобы она попала в нужные руки. Действительно, широкая общественность в СССР знает меньше всех о подлинных масштабах этой катастрофы. На днях мне удалось поговорить с московским физиком, который участвовал в научной конференции в моем городе. Он подтвердил, что на следующий день после взрыва в зоне электростанции жизнь проходила своим чередом, люди отправлялись на работу, школьники на занятия. Между прочим, детей потом эвакуировали в школьной форме.. Такая истинная преступность властей, конечно, поражает и изумляет. Мой собеседник привел цифру 90 000 человек, на здоровье которых повлияют последствия "аварии". По его словам, специалисты в СССР немедленно поняли всю серьезность ситуации, однако руководство и здесь осталось верным своим принципам. В общем-то, анализировать преступную бездейственность советского правительства здесь не стоит - в этот раз оно на весь мир продемонстрировало свой подлинный характер..

Еще раз спасибо за все и желаю вам успехов в вашей нелегкой работе.

С.О., июль 1986 г."

"Встречи" № 277, окт. 1986 г.

„П О С Е В“ – ежемесячный общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года.

„П о с е в“ участвует во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

**ПЕРЕФОТОГРАФИРУЙТЕ
НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫЕ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ
СТАТЬИ И РАЗОШЛИТЕ ИХ
ПО ПОЧТЕ ПО РАЗЛИЧНЫМ АДРЕСАМ В СССР**

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА „ПОСЕВ“

Главный редактор Е. Р. Миркович
Ответственный секретарь В. М. Рыбаков

Редакционная коллегия: А. Н. Артемов, М. В. Назаров, Ф. Е. Назанский, Р. Н. Редлих, Я. А. Трушнович, А. М. Югов (Франкфурт-на-Майне); Г. Г. Бонафедэ (Австралия); В. Г. Ламздорф (Испания); Б. С. Пушкарев (США); Н. Н. Рутыч, А. П. Стольпин (Франция); прот. Кирилл Фетиев (ФРГ).

Адрес редакции: Possev-Redaktion
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M.-80

Телефон: (069) 34 18 19

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов „П о с е в а“ в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимы разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран – приветствуется.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПОСЕВ“:

АВТОРХАНОВ А. *Загадка смерти Сталина* (Заговор Берия). Анализ документов и событий, связанных со смертью Сталина. *Происхождение партократии* (два тома). Историческое исследование, показывающее, что сталинщина — лишь логичное завершение ленинизма. *Технология власти*. Классический труд по истории сталинизма. *Мемуары*.

БОРОДИН Л. Повести *Год чуда и печали*, *Третья правда*, роман *Расставание*. Автор, отсидевший в лагере 6 лет (1967–73) за участие в подпольной организации ВХСОН), в 1982 г. приговорен к новому сроку — 10 лет заключения и 5 лет ссылки.

БУЛГАКОВ М. *Мастер и Маргарита*. Места, выпущенные цензурой в первом советском издании, напечатаны курсивом.

БУНИНЫ И. А. и В. Н. *Устами Буниных*. Дневники, под ред. М. Грин, в 3 томах.

ВЕХИ. Сборник статей о русской интеллигенции. Воспроизведение издания 1909 года. Статьи Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка и др.

ВЛАДИМОВ Г. *Верный Руслан*. История караванной собаки. *Три минуты молчания*. Восстановлено все, выброшенное советской цензурой. *Большая руда*. Зарубежное переиздание с послесловием автора. *Не обращайтесь вниманья, мастро*. Сюжет — осада квартиры писателя органами КГБ — взят из жизни самого Владимова.

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. Постоянно переиздающийся и пополняемый сборник статей. Анализ боевых действий, причин войны и факторов, влияющих на ее дальнейший ход.

ВРАНГЕЛЬ П., генерал. *Воспоминания*.

ВЫШЕСЛАВЦЕВ Б. *Философская нищета марксизма*. Классический труд по критике марксизма, автор которого, известный русский философ, был выслан из СССР в 20-е годы.

ГАЛИЧ А. *Когда я вернусь*. Полное собрание стихов и песен трагически погибшего барда, члена НТС.

ЗЕНЬКОВСКИЙ В., протоиерей. *Основы христианской философии* (в 2-х томах).

КОМАРОВ Б. *Уничтожение природы*. Обостренные экологического кризиса в СССР.

ЛЕВИЦКИЙ С. *Основы органического мировоззрения*. Автор книги — известный русский философ-солидарист. *Трагедия свободы*. В предисловии Н. О. Лосского к этой книге отмечена ее преемственность по отношению к философской линии В. Соловьева. *Очерки по истории русской философской и общественной мысли*.

ЛОССКИЙ Н. *Характер русского народа*. Один из известнейших русских философов XX в. анализирует положительные и отрицательные черты характера своего народа. *Общедоступное введение в философию*.

МАКСИМОВ В. *Собрание сочинений*: 1. *Сага о Савве*. 2. *Семь дней творчества*. 3. *Карантин*. 4. *Процание из ниоткуда*. 5. *Жив человек*. Пьесы. 6. *Кочевье для незваных*.

НАДЕЖДА, Христианское чтение. Самиздатский православный сборник, выходит 2–3 раза в год.

НЕЗНАНСКИЙ Ф. *Журналист для Брежнева, Армарка в Сокольниках*. Детективы, основанные на реальных фактах преступлений в номенклатурных верхах.

НЕИЗВЕСТНЫЙ Э. *Говорит Неизвестный*. Знаменитый скульптор говорит о себе, о своем творчестве, о сущности сов. режима.

НЕКРАСОВ В. *Сталинград* (повесть „В окопах Сталинграда“ и рассказы). Зарубежное переиздание с послесловием автора.

ОКУДЖАВА Б. *Проза и поэзия*. Повесть *Будь здоров, школяр*, рассказ «Промоксис», стихотворения, песни.

ОСИПОВ В. *Три отношения к родине*. Сборник статей осужденного в 1975 г. на 8 лет лагерей редактора самиздатского русского национального журнала «Вече».

ОРВЕЛЛ Дж. 1984. Русский перевод всемирно известного утопического романа, изображающего тоталитарную систему, доведенную до своего логического завершения. *Скотский хутор*. Сатирическая повесть о коммунистическом обществе.

ПАСТЕРНАК Б. *Доктор Живаго*.

ПУШКАРЕВ С. *Самоуправление и свобода в России*. О развитии форм народного самоуправления от древней Руси до их крушения в 1917 г. *Роль Православной Церкви в истории России*.

РАЗРУШЕННЫЕ И ОСКВЕРНЕННЫЕ ХРАМЫ. Составленный в Самиздате фотоальбом с послесловием «Пределы вандализма».

РЕДЛИХ Р. *Сталинщина как духовный феномен*. Советские мифы и фикции, психика советского человека, нравственный облик сталинизма. *Советское общество*. Социологический анализ советского общества. *Солидарность и свобода*. Изложение идеологии НТС.

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ. Сборник исторических статей. Составители: В. Желягин и Н. Рутыч.

А. САХАРОВ В БОРЬБЕ ЗА МИР. Статьи, выступления, письма А. Д. Сахарова.

СОЛЖЕНИЦЫН А. *Собрание сочинений* в 6-ти томах: 1. *Один день Ивана Денисовича* и рассказы. 2. *Раковый корпус*. 3 и 4. *В круге первом*. 5. Пьесы, рассказы, статьи. 6. «Дело Солженицына», *Нобелевская премия, О творчестве Солженицына*.

«СОЛИДАРНОСТЬ». 3-е изд. Анализ польских событий 1980-82 гг. с выводами, которые должно сделать для себя рабочее движение в России.

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. Проза, поэзия, очерки современности, философия, публицистика, литературная критика и пр.

Журнал считает своим долгом способствовать развитию свободной мысли, свободного слова, свободного творчества; способствовать публикации произведений, которые не могут быть изданы на родине из-за цензурных ограничений. Из широко известных авторов в „Гранях” были опубликованы произведения А. Авторханова, В. Аксенова, митрополита Анастасия (Грибановского), Н. Арсеньева, А. Ахматовой, Л. Бородина, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича, Б. Вышеславцева, Ю. Галанскова, А. Галича, З. Гиппиус, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, Н. Заболоцкого, Б. Зайцева, Е. Замятина, Л. Копелева, Н. Коржавина, В. Корнилова, З. Крахмальниковой, А. Куприна, С. Левицкого, Н. Лосского, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Набокова, В. Некрасова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, К. Паустовского, А. Платонова, Г. Подъяпольского, И. Ратушинской, Р. Редлиха, А. Ремизова, Ф. Светова, А. Солженицына, Вл. Солоухина, М. Цветаевой, И. Шмелева, В. Шульгина и др.

Периодически выходят сборники — „Грани. Избранное” — книжечки карманного формата, на тонкой бумаге, содержащие избранные произведения из опубликованного в „Гранях” за два года и предназначенные для распространения внутри страны.

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ» К РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Издательство «Посев» предоставляет вам возможность публиковать те произведения, которые не могут быть изданы на родине из-за политической цензуры. Если автор хочет опубликовать свою рукопись под псевдонимом, издательство примет меры к тому, чтобы исключить возможность установления личности автора.

Произведения, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора — они становятся достоянием российской литературы. Поэтому издательство «Посев» считает своим долгом способствовать публикации таких рукописей.

Авторские гонорары выплачиваются по первому требованию автора. Пересылать рукописи можно как через своих друзей, едущих в некоммунистические страны, так и через иностранцев, посещающих СССР. За границей надо сдать пакет на почту, а если это невозможно — опустить в почтовый ящик без марок. На пакете надо указать следующий адрес:

Possev-Verlag Flurscheideweg 15 D-6230 Frankfurt/M. 80

Дорогие друзья! Наши возможности переправки в Россию литературы из зарубежья пока невелики. Коммунистический режим содержит на границах огромный аппарат цензуры и таможни, на преодоление которого требуется много усилий. Каждый экземпляр журнала, проникший в страну через эти заслоны — это труд и риск многих людей. Поэтому — берегите литературу. После прочтения передавайте другим. Пока такая литература не может свободно издаваться в нашей стране, — она не может быть личной собственностью. Фотографируйте журнал, размножайте его доступными способами и рассылайте по почте. Это будет вашим вкладом в наше общее дело.